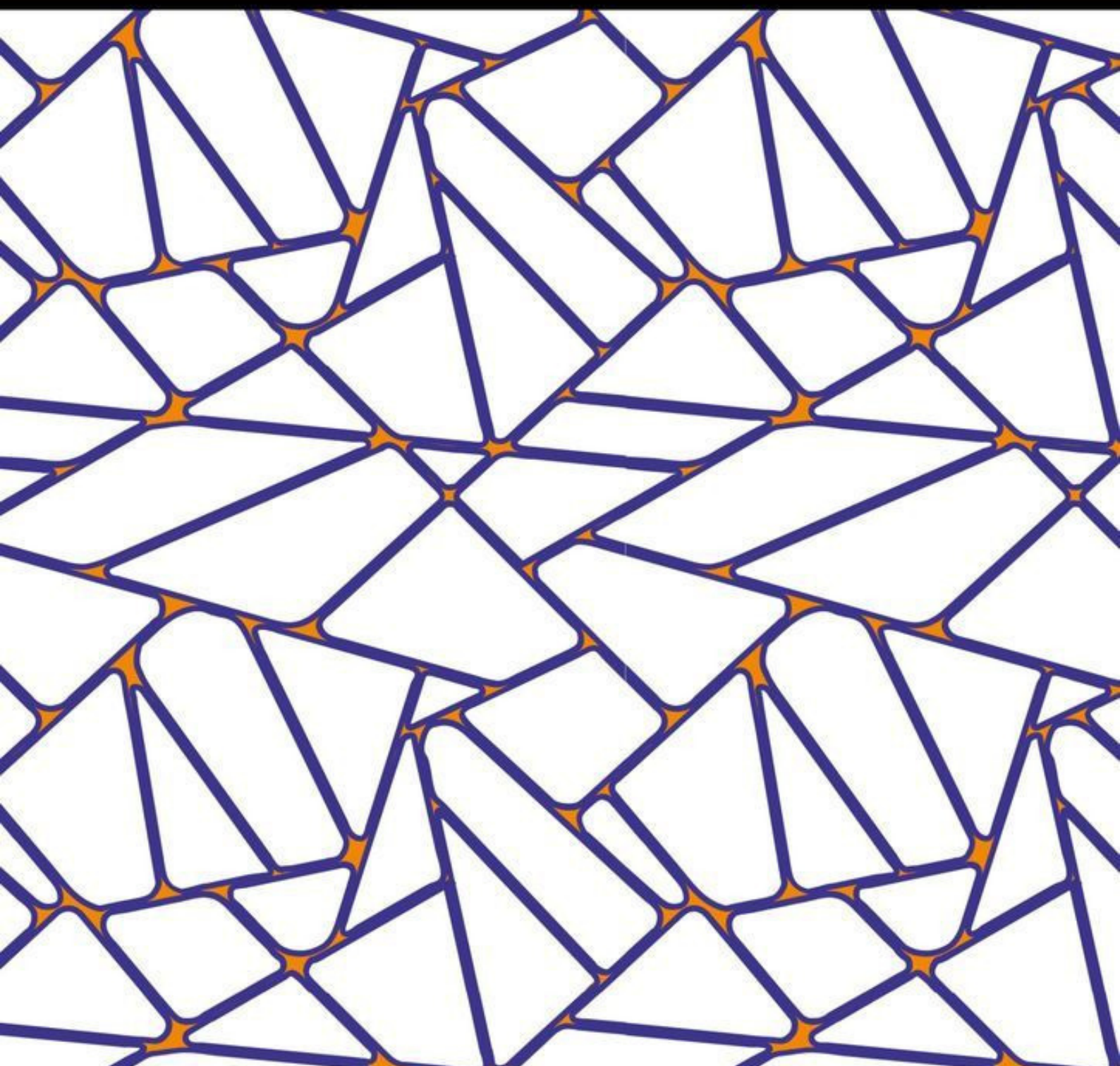

18+

АЛЕКСАНДР СТРЕБКОВ

Калейдоскоп

Александр Стребков

Калейдоскоп

«Издательские решения»

Стребков А. А.

Калейдоскоп / А. А. Стребков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533087-1

Юмористический роман, основанный на эпизодических историях. В него включены реальные истории, реальных персонажей из жизни людей.

ISBN 978-5-00-533087-1

© Стребков А. А.
© Издательские решения

Содержание

Стребков Александр Александрович	6
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Калейдоскоп

Александр Александрович Стребков

Благодарности:

Андрей Александрович Стребков

© Александр Александрович Стребков, 2021

ISBN 978-5-0053-3087-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стребков Александр Александрович Калейдоскоп

*Роман событий: в этюдах и сюжетах.
2020 г.*

ББК 84 (2Рос) 6

Стребков А. А.

С 84 Калейдоскоп. Роман / А. А. Стребков.

**ББК 84 (2 Рос) 6
Стребков А. А. 2020**

Об авторе.

Стребков Александр Александрович родился 26 сентября 1950 года, под знаком зодиака – Весы, а по восточному календарю в год Тигра. Из чего можно сделать вывод: что, изучив его львиную долю прожитой им уже жизни, многие факты наглядно показывают и вполне подтверждают до- стоверность самой изотерической трактовки, в отношении данного индивидуума. Ко всему этому присутствует такая, возможно, и не имеющая

большого значения деталь, как то, что появился он на свет божий, за два года, пять месяцев и девять дней до дня смерти Сталина. Раннее детство

– до десяти лет – провёл, живя в родном селе Глебовка, Кущёвского района. Село располагалось на берегах когда-то полноводной степной речки: с се- тью многочисленных мелких речушек, притоков, и под странным каким-то монголо-китайским названием – Эльбузд. На ум сразу приходят названия из Монголии или Китая, в особенности те, что находятся за Большим Хинга- ном. И ко всему этому можно добавить, что располагавшийся рядом с селом Глебовка – в восточной его части – хутор Цун-Цун, таким же образом имеет китайские корни названия. Услышав название хутора, так и про- сится на язык – спросить у этого имени, или добавить к названию, или ска- зать немного иначе: «Цунь-цунь, сунь хунь цяй... Где, твою мать, ты мягкий знак потеряла?.. женское или мужское имя твоё?.. А то, полу- чается, глав- ная вещь куда-то нахрен пропала?!». Но, интересующегося, это ещё

больше вводило в заблуждение и запутывало любые ответы на этот во- прос. К сожа- лению, на сей день, как и многие другие хутора, и этот – «Цун- Цун» – исчез с лица земли, а на его месте сейчас распаханное поле, да балка под этим названием осталась. Откуда могли здесь взяться китайцы?..

Большой и непонятный вопрос. Китайцы?.. Да, да, китайцы! Не калмыки же, ибо эти совсем рядом живут: всего-то за бугор заглянуть, а те-то за тысячи вёрст; к тому же всё это относится к старым временам, периода Ногайской Орды, когда здесь и земли-то в боль- шинстве своём пустовали.

Конкретно, вряд ли, когда об этом узнаем. Предположений и гипотез мо- жет быть выдвинуто множество, но истина будет всегда находиться

где-то рядом, спрятанная под спудом времён и степного простора, покры- того, как безбрежное море, когда-то степным ковылём. Сейчас обо всём

этом вообразить можно лишь мысленно, или побывав где-нибудь в подобном месте, к примеру, в степях Казахстана или поближе, на прикаспийских полупустынях. Но как бы то ни было, а те ковыльные степи, среди которых величественно возвышались скифские курганы и которые автор ещё в раннем своём детстве воочию видел своими глазами, а часто взобравшись на самый высокий из них, обзирал степные просторы, из истории человека не выбросишь. Сейчас курганов нет, и мы потеряли от этого много, и от всего этого только печаль на душе: очень и очень жаль, что нашим потомкам уже не увидать этого. Хотя бы несколько их додумались оставить, ведь тот клочок земли, что они распахали, большой погоды для земледелия не сделал, и вряд ли имел большое значение. А распахав их, тем самым – погубив, потерял человек очень много. В этих курганах, незримо излучая энергию, таилась память тысячелетий, спрессованной психической энергии самого человека: как и сама его прошлая история. Взойдя на вершину кургана, – но, в обязательном порядке, желательным было быть в такой момент в одиночестве – и ты чувствуешь необычность этого места, в душе появляется какое-то непонятное состояние: что-то внутри тебя происходит...

Да... именно, где-то внутри нас, помимо нашей воли, всегда что-то да происходит, а ещё там таится одна непонятная и какая-то нездоровая – эта «зараза», которая каждый раз толкает горстку правящей верхушки общества, стереть, не оставив камня на камне, с лица земли всё за собой: стереть память о предыдущих поколениях, а следом и остальное, что окружало их. И лишь порой, отведя вымученный взгляд от того, что натворили, ищем себе всякую чушь оправданий, которые, для образованного человека, выглядят всегда, честно сказать, – по-идиотски! Петь похвальные стихи о себе мы очень горазды, но стоило бы почаще не только оглядываться за бугор, а и критически присматриваться к себе лично. И

коль у-самых ума нету – займи его у соседа, и бери пример у него, а не строй их себя Салтыково-Щедринских жителей – «умников» – из города Глухова... Не изобретай велосипед, на котором ты уже ездил. Хотя это насущная и вечная для России проблема, как и тема сама, к сему разговору и повседневному размышлению...

Вступление: с иронией на зубах.

Калейдоскоп – это, конечно же, игрушка. К тому же – забавная игрушка. И предназначена она в основном для детей; в детстве все с нею игрались. Хотя, если к этой игрушке подойти с философской точки зрения, таковой она вряд ли является. Покоряет и завлекает даже взрослых, а что гово-

рить уже о детях! Всякий раз, сколько бы ты не крутил эту цилиндрическую, картонно-бумажную трубочку с глазком с одной стороны и с разноцветными стекляшками и зеркалами внутри – мозаика граней переливаясь и постоянно меняясь, никогда не повторяясь, завораживает своим волшебством. Малейшее движение руки в любую из сторон, меняет картинку, которая всегда – исключая хаотичность – выглядит в правильном геометрическом построении граней, словно каждый раз кто-то невидимый, как снежинки на стёклах рисует в зимнюю пору мороз, или оградчик алмаз, так и в калейдоскопе: в доли секунды стекляшки превращаются в шедевр зодчества и искусства, навевая зрителю мысли, что построение мироздания подобно именно этой миниатюре. Интересно, было бы знать, – есть ли предел всем этим комбинациям?... – видимо, нет! Наша жизнь в этом физическом мире во многом и довольно часто напоминает тот самый – калейдоскоп! Бежим по замкнутому кругу, сами не зная куда, а оглянуться, и не повторять ошибок своих, не хватает ума. Сзади у нас бесконечность простёрлась, как и впереди, лично для нас, тупик из неё. Потому, сколько бы мы, размышляя, не рассуждали, отрицали, или наоборот, утверждали —

картинка, отдельно взятой из контекста жизни, будет писаться помимо наших желаний и воли. Хотя часто можно услышать, когда говорят, – судьбу свою я сам строю, она

у меня, как будто бы маслом написана. Вот только – Кем?! Вопрос, по-видимому, спорный, к тому же – философский.

Вероятно, по этой причине, во все века верили и по сей день верят всяким гороскопам, экстрасенсами и колдунам; вещунням и цыганкам, а предсказательницам в судьбу и наговоры в особенности. Мы не берёмся судить, как

и на себя смелость утверждать, тем более что-то отрицать, а значит, и настаивать на чём-то подобном...

Роман в этюдах и сюжетах, который вы сейчас держите в своих руках немного необычен в отличие от предыдущих моих произведений и подобен тому калейдоскопу, о котором заявлено было в самом начале. Написан он согласно реальным событиям и не вымышленных персонажей, с которыми

вам предстоит встреча. В нём, прежде всего, будет отсутствовать строгая хронология событий. Темы разносторонние, как и многочисленные персонажи и сюжеты повествования: сатира и юмор будут чередоваться с грустью и печалью, как это и бывает по жизни. Потому и отправимся-ка мы лучше по стопам жизни самого автора и его окружения, но, прежде всего, на всё глядя его же глазами, а не чужими, хотя и о них придётся сказать. Потому о взглядах и высказываниях «чужих» мы скажем сразу, не откладывая в долгий ящик, со всей прямотой и всего через несколько строк. А сейчас послушаем высказывания от самого автора, который кое-что нам расскажет, как и попутно оценит поступки свои. Ибо обо всём этом он уже рассказывал в своих произведениях и расскажет сейчас, доброму и умному читателю, который сидит не в четвёртом ряду, выгнув очи или дремлет на партийном собрании, а дома, в уютном уголку, с моей книгой в руках. Вопреки всем тем суждениям и высказываниям остальных: всяких демагогов и критиков от бюрократии, откуда из пасти волчьих клыки торчат, а наружу, из-за угла, шакалий оскал выглядит, к тому же часто по-

пахивает удушливым запахом и сильно смердит, как от разлагающейся падали. Пока поперёк горла всё это не стало, позвольте высказать иные мысли и взгляды на все эти спорные вещи. Причина тому весьма весомая и она зачастую, та их – тягомотная, а может, одна «мотня-херня», а попросту ахинея – прямо противоположна мнению автора, далеко не остроум-

ная и выглядит иногда аллегорией. С иронией в голосе и весьма подхалимские звучат и прорываются эти слова в мой адрес, с таким психическим зубовным скрежетом. Дурным тоном гундосся, зудя... Да, вот, послушайте сами.

«...Никак прозрел-то... – на старости лет, то?.. тьма ты, дрямучая!.. Необразованная славяница... И писать ящѣ что-то там, надумал?!.. Ня-

бось, над было где-то вначале тебе, такому-то раздолбаю цербату, поучиться, поди!.. хотя бы в бурсе-то какой, али церковно-партийную школу закончить, чичас они в моде-то будут. Можна было бы и в церковь почаще ходить, не забывая за партийные собрания... В коммунисты, поклоны отбить, да и попроситься, ну и записаться, конечно. А там бы,

гляди, не посмотрели бы на твою горькую судьбинушку, затасканную по электричкам всяким, да по подворотням, с гитарой в руках... Записали и

приняли бы... Потом-то, язык не отвалился бы, взобрался бы на партийную трибуну, сверху кулаком погрозил, как бывало, это любил демонстрировать Никитка Хрущёв, Сергеевич, да что есть мочи, кинул бы клич в-

народа-толпу: «...Даёшь, мать перемать!.. сто пудов на рыло пиеницы, али на каждый выпавший зуб... А их-то, зубов, по России уже ни у кого-то и нету... И сверх нормы, поди, не забудь, тысячу тонн угля, а не породы!.. а чугуна и стали в три раза тысяч – по пять, на то ещё поглядим, а надо и

большие!.. мать перемать!.. Для-порядку, сказал бы, – что голову на рельсы кладу, как обещал нам Борис, пьяница Ельцин, а лично – я!.. за одну только смену, надолбаю вам семьсот пятьдесят тысяч тонн угля и породы, а утром уже сопли утру, вашему знаменитому Лексею Стаханову!.. И с но- вого дня стану ударником не только труда, но и почётным гражданином шахты под номером – раз два-бис и обчёлся... Готовьте ордена, а то и сразу звезду героя труда, повесим на грудь! Не вешать же банный лист, как до жопы?!.. Извиняюсь, товарищи, большие материться не буду... Лучшие, скажите, почему это, мы так долго придолго строим наш комму- низм?.. Поди, заждались уже все... Чаво ты, гражданин начальник, кулаки- то распускаешь?! Кап што, так сразу в морду... Это тебе не царский ре- жим, пора отвы- кать!».

А в это время из зала кричат:

– А чигас-то, времена какие наступили?! едрит твою япона вашу мать!..

– чаво не спроси, всё не в-ту степь у вас будет... А может, я сплю?..

– Надумал о чём спрашивать?.. Про светлое будущее и почаму «бурса» церковно-партей- ную стала?.. Так эта же давно в святом писании сказано, и слушок, будто бы совсем недавно прошёл, что скоро наступят времена и они уже не за горами, когда всякие там секретари и парторги, ну те, что по райкомам раньше сидели и щас ещё кое-где досиживают, в попы пода- дутся, священниками всяких рангов и мастей заделаются. На мерседесах разъезжают они будут, стаканами дорожничий коньяк жадно лакать, и с

«тёлками-фёями» в сауне париться, будто с русалками, за праведных их принимая. А ещё сказывали, тихо бубня из прихода старушки, что ба-

ттюшки вместо «Кагора» – этот самый коньяк с пятью звёздочками за ве- чер по три бутылки выпивают... Как и в писании сказано. Оно-то им раз- ницы нету, кому по-утрянке с похмелья молиться, лишь бы без дела не си- деть с закрытым ртом, а то завоняется, при- том с перегаром. Так что, как ни крути, а раньше-то, в последнее время, это было ни к чяму; к при- меру, при Лёньке-то Брежнев, а чигас властью пряветствуется, когда из партии все убегать-то стали. Остались там, почитай, одни убогие, кото-

рые никак не могут понять и поверить, что так и не дождались они своего светлого будущаго. На то она и воля-то божья, да и партейная тоже...

Раньше была... до всяких там переворотов-то этих...

Да... – вот ещё что, чуть не забыли... Ты бы лучше пясал уж про Гришку- то с Дунькой, как они брагу-то пили: да прямо с ранья, да прямо с ядра, а

потем, задрав ей подол, на сеновал отвалили, отправлялися, значит... – за- чём-то. Хотя и дураку-то понятно, зачем туда ходят. Сами, поди, зна-

ете... А, ты-ы-то!.. нас не спросив!.. надумал, мудило, такой сякой – муж- лан необра- зованный, поперек бадька да в пекло полезть. Пясать про лю-

дей-то великих, которые-то высоко ведь сидят, а можат, сядели, кто яво знает?.. не каждому дано, о коих и заикаться порою-то гряшно, разве что, перекрестившись на их образа, что повсюду висят. Нет бы свечку поста- вил-то... перед портретом... во славу-то – коммунизма и светлаго буду- щаго. Пяши уже в тятрадку про сябя, да толково пяши, а мы пока на печи полегим, бока погреем, а ты правдиво пяши, а не угодишь или набре- шешь!.. Богом клянуться не будям, потому как у нас всё-таки имеется свой: Маркс, Энгельс и Ленин... Трое, как и в писании сказано. Их давно уже можна и в святцах упоминать и записавать. Даже портреты их висят у

нас на печи... – в ногах, чтобы не забыть их на морду и с пьяных глаз с же- ной не пере- путать. Хотя мы таперича им тайно поклоняемся, чтобы ни- кто не видал. Нет, не жене. Куда той деваться, её хоть под печь запряхни – эту, чухонку, всё равно свою плоскую розжу выскалит. Мы таперича ра- ненько утречком бежим до пьедестала, когда ящё все спят, кла-

дём цвя- точки и убягаем. Начальство так нам велело. А так – нахрен бы они нам и сдались!.. Все эти Ленины вместе со Сталиными, с Марксами и Энгельсами

– будь он трижды прокляты!.. Сподобился же чёрт, их на свет божий выпустить – вражины человеческого рода!.. Ну, а насчёт тебя: хохла, жида и ка-цапа в одном лице, потом поглядим, куда отправлять-то тебя... Можат, на три буквы пошлём, али брявном приглубим... Так у нас на Руси с покон веков повелось и принято было. Ну, а ясли что – с тятрад-кой-то своею – если укажут, что никому не нужна... Сходишь с нею в нужник, до ветру...».

– С вашего разрешения, товарищи «печники», коммунисты- адвентисты- активисты, дайте, хотя бы попробовать!..

– Одна, говорят, пробовала – сямерых потом привела...

– Так и у меня ведь то же самое: семь книг написал... Правда, не спросив- ишь и не посоветовавшись с вами... Я вполне понимаю, что, с моей-то стороны – это кощунство!.. Да, да! беспардонное кощунство и нарушение всяких норм и правил поведения, но так или иначе, а «Калейдоскоп» – эта уже будет книга восьмая, хотя лишь для узкого круга людей, в которой я

хочу оправдаться и о себе рассказать... Но, оправдаться не перед вами, чи- тателями, ибо вам, как иногда говорят, вся моя «мутота» до-фонаря, а оправдаться скорее всего перед самим собой. А о тех, семерых, что по пол- кам стоят, я как-нибудь расскажу вам чуть-чуть попозже, но перечислить, не помешает и сейчас, чтобы по запарке, не пропустить нам какую... Я не сомневаюсь: так было во все времена, что придёт и их час, когда мои книги будут читать, если и не запоем, то по крайней мере не начало и конец, как детективы зачастую читают. На сверх-талант – сразу оговорюсь, – не

претендую, но мои романы написаны реалистично, душевно и главное —

правдиво, от всего горячего и доброго моего сердца. А это, пожалуй, глав- ное. Порой сам ими зачитываюсь, и в такие минуты мне начинает ка-

заться, что это не я всё написал... «...В-который раз он себя упрекал и каз- нил, будто на дыбе себя распинал: – Совсем ты, парень, зачах – сказал нежи- данно вслух, обращаясь к себе внутренний голос, а мысленно добавил, – захи- рел, похудел, мнительным стал, в чём-то постоянно винишь ты себя; беспо- мощный какой-то, и всё потому, что избаловали тебя в прошлом. Ты думал,

что так всегда будет?.. На этот счёт ты немного ошибся. Зависть, ненависть, месть и тому подобное – к счастью, всего этого – нет у тебя, зато больно полна чаша душевная, которую излить тебе некому. Кругом тебя, как в пустыне – по- лумёртвая тишина и со всех сторон равнодушие...

В этот раз он уезжал, не зная – куда, не зная – зачем и к кому. И лишь в душе теплилась надежда, что, начав жизнь с белого листа, найдёт своё место в этой жизни. И если на этом пути ему судьба улыбнётся и, хотя бы вполоро- рта повернётся лицом в его честь, у него появится не только надежда, но и возможность, отыскать самого себя; иначе – жить дальше, в таком амплуа, за- мкнутом мире, просто не имеет смысла...». (К роману «Не потеряй себя»)

Переломный момент у каждого в жизни бывает и порой не один. Это – как в горной реке: пороги и камни с воды вытирающие, а тебя в это время, со всей его мощью, стремительно несёт прямо на них...

На начало 2021 год были изданы в микро-тиражах романы: «Курай- трава степей», «Жить запрещено», «Жизнь – жестянка» – в 2-х книгах, «Не потеряй себя», «На закате», «В сумерках нищеты», где книга дополнена рассказами и восьмое издание – это «Калейдоскоп», который вы держите в руках. Приятного вам, дорогой читатель, чтения...

* * *

*Как дымный стол светлеет в вышине! – Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»*

(Ф. И. Тютчев

Размышляя и поводя итоги.

Валентин Пикуль, как-то сказал: «...Люблю книги полновесные, как кирпичи...». В унисон и в содружестве к его словам, я также и всегда не любил тоненьких книжек, да притом ещё и в мягком переплёте. Беря такую в руки, казалось: то ли брошюра в руках у тебя, то ли справочник авто-слесаря; при

этом попутно преследовала мысль, что у автора не нашлось больше слов, а может быть, самого желания, написать полновесную книгу...

Роман-хроника «Курай-трава степей» – с неё я и начинал издавать свои произведения: за свой счёт и в мизерном количестве экземпляров. Брал в руки рукописи, тетради-черновики, написанные мною за прошедшие годы: что-то оставлял без внимания, но больше переделывал или на основе их писал заново. Так получались главы романов. К ним дополнялись вставки, а вот редактурированию я мало уделял внимания, и всё спешил и спешил. Первая изданная книга, о которой я выше сказал, написана на основе и по мотивам

большого по объёму текста в черновиках, и к тому же – в двух частях. Первая часть называлась – «Я родом из детства», вторая – «Возвращение». По большому счёту, всё, что я написал, везде и во всём присутствую – я, ибо я автор, и от этого никуда не убежать. В черновиках в основном рассказывается обо мне. Взяв оттуда выдержки и какие-то главы, мною был заново написан, сжатый по объёму и содержанию, роман – «Курай-трава степей», который рассказывает уже о моей матери и о том, при каких обстоятельствах я появился на свет. На самом деле тот черновой материал, который я имел на руках, его могло бы с лихвой хватить на трёхтомник; поэтому и роман – «Не потеряй

себя», также написан на той самой основе. Разумеется, по ходу изложения, было рассказано и о моей малой родине, где, байстрюком, я бегал босыми ногами по щиколотку в пыли, а в осенне-зимнюю пору в дырявых резиновых сапожках, на босу ногу. А вместо утепления, в сапог совали обычную солому,

ибо, даже захудалой и никчёмной тряпки, чтобы её применить вместо портянки, к сожалению, невозможно было в хате найти! Такая вот в те годы была в семье нищета...

Намокла солома, и тут же ноги замёрзли, пальцев не слышишь; подбежал до ближайшей скирды, а их в каждом дворе стояло по две три копны; сухой соломы надёргал, а из дырявых сапог вылил воду, заменив солому, обулся. Спустя всего пару минут ступни ног начинают огнём гореть, как будто их крутым кипятком ошпарили. Кто не верит, от души советуем: найти дырявые резиновые сапоги, снять для порядка носки и присобачить резину на голые ноги, потом побродить в них зимою по лужам, которые лишь покрылись тонким ледком, а после напихать в сапоги – в отсутствие соломы, ибо её сейчас вряд ли найти – хотя бы сухой травы, чтобы испытать блаженство и испробовать метод прошлых послевоенных лет... Для пояснения, скажем, – что человек, когда он голодный, он намного сильнее мёрзнет, чем, к примеру, сытый.

Погрызть макухи на голодный желудок – это ещё не значило, насытиться, ибо другого продукта просто не было в хате, и даже редко полу-сытым бывал, а

сытым вообще никогда. Для сведения – макуха – это шелуха и сами зёрна от подсолнечных семечек, когда из них уже выдавили подсолнечное масло, и эта шелуха, спрессовавшись

под прессом вместе с зёрнами и засохнув, пре- вращается в камень... Само подсолнечное масло отправили в столицу и в го-

рода, «белых людей» кормить, а тот, кто его вырастил, ел вместо него, эту са- мую макуху. Вот и грызи эту макуху, за неимением даже чёрствого сухаря, а

после – из заднего прохода – хоть выковыривай палкой... По этой причине, по- лучалось, что с братом мы страдали вдвойне: от холода и от голода. Тогда скажите, нахрена мне такая «народная» власть?!

Получив в издательстве свою первую книгу «Курай – трава степей», я, не то- ропясь, принялся относить упакованные стопки книг в багажник своей ма-

шины, и, честно сказать, особой эйфории при этом в душе не почувствовал. Я говорю о той эйфории, о которой мне не раз приходилось читать: высказыва- ния многих писателей, по поводу переживаний в душе, при издании их пер- вого произведения. Вероятно, причиной тому было то, что я заранее уже

свыкся с мыслями о книге, к тому же и заказ на издание и оплату производил лично я, да и печатали книгу за мой счёт. И получалось, и на деле выходило так, что это подобно тому, как заказать в ателье себе туфли или костюм, а по- сле прийти и забрать. Но книга далеко ведь не туфли, а по понятиям прошлых лет, которые намертво вжились в нашем сознании – это просто не по комму- нистическим меркам и правилам!.. Что я самовольно её издал, вопреки

всему и самой «святой» ленинской идеи, нагло заделавшись писателем. Сам- издат полу- чился. Такие писатели к врагам народа приравнивались. «Да, кто ты такой?!.. И кто тебе позво- лил своевольничать?!.. Ишь, понимаешь?!.. Нагло и самовольно издавать свои книги, надумал! не спросив на это всевышней милости и соизволения!..». Крикнули «идеологи-дятлы», а вслед за ними по- слышался издали громоподобный уничижительный возглас, похожий на рык

– бас «городничего», из Гоголевского «Ревизора», но звучал он на этот раз уже откуда- то из-под земли. Похоронили «идею», будто падаль какую. Но мне на тот час, ни встать, ни лечь: прямо бросай литературное творчество, а за деятельность вообще позабудь... Но времена за окном были уже не те и

жизнь вносила свои коррективы во все те превратности, которые встречались мне на пути. Получив на-руки в издательстве книги – десятка два экземпля- ров, я сразу отвёз в село Глебовка, на малую свою родину. Описанные в ро- мане события, в основном ведь там происходят. По два экземпляра подарил в библиотеку поселения и в Среднюю школу, в кото- рой начинал учиться пер- вые и самые трудные четыре класса. Остальные книги развёз по дру- гим биб- лиотекам; раздал родственникам, знакомым и друзьям.

Кстати, на дальнейшую бурную жизнь своего произведения я вовсе не обо- лышался; что все сию минуту бросят всё, и схватив мою книжку, примутся чи- тать её, не досыпая ночами. Нет, ко всему этому в душе я относился скептиче- ски и не преследовал надежду, что в одно- часье все стали вдруг книголюбам и запойными читателями. Прочли там мою книгу или ещё не прочли, но, ве- роятно, что в большей своей массе – кому она, конечно, в руки попала – всё- таки прочитав: вначале объявили обет молчания, а лично глава поселения высказался, что роман этот я у кого-то передрал. Конечно, бог ему судья, за его такой красивый отзыв. С его слов и понятий, выходит, что я передрал и

последующие шесть книг, которые я написал, ну а это будет уже восьмая. Но, честно ска- зать, я на него не обиделся, а даже наоборот, доволен был его вы- сказыванием. Ибо, из этого я сделал лично свой вывод: что моя литературная вещь, в которой я сам усматривал уйму вся- ких недостатков и местами явную и чисто литературную ущербность, нуждается в доработке. К тому же про-

сматривалась и насущная потребность: заново, взять его, и от начала, и до конца, кропот- ливо отредактировать. Я сам видел те места, где выглядывали и кричали с многих углов и стра- ниц косяки. На дисплее компьютера, по неиз- вестной для меня причине, эти самые косяки,

при моей редакции, проскаки- вают мимо моего внимания, ну а после, открываешь уже книгу, и мгновенно вижу каждую ошибку, будь то пропущенная запятая или не допечатанная

буква. А раз даже в таком виде – не верят в то, что роман мною написан, зна- чит, произведение чего-то да стоит. Как говорят, – каждый кулик своё болото хвалит; если хотите, можно выразиться и по-другому, более грубо, но зато

чаще произносимое, – своё говно никогда не воняет, потому каждый «пи- сака», всегда и больше всего желает знать мнение читающей публики, хотя пытаться угодить всем, вряд ли у кого-то получится. Я не стал шлифовать и дотошно редактировать не только свой первый роман, но и все остальные. Времени у меня на это нет!.. За плечами семь десятков прожитых лет, а хо- чется написать, как можно больше. Пройдут годы, и, как говорят, если на то

пошло, что кому-то вздумается переиздать мои произведения, то – на это ума много не надо, чтобы заново отредактировать, хотя бы в расстановке знаков препинания и грамматики...

Но вернёмся к самим книгам, от которых уже никуда не деться, ибо они уже напечатаны. К примеру, имеется в мире масса людей, которые напрочь

не признают, а то и вовсе не понимают, тем самым отвергают известных клас- сиков художественной литературы. Да и вообще: с моей точки зрения и глядя на современное поколение – литературная классика уходит в прошлое, в не- бытие. Век компьютеров и быстрого, мгновенного мышления, где требуется и приветствуется двумя словами сказать обо всём, разумеется, не сравним с

чтением книги... Ну, а те, что почитывают всё-таки книги... Кому-то нужно непременно про любовь и всякие там пикантные постельные аншлюсы: с раз- деванием догола и описанием, когда – кто-то, кого-то там ласкает и куда-то лезет, в какую-то позу ставит её и при этом слюни пуская, что-то там ещё

успевает ей и на ушко шептать, а корявой своею ладонью гладит, как брев- ном по спине или рашпилем по рёбрам. Многим подавай про царство небес- ное, и как побыстрее богатым бы стать, а окунувшись в мутное месиво того

самого криминального болота и грязного белья человеческий отношений, ко- торые обычно замешаны больше на деньгах и пороках, утопаешь в этом с ушами. Тягомотня, кото- рая до тошноты «обрыдла» в телесериалах мыльных опер. Другим «читакам» отстегни крутой криминал – «ужастик» – чтобы выпо- трошенные кишки и отрезанные человеческие головы на деревьях разве- шаны были. И ведь знают, что всё это надуманное, бредовое враньё, и всё- таки читают. Но львиной доли, современной однотипной – на одну морду толпы – вообще никаких книг и на дух не нужно! Некоторые мои знакомые, а скорее всего большинство из тех, кому я дарил свои книги, так и не заглянули в неё. О чём я впоследствии сильно сожалел, что чёрт меня дёрнул, дарить

свои книги кому не попадя. Такой «читака», придя домой и бросив мою книгу, если не куда-то в чулан, то в общую кучу макулатуры; или, своей «гени- альной» головой додумается повесить её в сортир, чтобы сэкономить туалет- ную бумагу. У одного, кому я дарил, как-то спросил, так он ответил: «...Её кто- то вначале намочил, потом положили на печку сушить, а она возьми и рас- клеилась вся... Рассыпалась по листкам. И теперь не понять, с какой страницы надо читать, начинать...». Усёк, читатель, как надо книжки читать?!.. А вот другой «читака» – по-моему предположению – уже уселся за стол, поужи- нать плотно: домочадцы, а может, жена, под нос ему подставили в графине во- дочки «жбан». В морозной дымке манит она, паскуда такая, и цепкая, как ре- пей... с искрящимися снежин- ками на стекле, схватит за душу, век не вы- рваться. Выпив, как и положено, три рюмки под- ряд: за здоровье и всё той же, души, успокоение, и заедая всем, чем бог послал... Не-ет, что попадя, – изви- няюсь, – то не для него. Кидает он в глотку, – это, мурло, как в прорву, страву

особого улова и посола – ибо, что попало, то для других, не для него. Проплямак и немного отдышавшись от переедания; поправил свисающее брюхо, запихнув его поглубже под стол, и несколько раз подряд отрыгнув на всю

«хату», начинал вслух рассуждать, примерно, вот такими высказываниями, заслуживающие писательского пера:

«... Фу!.. о цэ я нажрався, так нажрався, шо и дышать не могу... Да-а!.. чуть нэ забув, на базаре-то встретил, писаку... Представляешь, Санько свою книжку мне подарил... Напысав, Санько, як с хаты упав... и хто бы подумав!.. Читать, конечно, я её не собираюсь, и чё туды заглядать!.. И шо вин там може путного напысать?! Пысака нашовся!.. Клав бы ото уже хаты, то у нёго хорошо, вроде бы, получается... Мажором, захотив стать, шо ли?.. – а, може, прославиться и бабла зашибить?.. Или классиком захотив заделаться... Так уже не получится. Там уже все места заняты, як в том Политбюро... – куда я всю свою молодость потратив, и пол жизни ещё впридачу, мечтая о том, як просунуть туда, хотя бы жопу свою... Эх, писака, писака!.. раскинул хотя бы своими мозгами, лите-ратурный ты мыслитель!.. куда тебя хрен-то несёт?!.. посягаешься на главный партийный догмат, идеологический шкворень, нашей родной и любимой компартии и советской власти!..».

Намного более агрессивно, изложено выше, в самом начале – во вступлении. Прочтите ещё раз монолог, обращённый к моей персоне.

Но многие всё-таки мою первую книгу прочли. Кто-то, так ничего и не поняв, другой искал что-то там лично своё, о чём и сам не догадывался. У меня возникло подозрение, что истинные книголюбы, и даже средней руки чита-

тель – вымерли уже, как в своё время динозавры и мамонты; или уже прикованы к постелям и им не до моих книг. Многие глебовцы обиделись, что не про них написали, или, на худой конец, надо было писать об их предках. И как я уже сказал, – власть предержавшие, отбросив в сторону, как ненужный хлам мою книжку, подальше в угол, в кругу своих домочадцев, заявили: «Белиберда!.. притом на постном масле!..». А прилюдно, когда слышали иное мнение, говорили: «Да то всё он содрал у кого-то, чё там гадать!..».

Был и такой комментарий о романе «Курай – трава степей». «...Роман очень жестокий, вероятно, как и сам автор!..».

Да... характеристика, по поводу моей персоны, подобрана довольно точно, дальше лишь можно, промолчать. А сам – комментатор-критик – вероятно, с дуба упал, ударившись головой об чувал, а в том чувале пшеница была... Хорошо хоть не болты и гайки там были. Вначале подумали, что «критика» —

убило, правда, не до-смерти, но пришибло мозги. А вот, если прочесть вам сплошное, надуманное враньё, – из разряда коммунистической пропаганды, а по сути, затасканную по книжкам прошлых лет – галиматью, к примеру, пи-

сателя и нашего земляка Петра Радченко, в его романе «На заре», (*Он писал о «Заре», а я уже о «Закате». Каждому своё*) который, когда-то, лет двадцать подряд, власть всё хвалила, хвалила... да так расхваливали, чтобы брали пример с подобных «застрельщиков» писательского толка; правда, их произведения читать никого не нагнёшь. Роман давно уже им написанный и те, кто его когда-то читал, тех людей в большинстве своём нет уже на этом свете, как и самого писателя, где он с восторгом описывает события Гражданской

войны и первые годы становления советской власти в станицах и хуторах на Кубани. В своей дилогии романа события представлены в таких положительных красках: чисто с коммунистическим подходом и враньём, после которого у читателя создаётся впечатление, будто бы с приходом большевиков к власти, по их повелению и лишь одним мановением руки комиссарской, на народ сошла благодать. В тот же день на головы народа, будто бы посыпа-

лась небесная манна, а вслед за ней наступило время справедливости, равенства и братства. Прямо счастливая и сытая жизнь началась, как и поётся в коммунистических песнях и маршах: рай, но уже не по-поповски, а по-коммунистически. (Для справки: с приходом к власти большевиков, установилась прочная череда голодных лет, периодами в иные годы съезжая на массовый голодомор, и это длилось беспрерывно с 1918 по 1964 годы. Получается, почти полвека – 46 лет) Лучше бы Пётр Радченко правдиво рассказал о том,

что, до большевиков, в кубанских станицах бедных семей было мизерный

процент, и то в большинстве своём по их же вине и причине: если не лодырь, так конченный алкаш. А потом – при коммунистах – наступила поголовная нищета и голод. А если вспомнить о тех более трёх сотен тысяч простых казаков, сложивших оружие и сдавшихся на милость большевикам в двадцатом году, а после были подло обмануты и массово расстреляны большевиками в Приморске-Ахтарске, Гулькевичах, Краснодаре и в других местах в том же 1920 году, где содержались они в плену, то получается явный геноцид самого казачества. Казаки ведь сдались большевикам за обещанную им свободу, если

прекратят они сопротивление и сдадут оружие. А как большевики с ними поступили?!.. Большевики – это хуже зверья!.. Они ради своей власти готовы истребить весь народ, свой народ, а значит, получается, что они гораздо хуже нацистов! Ибо те не истребляли массово свой народ. Петра Радченко, конечно, можно понять, иначе его бы попросту не напечатали, а ему, видимо, очень хотелось, как той перезрелой девице попробовать почесать, то что ногами свербит и покою не даёт. До революции и до большевицкого переворота: где, где, а на Кубани и на Дону уж точно народ не бедствовал и всегда жили зажиточно. И спрашивается, – с какой такой стати, с какого перелеяку, им вдруг бы захотелось, поставить всё верх ногами, устроить разор, и власть в

стране поменять?!.. Были, конечно, как и во все времена, среди казаков и бедные, но, как я уже говорил, всего незначительный – малый процент: в

большинстве своём – это чаще безмужние семьи, а больше горькие пьяницы, или не имеющие ни стыда, ни совести – лентяи. Вот, как раз они – эта, так сказать, беднота – и устанавливали советскую власть, с помощью красных конников, прибывших из нищеты и голодранской России, награть добра. Как говорил, «знаменитый» коммунист Шариков, из романа Булгакова «Собачье

сердце» – «...Взять и поделить поровну!..». А от себя мы добавим старую сказку. Было в деревне Кацапкино, на Рязанщине, тысяча голодранцев и всего один богатый помещик, а после того, как отняв у него поделили добро, стало – тысяча и один. Натянув на плечи кожанку и подражая новатору раскачивания Якову Свердлову, (Настоящая его фамилия – Ешуа-Соломон Мовшевич. Жид, но не еврей, ибо он их не стоит, он мутант!..) а на задницу галифе с малиновыми клиньями, нацепив наган, а кому-то и маузер достался, кто-то и с трёхлинейкой пьяный побрёл, приступать к дележу. И пошли они

по казачьим усадьбам, бессовестно и нагло шарить по куреням. На берегах Дона, похромали по дворам станиц, грабить народ православный, прикрываясь «законом» советской власти, которая на тот момент незаконной была, захватив власть силой оружия. На земли Дона, Кубани и Ставрополя пришла —

Мгла!.. в новом обличьи – Орда, ничем не лучше Татаро-монгольской. Лично в моих глазах, всё выглядит именно таким образом, что любая власть – даже, если смотреть на неё сквозь пальцы – и каким бы путём она не пришла к власти, и что бы она не обещала народу... Но!.. если она начинает своё правление, с грабежа своего народа и убивает детей, стариков и женщин – и не

имеет большого значения, каким образом: расстреливая при раскулачивании или реквизируя продовольствие до последнего зёрнышка, тем самым семью обрекая на голодную смерть, или ссылая в Сибирь, загоняя в тайгу, где и жидья-то нету, да ещё и под сорокаградусный

мороз... Такая власть, прежде всего, ничем не отличается от разбойников и убийцев с большой дороги... Та-кая власть не может иметь право на жизнь.

И разве такое под силу простить, что начали они своё правление со страш-ного преступления в 1918 году, расстреляв царскую семью?!.. Вот в тот самый день, большевики, незримо, подписали себе смертный приговор, который

будет преследовать каждого из них все последующие десятилетия: один за одним, после пыток и истязаний, будут они отправляться на тот свет. Вначале отправят своих вчерашних «братьев» по нарам, идее, оружию и преступлениям, а вслед за ними сами пойдут. Зло – само себя пожирает!.. – что и случи-лось в большинстве с ними в первые годы их правления. Они ведь не только народ расстреливали и иными способами уничтожали, но не забывали с осо-бой изощрённой жестокостью уничтожать и подобных себе – вчерашних со-ратников...

Судили бы царя, в таком случае, и если он этого заслуживает – расстре-ляйте его, но причём тут его дети?!.. Четверо безвинных девушек, некоторые из которых ещё и мужика-то не успели познать и побывать в их объятиях, а о подростке Алексее, даже вспоминать страшно...

Яков (Аарон) Свердлов, прозванный в народе – демоном революции, оде-вался всегда во всё чёрное. На нём была одежда, в которую обряжается сама смерть. Чёрные сапоги, хро-мовые; такие же чёрные, с лайковой кожи, брюки; куртка и к ней картуз, также из той же тра-урной кожи. Вслед за ним – эта форма переключается самопроизвольно и массово войдёт в оби-ход комиссаров и их приспешников, рангом пониже. На то время Свердлов был вторым чело-веком в Кремле после Ленина. И именно Свердлов вместе с Лениным и вы-дали прямую санк-цию на расстрел царской семьи. В августе, того же 1918 года, по инициативе этих двоих узур-паторов власти в России – Ленина и Свердлова, от имени ВЦИК, выходит вначале обращение, о том, что с этого дня Советская республика превращается в единый военный лагерь, а следом

и декрет «о красном терроре», который предполагал поголовное физическое уничтоже-ние всех врагов революции. Именно по инициативе Свердлова в ян-варе 1919 года начина-ется осуществление карательных мер против донского казачества. При подавлении казацких восстаний, красным командирам кара-тельных отрядов предписывалось: жёстко, кроваво, без всякого снисхожде-ния и разбирательства, применяя фронтовую тактику, полностью истреб-лять живую силу восставших, и вплоть до подростков. Но и на старуху есть про-руха. 1919 год для большевиков был самым тяжким – их диктаторская власть повсеместно висела на волоске. Комиссары всех рангов поехали в спец-поез-дах по всей стране митинговать и агитировать простой и малообразованный народ за советскую власть и сам коммунизм. Свердлов, возвра-щаясь из Харь-кова, сделал остановку в городе Орле, где решил там выступить перед желез-нодорожниками и рабочими дэпо. Пролетариату уже не нравилось то, что де-лали большевики. Оратора Свердлова, правую руку самого Ленина, рабочие избивали так, на том митинге, что его еле живого погрузили в поезд и повезли в Москву, где он неделю почехнув, сдох, как собака, а попросту отдал богу

свою грешную душу. Официально всем объявили, что умер он от испанки, гриппа, гуляв-шего в то время по миру, а в Европе в особенности. Так бес-

славно и позорно закончилась жизнь демона революции. По правде сказать, и остальная многочисленная братия из их числа закончила свою короткую

жизнь не лучшим образом, начиная с самого Ленина и его апостолов: Дзер-жинского, Смилги, Луначарского, Лациса, Воровского, Троцкого и многих, многих других, не беря уже во внимание рядовых большевиков, которых – свои же – пачками отправляли на тот свет, словно шелка семечки...

В романе «Курай – трава степей» я отобразил лишь незначительную, ни-чтожную капелку произвола и ужасных преступлений большевиков против простого народа. В масштабе же всей страны, это была такая трагедия, каких ещё не видел и не знал

до этого весь мир. Аттила и Чингиз-Хан там отдыхают! Разве что с Гитлером их можно рядом поставить: сходства уж слишком много

– между национал-социализмом и коммунизмом: и особенной колоритной строкой выделяется обоюдность концлагерей, что в 39-м ещё и на деле под-

твердилось, когда Сталин с Гитлером первый делёж чужих земель начинали. Так что, прежде, чем заявлять, что мой роман жестокий, «заявителю», желательнее было бы, полистать Историю мира, а заодно и хронику почитать за три десятка лет Сталинского бесчеловечного произвола и геноцида по уничтожению целых народов России. Тема эта гибельная и на этот счёт можно писать и говорить до посинения, а вот насчёт моих произведений: у меня созрело

личное мнение – насчёт отзывов всяких – которое в корне отличается от всех остальных. Самый достоверный отзыв, подчёркиваю, – самый достоверный, и при жизни писателя! на любое его литературное произведение – это отрицательный отзыв, ибо там нет лукавства и желания – не обидеть. К тому же,

если отзыв и критика ещё и с большим наездом, и прочими эмоциональными проявлениями бешенства, с пеной у рта, тогда можно спокойно и дальше писать; значит, ваше произведение выше крыши оценивается, если и не сейчас, то в будущем будет обязательно признано. Чего-то да стоите вы!.. Когда из

издательства выходит какая-нибудь глупая и бездарная вещь, и порою пустая, как пробка, в особенности прославляющая власть; при этом говорят обычно: «Написал... – как под забор выссался – ни себе, ни людям! Будто соседу в карман наложил... и содержание в книжке, как в высохшем лимоне, одна кожура... Её и читать-то вряд ли кто будет, тем более комментировать...».

Вопреки, выше сказанному, из уст звучали и положительные отзывы. Поехал я в Глебовку хоронить своего друга раннего детства, Шуру Коржа. Когда-то, ещё в самом начале пятидесятых годов он был первым моим другом в самом начале нашего детства, как только мы с ним ходить научились. Жили мы по-соседски и в летнюю пору вдвоём ковырялись в дорожной пыли. Потом-то друзей будет много, а этот был первый...

Вот там, на похоронах, подходит ко мне пожилая женщина, прихрамывая и с палочкой в руке, спрашивает: «Это же вы написали книгу про Глебовку?». Отвечаю: «Я написал, а что?..». Вначале нехорошо было подумал, тут же внутри себя наёжился, в ожидании, что сейчас мне будет предъявлено какое-то несоответствие в романе или порицание за что-то. Она взяла за локоть мою левую руку и уткнувшись головой мне в плечо, стала плакать и благодарить, повторяя всё время: «Спасибо вам за книгу...».

От себя скажу: мы ведь до конца своей жизни, сколько бы лет не прожили, всегда в душе остаёмся теми молодыми и зелёными мальчишками, и только жизненный опыт в экстремальных ситуациях нас преображает в иные ипо-

стаси. Я не тщеславен, но в такой ситуации, я просто тогда оробел, как будто бы школьник и никак не готов я был внутренне к тому, что смогу своим произведением, так растревожить человеку душу. Хотя, когда я писал именно

этот роман, я сам часто и густо над ним плакал; и в области сердца часто колело, но здесь есть объяснение этому – это лично моя боль, где мною опи-

сана жизнь самых близких мне людей!.. Закончив написание романа «Жить запрещено», второго подобного, сказал себе: «Если и дальше буду писать на

подобные темы, в таком же жанре, духе и стиле, наверное, надолго меня вряд ли хватит!». После этого открытия, я быстренько переобулся – на вольный писательский жанр – где есть место иронии, которая сменяется грустью; местами присутствует грубость и откровенная пошлость, но много и лирическо-комедийных сюжетов, прямо-таки – как в фокстроте и танго. Один мой постоянный читатель, как-то сказал мне, что он прочитывает мои книги по

два раза, а последние романы читал, смеясь до слёз, и будто бы он ранее ничего подобного не читал... Оставим на его совести хвалебные вирши, ибо

были и другие, особо опасливые, высказывания тех, кто свою шкуру привык беречь, как в мошне свои гроши, пряча заначку на чёрный день. Вот эти – ранее обласканные властью или приберегая свои «духовно-партийные ценности» и стали меня стороной обходить. «... От греха подальше, а то подумают и посчитают, что и я такой же... Ещё неизвестно, какая в стране завтра власть

будет... Будь он неладен, такое написать про нашу советскую власть и коммунистическую партию!.. И как только такое ему в голову взбрело и язык повернулся!.. Особо „одарённые“, предпочитая, молчать, отнекивались, а на мои вопросы, пробегая мимо, поздоровавшись на бегу, отвечали: „... Читаю, читаю... времени нету, Санёк...». Было и такое заявлено обо мне: «Неблагодарный!.. Партия и советская власть его выучила, а он такое о ней написал!..».

Кто говорил эти слова, право – не знаю. Мне донесли их уже через десятки рук, да собственно, это меня мало волнует, тем более не интересует: кто он такой – видимо, как раз тот – «партийный-идейный» – слизняк. Ума не хватает, даже понять, о чём рассказывается в произведении. Да ведь мой роман вовсе не о коммунистической партии и советской власти, роман о судьбе моей матери!.. Потому отвечаю заочно и всем – кто от рождения страдает убогими понятиями и скудным мышлением, и до конца остаётся твердолобым, как

пень, – а заодно и тем, кто поинтересуется в будущем. Но вначале для сведения. До 17-го года – то есть, ещё при-царском режиме – тоже ведь бесплатно учили, – в церковно-приходских школах. Имелись ещё и училища с трёхлетним и пятилетним обучением. И, ещё неизвестно, откуда больше вышло учёных и известных людей, чем это случаться стало при новой «народной» власти. А вот за то, что меня коммунистический – диктаторский режим – и «советская» власть учила – где-то там в школе; да и всего-то восемь классов. За это, моя мать, Надежда Викторовна – рабски!.. за несчастный, ничтожный трудовой день!.. Всего за какую-то убогую палочку в тетрадке!.. Голодная, полураздетая; в зной и в холод, в сырости и по колено в грязи и в навозе!.. От зари и до

темна, и часто, и густо – ночами и сутками напролёт, когда дежурная или расчёт коров происходит, горбатила в колхозе, а после в совхозе, на молочно-товарной ферме дояркой, начиная с четырнадцати лет и до шестидесяти! Доила

– в то время – коров вручную, и таскала спереди себя центнеровые кошёлки (сапетки) с силосом, стараясь, как можно больше, своих коров накормить, чтобы больше и молока надоять, хотя от этого ни гроша не имела. И так до

самой пенсии, включая, ещё более четырёх лет после неё, ибо пенсию дали – дешевле сдохнуть под забором, чем жить на такую пенсию бывшей доярке, отпахавшей сорок пять лет на ферме. Даже, если учитывать то, что дали меду, как ветерану труда. Ту медальку: в жопу бы, в дуло, тому «партейцу» засунуть и подальше черенком от лопаты её затолкать, кто её придумал!.. В

суп её не положишь и лекарств на неё не купить, при пенсии в шестьдесят пять рублей! Один рубль и тридцать копеек – «сребреников», за столько Иуда продал Христа, а тут за каждый отработанный год каторги в колхозе!.. Наверное, много!..

И за всё, за это, за свою мать, которой было всего восемнадцать лет, а они – эти нелюди, упыри!!!.. так называемая «народная власть!...», за восемь килограмм зерна, которое пришлось таки – взять! чтобы не сдохнуть с голоду! И уже на следующий день, силы найти, чтобы снова идти в этот, богом и

людьми проклятый, колхоз – на эту каторгу и за бесплатно дальше пахать! Вот за всё это – её в лагеря и определили на целых восемь лет. И за это ещё, я должен, и власть уважать?!.. Да я готов её голыми руками душить, и никогда не смогу её даже на дольку простить, за то, что она сделала, не только с моей матерью, но и с моим народом в целом. Будь она трижды

проклята, как и её ближайший родственник, по духу и кровавым делам – итальянский фашизм и немецкий нацизм!.. Они одной поле ягоды!.. Грош тому цена, с его убожеством личности, кто этого не понимает и не признаёт!.. *(без комментариев)*

Кстати, я свою мать в детстве почти не видел, нас растила полуслепая бабушка Лукерья. А наша мать, Надежда Викторовна, ночью уходила на ферму, когда мы ещё спали, и ночью возвращалась, еле ноги притягивала, переступая порог. А мы бывало в это время ещё не спали, ожидая её, ибо она принесёт молока в резиновой литровой грелке, *(«ворованное» молоко – иначе и*

нам – детям её – было бы хана!) и мы с братом, поедим. Кукурузная каша, залитая молоком, и эта сытная еда – за весь день. А полуслепая наша бабушка Лукерья, плача, встречала её словами, которые звучат до сих пор в моём мозгу: «Доченька, ридна ты моя дыгына, если бы ты только знала, як мени тебя только жаль! Сердце моё кровью обливается, когда я смотрю на тебя,

когда ты приходишь с работы...». Так что моё обучение в школе, было оплачено моей мамой по самому высшему разряду! За ту сумму, что ей должны были заплатить – за сорок пять лет, где-нибудь в правовом, не в диктатор-

ском, режимном и рабском, а в цивилизованном государстве!!! За все те годы каторжанского труда, можно было бы закончить десяток Кембриджей и Гарвардов впридачу. Последние свои годы жизни мать сильно болела – профессиональной болезнью доярок – это, когда выворачивают все суставы наружу, в особенности на руках, при нестерпимой боли, и многим это не по-нять. А в самом конце пришёл ещё и сахарный диабет, от которого она, не дожив месяц и две недели до своего 75-летия, упала в кому и скончалась. Так

что, граждане миряне, представители от сельской интеллигенции и чиновничества, обучение моё оплачено сторицей!.. А подобные вам «умники», выпендриваясь и карабкаясь по лестнице власти, на крови и жизнях невинных людей, пластаясь друг перед другом, перед выше стоящим начальством,

стремясь перевыполнить план: являлись «донорами» крови рабов, для этой власти, за счёт той крови и было уничтожено крестьянство, а значит, и в общей массе, уничтожали народ и всю страну. И этому факту, сегодняшней вам пример, – за вашими окнами!.. «Вест-индийская», Британская колония, образца 21-го века за окнами у вас, а вы этого ещё и не понимаете. А что касается меня, то я после школы, не считая тех годов службы в армии, ибо то был священный долг – Родину защищать. И для этого, не имеет значения, кто находится у власти: пьяница-алкоголик – царь, Николай-второй, или конченный алкаш – Ельцин, или очередной полоумный генсек; Родина – к ним не

имеет никакого отношения... Все – так называемые «великие» – были не только полоумными, но ещё и душевнобольными людьми, и место им в дурдоме, в психиатрической клинике, а лучше бы в могиле. А такие, как Наполеон, Гитлер, Муссолини, Сталин, Мао Цзэдун и всякие, всякие, и иные: людоеды, каннибалы-президенты и вожди – в общей своей составляющей – душевнобольные и психически ненормальные твари, о чём говорят многочисленные их поступки... Это, пример того, чего вообще не должно быть на белом свете.

В местной районной газете «Вперёд», которую я выписываю регулярно и уже десятилетиями – ибо, альтернативы у меня не существует, как при

совдепе – и, эта газета, несмотря на всякие там «перестройки», «демократизации общества», отмены запрета на частную собственность, публичного

осуждения колоссальных преступлений компартии по отношению к своему народу, за все годы её правления; расказачивание и геноцид других народов

и прочее, прочее. Так вот, совсем недавно, словно назло и вопреки тому, о чём говорят и рассказывают на телевидении и в печати, а говорят и продолжают рассказывать о кровавом прошлом большевиков, многое до сей поры

было ведь засекречено. Вопреки этим документальным разоблачениям, у нас в редакции газеты «Вперёд» остаётся всё по-прежнему, будто и не минуло

полвека со дня смерти «учителя» – Сталина, тема всё та же. На хуторе Подку- щёвка, что тянется по той стороне речки, новоявленные «активисты» отко-

пали какого-то там ревкомовца, которого: то ли в 19-м, а может быть, в 20-м, но главное, что во время Гражданской войны: взяли, да и расстреляли, нахрен. Видно было за что. А, возможно, даже и повесили. И будто бы – это дело рук: то ли «белых», то ли «кулаков». В общем тёмное дело. Но главное, что те кости принадлежат большевику – это точно установлено. Они, оказыва- ется, большевицкие кости, от всех остальных отличаются, красные они, как кровь. И ещё на каждой берцовой кости надпись периодами проступает «Да- ёшь мировую револю- цию!». Хотя, сказать откровенно, частенько и свои своих

– те самые «красные» – по-пьяне – нехорошо баловались, крикнув в лицо:

«Контра!..» – разряжал – ни в чём не повинному страдальцу – обойму в живот. А он- то, бедолага, аж из-под Рязани, да в эти края, да пеши, да калечными, в обмотках ногами, а то и в лаптях, дотелипал таки сюда, в поисках народного счастья. Лучше бы дома сохой свой земельный надел ковырял, было бы

больше пользы и живым бы остался, а его черти сюда принесли. И вот сейчас, когда, нако- нец-то, казалось, осудили, но тут же вдруг вспомнили, что чуть не забыли!.. Главное-то сделать! Памятник жертве «царизма и белогвардей- щины» соорудить. И то ж, какая-то, хоть и захуда- лая, но всё-таки статья рас- хода из бюджета... А, там, пойдут клумбочки, цветочки, а к ним бордюрки; краски, замазки и сорная трава. К ним приплюсуются празднички, которых скоро на полгода уже наберётся, и подоят районный бюджет – до консолида- ции и до конца. Гля- дишь, да так консолидировались статьями расходов, что даже хватило с лихвой на свой соб- ственный не дырявый карман... А, газета, тем временем не дремлет, а по-прежнему продолжая придерживаться своих большевистских взглядов, как мы уже сказали, ещё с времён Иосифа Сталина

– когда и газета-то называлась совсем по-другому – «Колхозник», гнёт свою линию и так ей неймётся, прокричать на всю глотку: «Вперёд к коммунизму!.. Ленин вечно живой!..». Нутро газеты – в общей её пропитке – осталось, как и было – гнилое. Пропагандистское и тяго- теющее к имперскому мышлению —

«Партия наш рулевой!», чему есть немало примеров. Один, из таких приме- ров, выгля- дит со стороны даже постыдно: бегают всё тайно и цветочки кладут

к бюсту Ленина, которого со всей любовью водрузили на углу здания админи- страции, воткнули между ёлок; пройдёшь мимо и не заметишь. На тихоря, кладут цветочки и убе- гают. Какое только двуличие!.. – говорят с пеной у рта одно, а сами?!.. Памятник снесли, ибо вождь стоял облезлый и с обосранной головой, голуби постарались. Да ещё и с отбитым носом. Какой же, дурак,

скажите, таким «гением» станет, не то что гордиться, а и взгляд на нём задер- жать. Впо- следствии, когда уже отбушевали Ельцинские бури протестов – всего и кругом, где и на чём попало, по быстренькому соорудили бюст вождю. Ста- рались подогнать под золото. Но, не исключено, что от того самого памят-

ника, взяли и отпилили по грудь, и бюст получился. Потом перетащили по- ближе к цен- тральному входу в администрацию, водрузили на постаментик,

такой аккуратненький, как откопали где-то в музее, и почти за-угол спрятали. Кстати- и!.. чуть не забыли-и!.. Во многих-то кабинетах, в самой администра- ции, так по сию пору, на всю стену висит этот душегубец и вампир – Ленин,

стравивший народ России на братоубийственную войну. В двадцатом году, о чём я уже говорил, несколько сот тысяч, ни в чём не повинных, казаков боль- шевики расстреляли – это по их понятиям, правильно сделали, а вот удавили какого-то ревкомовца, на хуторе Подку-

щёвский – это уже жертва белогвар- дейщины и произвола. Со слов той самой газеты, один из примеров, мы вам и приведём.

Частенько на полосах районной газеты «Вперёд»... *(Хотя бы уж название газеты сменили, ибо получается какое-то кощунственное иносказание.*

Мы движемся вперёд, если судить по названию газеты, а на самом деле ня- тимся задницей по грязи, а чаще и по говну, и даже всю свою прежнюю эко- номику по дороге уже растеряли, а в самой станции – в особенности. От всех предприятий камня на камне не оставили)

Так вот, газета эта, регу- лярно преподносит своим читателям объёмные интервью и берут его у стару- шек, ибо, деды, которым за восемьдесят, те, которые ещё кое-что помнят из былых времён, давно уже вымерли. На повестке дня остаются старушки, мно- гие из которых – есть подозрение – выживают давно из ума, или постепенно впадают в детский разум. Не исключено, что корреспонденты, умышленно,

именно таких для интервью и подыскивают. И именно со слов этих выживших из ума старушек, а сами корреспонденты, вероятно, не умнее их, если им не доходит, что они могут подобное прославлять. Хотелось бы у этих горе-корре- спондентов спросить: чем вы хвастаетесь?!.. Старушки те, гордятся и бахваля- ются тем, что они в молодости пахали в колхозах не от зари и до зари – как

пишет ваша газета, – а сутками напролёт, и без-разгибу!.. При этом спали в степи или возле коров, за сутки съев всего чёрствый сухарь и запив его —

правда, от пуза – колодезной водой, из бочки; в лучшем случае, варили за- тирку-баланду. И так годами!.. Годами-и!.. Поймите!.. годами и десятилетия- ями!.. Десятилетиями!.. Но им обещали – впрочем, как и ранее в той самой церкви, что на том свете жить они будут в раю – а в этом случае, что дети ваши жить будут в том самом раю-коммунизме. А пока... – тот же ваш хутор, как был при-царю, из столетия в столетие состоящий из хатёнок-халуп, так и остались одни завалюхи, да к ним, в довесок, настроили сталинских и хру-

щёвских бараков. Дороги – грязь по колено; на плечах всё та же стёганка-фу- файка, вся на заплатках; на ногах – лапти сменили на резиновые сапоги, и

чаще – ещё и дырявые; на голове шерстяной платок, толстой вязки, чтобы но- сить десятилетиями. Платок тот – в крупную клеточку и от времени выцвет- ший, и у всех одинако- вый. И чего вы добились?! Светлого будущего?! Рабами были – рабами и подошли, как собаки! Гордиться рабством?!.. И ещё с по- хвальбой рассказывать об этом, что всю свою жизнь бес- просветно прожил ты рабом?!.. Об этом может рассказывать и похвалиться только человек полоум- ный, а больше сумасшедший, к каким, по-видимому, и относится большин-

ство населения в России, именно в России, а не по её окраинам, ибо там по- ложение чуть иное... Там меньше «терпил», хронических алкоголиков и прост пьяниц и лодырей. Смотришь порой на фотографии довоенных лет, да и годы шестидесятые далеко от тех не ушли. Смотрят на тебя с фотографий девчата и девушки, возраст которых, вероятно, и до восемнадцати лет не дотягивает, некоторым чуть больше двадцати; им ведь и вспомнить-то нечего будет! Они же на зечек похожи!.. Хотя, на самом деле, их жизнь такой и была. С фотогра- фий на тебя смотрят не девчата – старухи!.. И этим гордиться?!.. Гордиться тем, что власть у них отняла их детство, юность, молодость, а заодно и жен-

скую красоту?!.. За здоровье можно вообще помолчать. Да в гробу бы я ви- дел такую власть, которая подобное себе позволяет!.. Быть рабом и всю

жизнь жить в нищете, ради того, чтобы партийная элита жировала, да где-то, в какой-то очередной азиатской или африканской стране должна свершиться, ещё одна полоумная ком- мунистическая революция?!.. И за это пол мира да- ром кормить?!.. Какой только глупый народ проживает в России, позволив- ший им это делать, поверивший в их бредни и сказки, и про- должает, верить

сейчас!..

* * *

Но, предпочтём, лучше рассказывать о себе. В конце концов я стал самоучкой, и считаю, как и мой кумир и учитель, Валентин Пикуль, в ученики которого я добровольно-самовольно себя приписал, и перед памятью которого я преклоняюсь, обожая все его произведения. А под каждой им написанной

строкой, готов хоть сто раз подписаться, одобряя всё, что он сказал и что мог бы сказать, если бы в стране не цензура и не диктаторский режим. Некоторые высказанные им слова, которые опубликовала уже его жена, после его

смерти, как ничто другое подходят для меня, и считаю, что это однозначно:

«У меня образование – выше самого высшего! Иначе говоря, я – самоучка, – говорил Валентин Саввич и пояснял, – коммунистическое учение – это кризис гуманизма. Я, глубоко партийный, но моя партия состоит из одного человека... Это – я сам!». От себя я добавлю. Я тоже – одинок и одиночка, и на деле, тоже самоучка, и лично, по моему мнению, это выше всяких факультетов МГУ, Кембриджей с Оксфордами и Гарвардами. Хотя, многие чиновники среднего, а тем более высокого ранга и не согласятся с этим, не говоря уже о мелюзге, которые зачастую не в состоянии до кучи трёх слов сплести на бумаге, но при этом имеют дипломы в кармане о высшем образовании и горю кучу, – хрен, не то что переступишь, но и не объедешь! И которым —

судя, по их результатам работы – грош цена в базарный день! А с их дипломами – в пору в туалет с ними сходить, а кому-то и в задний проход его засунуть – за то, что он натворил. Но, они, разумеется, думают иначе. Если кто-то думает вопреки этим словам, тогда флаг ему в руки, но пусть вначале хотя бы для себя ответит, – почему наша страна, на каждом углу не уставая расхваливать себя, до сих пор в той самой жопе и в униженной нищете большей части населения, имея под носом разруху и допотопную отсталость, при неис-

числимых, колоссальных природных богатствах страны?!.. Кто угодно виноват, но только не те, кто на совесть работает своими руками и создаёт вам

блага... Для сведения: лично я прожил жизнь не нищим и зарабатывал много: честно трудясь на стройке вольным каменщиком три десятка лет, не разгибая спины; и знаю, что значит – Труд! С большой буквы. Мне обидно за свой преславный народ, в особенности за женщин и детей. Народ, в своём большинстве: обездоленный, бесправный и нищий не то, что до потери пульса, – до потери сознания! Включая отдельной строкой – стариков.

За свою жизнь, которую, думаю, прожил я не даром, и даром ни чей не ел хлеб, заработанный чужими руками; успел я не только баранов попасти и на лошади покататься, как, к примеру, и на том самом тепловозе, но и в армии послужить не один год, и частных домов – за тридцать лет пахоты – своими,

всего-то двумя руками – более двухсот построить. Семь книг написать, а эта уже будет восьмая. Если умеешь осуждать и критиковать, на что большого ума порой и не требуется, то сядь и напиши хотя бы одну тоненькую книжечку; о чём угодно, даже восхваляя свою руководящую и направляющую партию и хозяйственную роль, о чём вы любите писать в газетах, и внесённую лично тобою лепту, в развале и убийстве Великой державы, об этом почему-то молчите. Разоряя страну, заодно прихлопнули, как тараканов и мух, и часть населения всей «совдэпии». Уже не говоря, что у подобного «члена» – глав,

пред, ком, пром, зам и даже – «гав» – хватит сил, ума, мастерства и терпения, построить, но своими руками – хотя бы одну халабуду. Я прекрасно знаю, что таких как я – «они» не приветствуют. Но, если бы вы только знали, как вас ненавидит народ!.. Потому-то и случился когда-то тот роковой семнадцатый год. Те тоже не лучше вас были, которых на штыки и на вилы поднимали, но это было напрасно, ибо большинство среди них были безвинны, а тех, кого

надо бы было на те самые вилы поднять, за кордон убежали, где их заграничные счета в банках ожидали. К примеру, как господин Янукович: захапал немерено валюты, страну обобрав; попутно даже забыв по пути – отлитую из чистого золота, килограммов на двадцать, – свою «паляницу». Стрибанул в

свой личный вертолёт и «сдриснул» из ридной Украины, а подтереться за собой не успел. Кровавый только след за собою оставил, который кровоточит до сих пор. К тому же, перевороты и революции никогда не приводили к положительным результатам, а последствия всегда были плачевны, очень пе-

чальны и особо кровавы. На всём этом нагревали руки лишь те, кто их зате-вал. Этому имеется не один исторический пример, и коммунистические пере-вороты и революции – это наглядно подтверждают. Ни единого положительного случая, а последствия: горы трупов, отсталость в развитии и всеобщая

нищета населения. Неплохо бы было запомнить, что наверх вновь проползут слизняки, а с ними: всяких мастей предатели интересов страны, низкие и грязные подонки, провокаторы и лизоблюды. А многие из тех, что рвутся на самую вершину власти, ради этого готовы свою родную мать не только заре-зать, а четвертовать на куски!.. И лично я не поменялся бы с ними местами... Кто-то, прочтя, про себя скажет: кто тебе ещё предложит. Да лучше всю

жизнь пахать, не разгибая спины, в душе оставаясь человеком, не замарав своих рук и не пряча глаза, и прямо смотреть людям в лицо, чем стать мразью и знать, что тебя ненавидит и презирает твой народ!.. Набитое до отказа

брюхо, свисающие ниже колен, а вокруг куча продажных «шалав», которые лижут тебя языками – это первая ступень на пьедестал животной твари. И за

океан бы я не уехал, будь даже там миллионы в долларах США. Вот, если бы они были здесь – эти миллионы, я столько бы добрых дел на них сделал, вам бы и не снилось. О чём, узнав, назвали бы вы меня – полоумным. И совсем не преследовал бы я целей, для самого себя: как побольше убогатворить и

успокоить свою душу. Да вряд ли бы – вы!.. позволили бы мне всё это сде-лать. На следую-щий день бы отняли. Я реалист, и знаю, что такое дуть на огонь или ссать против ветра. Но, даже, отбросив эту фантазию, лично я, свой долг выполнил сполна: перед собой – это прежде всего, и перед обществом тоже... В построенных моими руками домах, уже не один десяток лет живут люди и звучат детские голоса, и профессия у меня, по всем статьям выходит, что большую часть своей жизни, была самая мирная – строитель! Но кроме добывания для себя и семьи насущного хлеба, была ведь ещё и духовная

часть, которую требовалось как-то заполнить. Поэтому, как бы то ни было, но моими кумирами всегда на первом плане оставались книги и писатели, а их уже дополняли поэты, композиторы, киноактёры и певцы. Этот разноцветный букет ещё пополнялся и теми, кто пишет сатиру и, кто, веселя зрителя, читает её со сцены. Всегда интересовался философией, как и Историей. Изобрета-тели, первооткрыватели, путешественники и все остальные, все те, которые вписали себя золотыми буквами в Историю развития человечества и самого – Гума-низма! Но только не политики и представители всех рангов власти! Ибо, с моей точки зрения, среди той политической «кодлы» – не имеет значения, в какой бы то ни было стране и в какое историческое время, – если и есть среди них, с натяжкой заслуживающих уважение, и к тому же за последнюю тысячу лет, то это настолько незначительный и совсем мизерный процент, что он, по сути, в оценке этой категории личностей, решающей роли никогда не играл, а значит, и оставался – в Истории человечества – ничтожным. Хотя, как раз

этому и посвящено содержание всех газет и журналов, а телевидение два-дцать четыре часа в сутки трезвонит устами их «геббельсов-поддувал». Та,

политическая среда обитания, которая правит народами, она какая-то зараз-ная, подобно – чумы. Вот уже которое тысячелетие подряд вкус власти пре-вращает людей-поли-

тиков в каких-то мутантов: нелюдей и упырей, будто они пришельцы из мира иного. Ибо у них на уме, а порой и прямо в словах, – как побольше убить, изничтожить народу, захватить побольше чужой земли. И тут же, как хамелеон, он меняет цвет окраски и уже – у него на языке и в словах – оказывается, они борются за мир, на деле способствуя созданию всё более чудовищного оружия массового уничтожения. Так кто они тогда на самом деле?!.. Разве они не мутанты?!.. Вероятно – этот процесс происходит

настолько заразно и необратимо, что они даже этого не замечают. Ибо каждый из них, добравшись до власти, в своей мелкой душонке и в своих грязных помыслах, в той тупой башке, таят и лелеют большие, а попросту сумасшедшие мечты и идеи, – единолично управлять всем Миром!.. Хотя в этом и не

признаются... Но со стороны-то виднее: рассмотреть это и понять – их низость и подлость, которая лезет у таких даже с ушей!.. А он, в это время, мнит себя властелином и богом...

Кто-то, прочтя эти строки, как я уже говорил, скептически улыбнётся... А напрасно. По себе, вероятно, судит. Думает, если у него денег много, значит, бояться ему уже нечего. Вряд ли! Тому масса примеров. Лично для меня, деньги, как таковые, никогда не значили, как достижение каких-либо благ и удовольствий. Для меня они являлись инструментом дальнейшей моей деятельности, и прежде всего, чтобы не сидеть сложа руки. Для непонятливых, приведу пример: это, как – имеется цемент, строим и дальше; нет кирпича –

стройка вся остановилась... Так и деньги. В моей голове они ассоциировались с чем-то материальным и созидательным, но не с низменными какими-то наслаждениями... На данный период времени у меня пенсия 8500 рублей. (*Это прожиточный минимум – и это за сорок четыре года рабочего стажа, официально записанного в моей Трудовой книжке, не считая того, что я ещё построил более двухсот частных домов, в нерабочее время, являясь на то время, по закону – «тунеядцем и жившим на нетрудовые доходы...».*) Пенсия сейчас у меня – как у бомжа, и я на всём экономлю: не курю и не пью – годов уже сорок кряду; ем один раз в день, и на эту пенсию я издаю ещё и

свои книги, правда, в мизерных тиражах. Потому они мне и дорого выходят, потому что, они – мизерные, и каждый экземпляр книги обходится мне от 600 и до 800 рублей, в зависимости сколько страниц в самой книге. При этом: сам редактирую, делаю верстку, фото-дизайн обложки так же мой, потом всё это перевожу в формат – ПДФ – и скидываю на флэшку. Принёс в издательство, и

им остаётся только прокатать готовый материал на своём заграничном оборудовании, и получить с меня деньги. Ранее, в годы советские, в великую книжную эру – в чём никак нельзя упрекнуть коммунистов: в сотни тысяч, а то и миллионные тиражи, – загляните на последнюю страницу любой книги: там

перечень трёх, четырёх только редакторов, всяких мастей. Прежде, чем книга дойдёт до печатного станка, над ней работает целая куча людей, и это кроме самого автора... Ну, это вопрос риторический. Как ни хвали то время, а мои бы «опусы» точно уж не напечатали, – не то пальто!.. За подобные книги, да даже за строку, скорее всего посадили бы, или в психушку отправили...

Тиражи, разумеется, сами подумайте – при такой мизерной пенсии – больше не сделаешь. Но, потом-то!.. получив на-руки книги, я их ещё и раздариваю!.. В библиотеки и родственникам, ну и немного знакомым, ибо друзей у меня, считай уже – нету. На том свете они... Продавать свои книги, даже по той цене, что я за них заплатил, только себе репутацию портить: завистников плодить и лишних врагов наживать, у меня их и так хватает. Некоторые ведь не поверят, и скажут: «...Во, крохобор!.. Лопатой деньги гребёт и не краснеет!.. Накарябал там всякую чушь, ерунду: с пень на колоду, всякую хреновину, что его ахинея ни в одни ворота не то что не лезет – не всунешь!.. а он при этом ещё и людей обманывает. Пудрит людям мозги, продавая по бешеной цене свои опусы и наживаясь на этом... А, тут – за газ, свет

и воду не- чем заплатить! Ни сѣдни, так завтра приедут и обрежут... Баламут!.. заделав- шийся писателем!.. Вот жизнь проклятая!.. кому-то лопатой и ломом за ко-

пейки приходится мантулить, а он, взял ручку, намазюкал там какую-то гали- матью, и отдай ему почти тыщу рублей. Обломится!.. – чтобы такие деньги платить, да ещё было бы за что!..».

Дальнейшие комментарии по этому вопросу, я думаю, излишни. Вторая моя книга была в чём-то родственна первой: роман-хроника «Жить запре- щено»: и по своей тематике, и в тех же красках написана. В ней я рассказал достоверную судьбу своего тестя и тѣщи. К сожа- лению, о тѣще я знал только по рассказам. Елена Егоровна покинула этот мир очень рано. Судьба выпала на их долю не лучшая. Писать роман мне было тяжело и сложно: по причине того, что к тому времени главных героев романа уже не было в живых. Соби- рал информацию о них по крупицам, а когда о чём-то спрашивал у их детей, то порой выходило так, что я и то больше их знаю, из прошлых рассказов мо- его тестя. Произведение получилось по объѣму небольшое, что мне было по- ставлено в упрѣк, что мало написал. А ведь вся причина от недо- статка мате- риала – сжатое, ибо домысливать и фантазировать в подобном жанре и о том страшном времени мне не пристало. Не о пикнике на лоне природы шла

речь. Лучше всего, конечно, это писать о том, что сам видел или сам пережил, ну или рядом под рукою рассказчик. Вот, двухтомник «Жизнь – жестянка», в таком плане и написан. Были критические отзывы по поводу самих персона- жей романа: «...Написана книга хорошо, но стоило было, и зачем спрашива- ется, о таких писать?!..». Стоило! Вся СССР такой на самом деле была. Я уже говорил где-то. О ком тогда писать?!.. О «светлом будущем» и о председа- телях колхозов и секретарях райкомов?!.. Рассказывать галиматю и врать?!.. ка- кими они были героями и правильными людьми?!.. Так этого, дерьма,

больше чем коровьего говна на фермах скопилось, и уже до меня, было

столько, словно под копирку, написано, что этими книгами, которые, кстати, нико- гда и никто серьёзно не читал, можно было бы вымостить ими дорогу до самой Луны. Ну, а если кому-то так уж хочется, можете прочесть о них и в моих реалистических романах – «На Закате» и «В сумерках нищеты». А, лично для меня, те люди, о которых я рассказал в своём романе «Жизнь – же-

стянка», – не все, конечно, персонажи, но многие: намного ближе, роднее и душой доступнее и теплее, человечнее как-то. Хотя, если смотреть на них с правильной точки зрения, не совсем правильный образ жизни вели. Не со-

всем – скажут некоторые – чем, к примеру, застрельщики и передовики-лизо- блюды, впрочем, те, о ком сейчас вспомнили, по сути – это ведь скрытые и явные предатели своей страны и народа. Аллегорически изъясняясь, они пер- выми вытянут руку в нацистском при- ветствии и крикнут: «Хальт Гитлер!». И

первыми предадут свой народ, к которому они постоянно обращались и ввали ему на каж- дом шагу, и о котором они, своей лужёной глоткой целых семьдесят лет, произносили льстивые речи, обещая им райскую жизнь, а на

деле уничтожая их. А вот в «Жизнь – жестянке» все мои герои романа взяты с прото- типов реальных «пацанов». Мои персонажи, многие из которых, каза- лось бы, по всем пара- метрам личности отрицательные, и выглядят такими на страницах моих произведений, но их прототипы при этом оставались

людьми, хотя и водку пили. Их я знал лично, с ними, как говорят, можно было бы и в раз- ведку идти, а с многими я был лично не только знаком, но и имел дружеские отношения. Мно- гие пили, но тому и причина была: безнадега в

этой стране, личные не состоявшиеся в жизни свершения, и прочее, прочее. Там вымысел отсутствует напрочь и изложено в основном в сатирическом,

ироническом, а периодами и грустном плане, как на самом деле всё это и вы- глядит в жизни.

Роман «Не потеряй себя» – автобиографический. Коротких в моей жизни четырёх лет юности, но в памяти – это почему-то отражается и запечатлелось, как будто бы я этот отрезок жизни прожил больше столетия. Каждый прожи- тый день, каждое событие – это целая жизнь, и рассказаны они далеко не все. Вообще-то, изначально, этот роман в черновом варианте назывался

иначе – «Когда отцвели каштаны», так называется одна из заключительных глав романа, но в последний момент, я вдруг осознал, что главная мысль в этом произведении другая: та обстановка и реалистичность окружающего мира на то время, как и личность главного героя произведения, а вовсе не

Польша... и не Марья... Хотя её диалог в романе и её эмоциональные выска- зывания на политические темы взяты с реальности и не придуманы мною.

Есть вещи, которые придумать просто маловероятно, а то и невозможно. Од- нажды услышав, такие вещи запоминаются на всю жизнь.

Впрочем, в авторском комментарии вряд ли роман нуждается, его я давно выложил в интернет, и пусть об этом лучше скажет само повествование и

сами читатели... Если ещё – да в наше-то время, – кого-то это, хотя бы малость, да заин- тересует. В том-то и состоит изюминка этого произведения, что жизнь не переделать, а там, на страницах романа, изложена хроника. Но я всё-таки позволю себе повториться, прочтя заключительные строки романа, и если ис- ходить с иной точки зрения, то этот роман – он не окончен, беря во внимание сколько ещё имеется черновигов, а мыслей: так тех вообще, – в бесконеч- ность уходят. Есть вещи, о которых лучше умолчать. Растаивают мысли, в дымке, вдали, куда-то за горизонт уползая – забвенья... И завершить этот ро- ман, вряд ли возможно, разве только, если сама смерть поставит свою по- следнюю точку...

Как только я плотно и кропотливо засел за творчество художественной прозы, создавая свои романы уже в чистовики, окружающий мир для меня разделился на две половины. Не было у меня никакого самомнения, и в са- мом начале я даже не намерен был афишировать свои произведения и кому- то их там дарить. Писал для себя и для своих потомков. А вот реальность са- мого бытия, как бы сбивает с толку, особенно на момент вре- мени, когда надолго погружаешься в события, которые описываешь, и они создают иллю- зию параллельно твоей жизни – новую реальность. И стоит на какое-то время покинуть их – своих героев и персонажей и не посвящать себя работе над

произведением, тебя начинает туда уже тянуть, как алкоголика к рюмке. В та- кие минуты внутри меня начинает создаваться впечатление и чувство, будто- то я сейчас в гости к ним пожалую. Потому у меня и возникла мысль и жела- ние, услышать хотя бы один отзыв при жизни. Прочтите не торопясь послед- ние заключительные полторы страницы романа, а после уже сделаете, лич- ный для себя, вывод...

«...Спустя две недели, Костя, теперь уже одетый в гражданскую одежду, не как в про- шлый раз – в военное обмундирование, но всё с тем же, в одной руке импортным чемоданом, в другой с гитарой, направлялся вдоль перрона, чтобы сесть на электропоезд и уехать уже навсегда, из когда-то любимого го- рода юности. Кроме матери – ему, по сути, некуда было ехать. Последними

соками пока не истекая, но и преклонить на время голову, потребность была.

Предстояло прежде всего одуматься, попытаться найти самого себя и ту тро- пинку по болотистой местности, по которой брёл уже по колено в трясине. Предстояло выбраться на твёрдую почву и начинать всё с белого листа – ту, новую, и уже какую-то иную жизнь, – иначе в топком болоте утонешь!..

Как иногда среди мужчин встречаются женоненавистники, так Костя был противоположностью таким – больше всего на свете он любил – ещё на эту минуту не зная об этом – детей, а после уже женщин, которых ему всегда было жаль, и он готов был всегда и во всём их прощать. Во всех бедах на Земле

считал виновниками мужское сословие, а от всего того мрака, который ими был создан, страдают по жизни дети и женщины. На первом месте уважения и любви, конечно же – это была его мать – Надежда Викторовна, в чём сам

себе ещё не признавался. Большое почитание в душе хранил к своей героической прабабке – Любови Филипповне, которая покинула этот свет в год его рождения, и которая в войну и немецкую оккупацию прятала в своём доме еврейскую семью. Мать тоже побывала в сталинских тюрьмах, пересылках и лагерях и в его глазах героически выглядела, к тому же, от природы, не имея

образования, была умной женщиной. В эту минуту его раздумья прервал голос дикторши, объявлявшей посадку на электричку: «Граждане пассажиры, электропоезд, следующий до Тихорецка, отправляется через пять минут с третьего пути...». Костя вошёл в вагон. На передней лавочке, у двери, сидела группа молодёжи. Посреди лавки стоял японский огромный двухкассетник – магнитофон: на нём, спереди, сияли два больших динамика, из которых неслась песня на весь вагон, заглушая людские голоса. Взглянув на молодых парней, среди которых были и девчонки: вспомнил и себя пэтэушником, подумав при этом, – что мир не стоит на месте и гитары из электричек уходят в прошлое, а вместо них сейчас вот эти мощные акустические системы, – как только приеду к матери, гитару повешу на стенку, как реликвию!.. Прислушался к песне. Он впервые её слышал: больно за душу щепала, а уже через минуту взяла всецело и поглотила своей глубиной. Из динамиков продол-

жали нестись слова и тот мотив, который говорил обо всём сразу, внося в душу и сердце ностальгию щемящей тоски и той боли, о чём осознать до конца, пока что мешала – ещё не ушедшая от него молодость... Смотрел в

окно невидящим взглядом и плакал в душе, по покинувшей его юности, которая ассоциировалась во всех его троих любимых девушках...

...Оставь мне, молодость, все радости и трудности, свои надежды и мечты, и даль дорог.

Не наполняй мои глаза житейской мудростью, оставь в них, молодость, шальной своей огонёк Уйдите прочь мои раздумья невесёлые, Осенний день ветрами сердце не студи,

Останься молодость, Кружи как прежде голову, Не уходи, не уходи, не уходи.

Уходят дни, меняя внешность нам безжалостно. Но это в общем-то не главная беда.

Останься, молодость Побудь со мной, пожалуйста. А если можешь, оставайся навсегда.

Уйдите прочь мои раздумья невесёлые, Осенний день ветрами сердце не студи Останься молодость Кружи как прежде голову Не уходи, не уходи, не уходи...

Продолжая стоять у окна и опёршись лбом в вагонное стекло, слушая

песню, которую прокручивали на магнитофонной ленте по второму разу: у

Кости по щекам в это время текли слёзы. В сознании мелькали кадры последних десяти лет его жизни и словно в фильме – по кадрам: в глазах попеременно мелькали образы Ларисы и Марыси, но, как он сейчас не пытался,

представить воочию в мыслях Марину, она, по какой-то неизвестной причине, придать к нему не пожелала...».

Финальная часть – заключительного аккорда романа – применима к большому числу людей на этом свете, ибо подобные мысли и чувства их посещали в обязательном порядке и скорее всего не один раз...

Роман «В сумерках нищеты». И прежде, чем что-то о нём сказать, я также повторю всего несколько строк из этого романа. Возможно, они корень, и на мой взгляд, самые главные и ключевые слова в нём, ибо не я их придумал, они сами откуда-то ко мне пришли, помимо моей воли:

«...Глафира первой вошла в хату, оставив дверь нараспашку. Немного пригнув голову, боясь зацепиться за верхний дверной косяк, вошли остальные

члены комиссии. В хате сумрак, как в подземелье; полы – неизвестно сколько лет: толи не мылись, но скорее всего не красились, тем не менее, двое мальчуганов босиком носились из комнаты в комнату; у одного веник в руках, у второго кочерга: стреляют, а по бородам тонкой струйкой слюнка бежит.

При виде чужих тёток и дядьки, в кожаной куртке и с наганом на ремне, вдруг замерли на мгновение, потом издав воинский клич-воплъ, нырнули за печку,

после чего по очереди стали выглядывать оттуда. Глафира, стоя посреди хаты, развела в стороны руки, насмешливо, ядовито, сказала:

– Ну что?!.. Проходите!.. пишите!.. а то тут добра через край!.. Кровать забирайте, детям и на полу не вредно будет поспать!.. Там во дворе мотоциклетка ещё стоит, наверное, уже видели?.. её тоже не жалко, а то Савка на неё всё денег просит. За корову даже не думайте!.. Вначале надо будет меня пристрелить, прежде, чем я её вам отдам!.. Ну?.. чаво вы мол-

чите, как в рот воды-то набрали?!.. Мою родную деревню под Рязанью уничтожили, теперь и сюда добрались?!..».

Я сам написал эти строки, и как я уже сказал, – неизвестно, откуда ко мне пришедшие; после перечитывал их не один раз, и каждый раз у меня на глаза наворачивались слёзы, ибо в словах Глафиры заключена вся трагедия Российской действительности. Судьба всего Российского крестьянства. Потому от дальнейших комментариев я воздержусь...

Роман «В сумерках нищеты» был дополнен рассказами на темы местного старинно-житейского фольклора и вышел он, опередив роман «На закате»,

который является первой частью этого произведения, как и тематики, по причине, что первая часть романа на тот момент требовала ещё моей редакции. Немного юмора, гротеска и реалий из современной исторической действительности, критика власти и голая правда в глаза: таким я его видел, этот роман в двух частях, таким он у меня и получился. Хотя я в нём и жил всё то время, когда писал, и как я уже говорил неоднократно, – не мне судить, да и вряд ли сейчас в нынешние времена, кому-то нужны не только мои произведения, но и всех остальных, более известных писателей. Один человек мне

прямо сказал: «Никому это сейчас не нужно... Напиши ты, Санёк, подряд хоть три «Войны и Мира», а вслед, ещё два «Тихих Дона», даже читать никто не станет. Скажут, – мура!..».

Вот этой самой «мурой» мы и продолжим, отвлекшись на время от темы, ибо каждый раз после того, когда произведение уже закончено, не хочется

расставаться с его героями и персонажами, а вслед, в душе почему-то появляется обманчивая и призрачная надежда, что очередная твоя вещь будет необычна и она должна покорить весь мир... Но, как говорят многие просветители, – с нею, с этой самой надеждой и мыслью, писатель уходит в небытие, унося вслед за собой в могилу тот самый роман, который всю жизнь написать собирался...

Глава из романа «На закате», не вошедшая в произведение.

Порок.

Любезно просим читателя, немножко расслабиться и ради разрядки, вернувшись к героям, последнего, уже опубликованного и взятого в тиски обложки романа – «На закате», прочтём главу, не вошедшую в книгу. Этой главе удалось при редакции попасть под сокращение, а там, кстати, главный герой подвержен незаслуженным мытарствам и душевным страданиям – в отношении женского пола, в чём вы сейчас и убедитесь наглядно...

После того рокового дня и очень скандального инцидента, когда, кровь с носа, но Ивану Ильичу пришлось распрощаться с «вип-номером» у зоопарка, у той самой скандальной старухи, трактористки-ударницы – Макаровны, которую он, беря пример с Родиона Раскольникова, без малого чуть было на тот

свет не отправил... Вовремя, господь бог сподобился, и Гендоша за руку схватив, отвёл беду от буйной его головушки. Правда, он, как ярый в прошлом атеист, в это совсем не верит, и говорит: что он, типа того, сам себя остановил, чтобы не зарубить её топором... Да прямо таки насмерть!.. Оно-то, не нам об этом судить: так это было или иначе, может, старуха того и заслужила! Не святая была, а с гадючьих головок! и бог ей судья. Так вот, с того дня прошло не так уж и много времени и жизнь, как и прозябание Побрякушкина-погрешника за эти дни явно не улучшилась... Впереди его ожидала всё та же тягомотня, которой не позавидует и бомж с десятилетним стажем, а колесо ледяной купели, подмяв под себя, поволокёт его по болоту ростовских помоек...

Продолжим, читатель, и всё по порядку. Покинув старушечью обитель-конуру, а попросту клоповник и рассадник тараканов... Хотя об этом, вроде бы и горевать не стоит, но всё-таки, какая бы и ни была, но крыша над головой. А теперь ему, товарищу Гендошу, хоть иди и в Дону утопись!.. Вот уже который день подряд он ходил, бродил спотыкаясь, как торчок-наркоман, и всё продолжал думать о той женщине, с которой случайно довелось ему побеседовать всего несколько минут на том блошином рынке, в переулке Семашко.

Предаваясь унылым, а периодами и довольно мрачным мыслям, как и сама его судьба, подталкивающая его в спину, Побрякушкин-Куцанков, сейчас неторопливо шествовал, а попросту – брел по улице Станиславского, продолжая, как мы уже сказали, спотыкаться на трамвайных путях и направляясь в

сторону Старого базара. В эти скорбные для него минуты, как и непогода в то ужасное утро, где-то в глубине души таил он надежду, вновь встретить её – ту незнакомку... И продолжая придерживаться правила, которое гласило: не верь, не бойся, не проси, которому его ещё учила школа, затем институт, а последнее напутствие, как помнится, по этому поводу, на длинную и долгую дорожку, давала незабвенная тёща: «...Прежде, чем тебя законопатят в след-

ственную камеру, успевай в них рассажать своих подчинённых!..», – звучали эти слова в ушах вместе с ветром. На эту минуту Гендош поставил на той незнакомке не только твёрдый знак, а само ударение, хотя периодами и задавал

сам себе один и тот же вопрос: «Спрашивается, зачем?!.. Кому ты нужен?!..». Сырой ветер, дувший сквозняком, как в трубу, вдоль улицы Станиславского

– пронизывая всё насквозь и с остервенением воя в проводах – дорывал на Гендоше последние обноски. Холодил под тряпьем его ещё молодое и где-то несомненно и крайне востребованное мужское тело, о чём он, конечно же, не мог знать на данное время, и которое после холода у него всегда по ночам сильно чесалось. Стараясь не думать об этом, Иван Ильич продолжал брести наугад, испытывая судьбу, как сказали бы где-то в армейских кругах: на проч-

ность, выносливость и нечеловеческое терпение, чтобы, не дай бог, да не полезть случайно в петлю, как последний предатель Родины... О чём – как

помнится – на эту тему ещё с тёщей, Инессой Остаповной, когда-то они пламенную речь ночью вели. Да, да – в ту злополучную ночь диалог тот состоялся, когда синим пламенем полыхала его фабрика и вся его жизнь рушилась в пропасть обвалом... Прямо, как собаке под хвост...

Пока Побрякушкин семенил ногами, крепко задумавшись, а в это же самое время, в старой части городских кварталов – «папы-Ростова» – в подъезде старинного дома, ещё дореволюционной постройки, в районе, известной на весь город, Богатынówki, по улице Седова, спускались торопливо на низ, направляясь к выходу, двое молодых парней, впереди которых – по каменным ступенькам – стуча каблучками, спускалась на низ ещё и шикарная дама. Если понаблюдать со стороны, то, как часто оценивали многочислен-

ные гости, из числа клиентуры – по водке, дамочка – выглядела явное не «фу-фло» и ею была Клавдия Максимовна Сироткина. Одета она была по последней шик-моды, на мордочку симпампулечка, да и вообще – миловидная бабышня бальзаковского возраста. Чем-то она уж очень сильно напоминала и

даже похожа была на известную актрису советского кино Федосееву-Шукшину. Следом за нею плелись: Сидоров Георгий, в обиходе прозываемый Жорж-Капустой, а за ним шлёпал своим плоскостопием, как тюлень лапами по льду, его ровесник и «брат», если считать от самого раннего детства – по

Азовскому детдому, а впоследствии поделщик и «сидельник» всё в той же Азовской, но уже исправительной колонии для несовершеннолетних – Юра Сундуков. Такой же двадцатилетний раздолбай, как и Жорж-Капуста, но уже под кличкой – Хомяк-косолапый.

В это пасмурное и непогожее утро, в подъезде древнего дома, помнящего ещё дворян и всяких там захудалых князьёв и графьёв, и несмотря на то, что и улица носит название прославленного мореплавателя Седова, в полутёмном пространстве лестничных маршей стоял удушающий запах собачьей мочи, с добавлением ещё и человеческих испражнений. Углы и ступени – к всеобщему и вашему сведению, граждан и соседей в подъезде – ещё и агрессивно пахивали примесью кошачьего помёта и территориальных их меток, но уже – кошачьих испражнений. На удивление, все участники жилищного

процесса, в этом первом подъезде, давным-давно уже так внюхались в эту невыносимую вонь, что ничегошеньки даже не замечали, как будто бы пахнет свежесваренным кофе. В руках у Клавдии-Жульеты был блестящий, этак переливающий всеми цветами радуги, лакированный ридикюль, где, велятней всего, лежала немаленькая сумма денег: разумеется, по тем временам и, если исходить из дороговизны самого ридикюля. В зубах у неё – меж накрашенных пухлых губ – торчала длинная предлинная папироса. Эта самая папироса сейчас дымила, наполняя подъезд ароматом тропических трав, и

была – эта сигарка – неизвестного происхождения, может быть, привезена из самой Гаваны. Но этот вопрос скорее всего относился к простолюдинам и к остальным обывателям дома – а папиросы такие продавались в табачных ки-

осках, как и те же Гаванские сигары – дорого, конечно, и в то же время только на штуку. Юра-Хомяк в руке нёс авоську с пустыми бутылками из-под кефира. Нёс для того, чтобы сдать их по двадцать копеек за штуку, и тут же снова ку-

пить, но уже по тридцать копеек, наполненные обезжиренным кефиром. Такая разбежка в цене кефира и самой посуды, когда содержимое в два раза дешевле посуды, было придумано властью умышленно, чтобы бутылки сдавали. Умно и практично, – думает автор. Жорж-Капуста, держа на-пупку, тащил картонную коробку, в которой тархтели, позванивая, тоже пустые бутылки, но они были уже из-под пива, вина и ликёра. Бутылки из-под водки

они не сдавали, по причине того, что они её никогда и не покупали, а наоборот, собирали пустую посуду из-под водки по всему центру города и сносили в квартиру... Секрет этой манипуляции нам предстоит ещё узнать...

Вернувшись, к предыдущему высказыванию, насчёт кефира и посуды, от себя мы добавим. В том прошлом, так называемом – Брежневском периоде развитого социализма – «застое» – было неисчислимо много великих и про-

сто хороших, не только достижений, но и других разумных вещей, которые во времена, так называемых Горбачёвских «реформ», отменять не стоило было. Отменить следовало всего малость, всего несколько пунктов, – ну, не более десяти. Разрешить мелкую и среднюю частную собственность, как и предпринимательство, не казнить за те несчастные сто долларов, найденных у тебя в кармане; узаконить свободу слова и печати. И главное, принять закон многопартийности. Остальное всё должно было функционировать в рамках свободного рынка и конкуренции. Но это уже – только слова, ибо начали всё и как всегда – с заднего прохода, и со словами: «...Разрушим всё до основания, нанесём сокрушительный удар, и камне на камне не оставим от прежней той жизни «застойной». В древнем Египте, новый фараон приходя к власти, распорядился стереть любое упоминание о прежнем правителе. Уподобившись этому, в конечном счёте превратили Великую державу в какую-то Колумбию

и Гондурас, где мафиозно-правлящая верхушка – наркобароны и казнокрады – правят страной... Мы удалились от темы, вернёмся всё-таки к нашим персонажам.

Сидоров-Капуста и Хомяк-Сундуков не всегда проживали в этом доме, но вот уже второй год как они обитали в квартире у тёти Клавы. По крайней

мере, эти два, оболтуса-обормота – так Клава часто их называла – по возрасту и впрямь годились ей в племянники, и обращались они к ней, как к родной тётке. И словно в унисон всему этому, жильцы во всём доме именно так и думали, что это племянники, прибывшие из какой-то глухой и неизвестной деревни. И даже, когда они на пару укладывались к тётке Клаве под бочок – переспать с ней в мягкой постели – один с краю, второй от стенки, а Клава, по

прозвищу Жульета-авоська – посредине, то и при этом Юра-косопалый, часто гундоса, спрашивал: «Тётя Клава, мой локоть в бок вам не давит?.. а то мне уже некуда его девать... И до вашей титьки я почему-то не достаю...». А в это время от стенки, из-за растянувшейся на спине Жульеты-авоськи, которая в

этот промежуток времени лежала и млела, в ожидании любовных утех и страсти, слышался голос Жорика-Капусты: «А я вам чё, резиновый?!.. на стенку я не полезу, она холодная!..».

Но это случится чуть позже. Обычно это случается уже довольно поздним вечером, когда они, вернувшись домой, и после того, как провернут и посвятят часть времени на реализацию палёной водки, после чего укладываясь в постель, приступают к заключительной части дневного бытия. Потому не стоит забегать нам вперёд, и раз они будут этим развратом заниматься уже ночью, мы вернёмся в то ветреное и хмурое утро в подъезд буржуйского дома, где они проживали, на улицу Седова.

Клавдия Максимовна Сироткина, дама была уже давно перезревшая, но как всякая здоровая и не страдающая фригидностью женщина, считала себя молодой и относила себя к числу шансонеток; была она падкая до плотских утех и шалостей всяких интимных, и в особенности, что касалось было этих двоих молодых парней. Возможно, на этой почве, сама и не заметила, как оказалась яловой «тёлкой». И, как мы уже сказали, что её ещё иногда называли жильцы дома – Жульета-авоська, по причине того, что, и она и её «племяши» – весь день напролёт таскали эти самые авоськи, а в них бутылки пустые из-под водки и ещё непонятно что. Клавдия Максимовна была хохлушкой – если и этот вопрос интересует читателя, и он намерен, оценивать женский пол по признакам национального разделения диалекта языка. Так вот, Клабочка, являясь на данный момент подругой жизни для этих двоих лоботрясов,

но, что касается остальных жильцов трёхэтажного дома, лежала на них всех разом и притом – с прибором. По отношению к жильцам дома Клавдия часто выстраивала своё поведение так, что иных, из числа мужского со-

словия, она покоряла своим обаянием, а на остальных просто начхала и вела себя подобающе той обыденности: хоть хватай узлы с манатками и беги, куда глаза видят... Бывало, в минуты раздражения, в особенности по утрам, на весь подъезд истошно кричала:

– Я вас приучу Родину любить, хамьё старовечерское!.. И эти мои, идиоты, туда же!.. Хомяк, а ну вернись!.. твою дивизию мать!.. Ты слышишь, что я к тебе обращаюсь? Уркаган, ты детдомовский!.. Шоб ты до вечера сбисьвся!.. Куда тебя понесло, если посуда на месте стоит?!..

Вот и в это ветреное утро, Клавдия Сироткина, спускаясь по ступенькам, чихнула раза два подряд, вероятно, тем самым, застарелая аллергия на кошачью и собачью мочу, напомнила о себе знать. Подойдя первой к выходу, она порывисто распахнула перекособоченную дверь. Эта дверь продолжала нести свою службу не меньше, чем уже полтора столетия; но, как помнили

эти стены, последний раз она красилась ещё при Александре-третьем, «Миротворце». Было это очень давно, и, если считать с этого «судного» дня, то —

ещё в позапрошлом веке, когда он собирался, было, приехать в столицу Донского казачества, Новочеркасск. Приехать ему не удалось, по причине затворничества и беспробудного пьянства, а говоря, простыми словами, – очередного глубокого запоя, сия миссия и не была исполнена. Вот эту самую историческую дверь: в ту же минуту, как её распахнула Клава, сильнейший порыв ветра вырвал из её рук. На улице, за порогом бесновалась погода, а тот самый ветер дувший с гнилого кутка – со стороны татаро-монгольского Крыма, сметая всё на своём пути, как в знойное лето в степи саранча, а то и орда. Казалось, что со следующим порывом ветра рухнет от ветхости дом, который в

эту минуту поскрипывал всеми своими суставами, где-то вверху трех этажей и особенно кровлей...

В доме давно поговаривали старушки, что будто бы, Клава совсем не пощадит церковь, и не ходит на причастие, пожалуй, ещё с младенческих лет. Потому-то она, не крестясь, но при этом вспоминая всех святых и угодников – не поочередно, конечно, а всех сразу и скопом – позволила себе произнести те «сакральные» неприличные слова, за которые иногда сильно и больно

бьют при помощи ветра дверью по морде. Следом идущий за ней с бутылками в авоське Юра-Хомяк, ступив на порог, от порыва ветра на мгновение

замер, но в ту же секунду: то ли, и правда, ветром, а может быть, сквозняком

– окованную дверь вдруг понесло в обратную сторону и со всего размаха шагнуло Юру Сундука в лобешник. Отлетев назад, он ударился спиной в коробку, которую с особой осторожностью нёс Жора-Капуста. Бутылки из-под кефира раскатились по всему подъезду, и всё вокруг замерло на время. Жорик же, в отличие от друга, упав на задницу и продолжая и дальше сохранять ценный груз, уцепившись в коробку, вдруг, словно вспомнив, завыл и заскулил по-собачьи. А всё это время на его коленях продолжал сидеть Юра-Хомяк, который от удара тяжёлой двери никак не мог прийти в чувство. Клавдия же, обнаружив, что свита её куда-то пропала, прилагая усилия, с трудом открыла ту злополучную раритетную дверь. Придерживая полотно двери, она просунула в подъезд свою голову и посмотрев с брезгливостью на своих

«племяшей», спросила:

– Ну?!.. И долго вы тут собрались сидеть?!.. Вот, идиёты!..

Спустя пару тройку минут все трое уже стояли за порогом подъезда. Клавдия, с усмешкой на губах, потрогала огромную шишку на лбу у Хомяка и с

иронией, сказала:

– Не сдохнешь, но синяки под глазами поносишь. До свадьбы заживёт, а она у тебя вряд ли когда случится, быстрее соседская кошка тигром станет, прежде, чем для тебя, ублюдок, найдётся невеста. Нехрен было голову свою подставлять, куда не надо! А может, и лучше, мозгов в голове прибавится... Пошли уже, навозные вы червяки!.. дел ещё за целый день не управиться... Развернувшись, Клава направилась в сторону широкого просвета в подво-

ротне. Было ещё утро, и за всю прошедшую ночь, во дворе могло всё что угодно случиться. Могли устроить так, что, ту одинокую старуху, о которой накануне, уже перед сном, вели о ней разговор, и которую ещё два дня назад менты схоронили, откопать на кладбище и водворить во второй подъезд, уложив её в детскую коляску. В этих двух, по-соседски, домах жили ещё не та-кие «артисты» и примеров этому имелось немало.

Ещё весной, в канун женского дня 8-го марта, в соседнем доме, в квартире под №-13 – чёртова дюжина. У Марии Андроновны и Василь Палыча случи-

лась крайняя неприятность. Ранним утром, когда супруги ещё нежились в по-стели, кто-то вдруг в их дверь вначале позвонил, а затем ещё и принялся сту-чать и тарбанить. Василь Палыч и говорит жене:

– Иди, открывай, это уже твой любовник... Надумал и пришёл поздравить тебя с восьмым мартом...

Кряхтя и похрустывая всеми сразу старческими суставами, Мария Андроновна сползла с кровати и пошкандыляла, шоркая босыми ногами, к двери. Открывает это она дверь, а за ней никого. И тут неожиданно она увидела, что на её двери, на четырёх гвоздях, висит, распятая, дохлая кошка, а под нею ещё и прибитая записка «С праздником тебя, ведьма! Скоро и с тобой это слу-чится». Мария Андроновна прочитав, тут же и грохнулась прямо на пороге.

Муж, Василь Палыч, ждать пождать, а от двери только всхлипы, будто соп-лями кто давится, доносится сопение. Пробурчав, себе под нос: «Уже, собаки, сношаются...», с трудом покинув постель, дойдя до порога открытой двери в

спальню, высунув голову, и в утренних сумерках стал всматриваться. Увидев лежащую в одиночестве жену на полу, сказал: «Уже успел и сбежать, под-лец!.. а эта, от сладострастий, растянулась!.. Ну и лежи!..».

Потому-то, жильцов в этих домах ничем уже не удивить. А та старуха, кото-рую менты закопали, упаковав её в целлофановый мешок, до этого дня

именно с той самой коляской шастала по городу последние четверть века подряд, о чём, спустя время, в квартире у Клавы и пойдёт «гнилой разговор».

Но сейчас наших героев поджидал иной сюрприз. В дух метрах от входа в подъезд, какой-то нетерпящий, а может быть, мимо пробегающий и заско-

чивший во двор на минутку, наклал, – хрен переступишь!.. – приличную такую кучу дерьма, и додумался же, гад, прикрыть её обрывком газетки. Клавдия

проследовала, не обращая внимание на подложенную под газетой «мину». На её счастье ей повезло, и она произвольно, прилипшую к земле газету обо-шла стороной. Капуста-Сидоркин, поплёлся за нею, а вот Хомяку косолапому

– в это сумбурное утро вновь на сей раз невезуха крупно упала под ноги. Идя параллельно своему товарищу и брату – по казённому приюту – плоской своей ступнёй, где напрочь отсутствовала пятка, наступил на газету, а нога-то, нога!.. Она-то калечная!.. пропади она пропадом!.. словно лыжня, поехала по говну резко вперёд, как по маслу. Руки поневоле взмыли кверху, и уже опускаясь к земле, авоська с бутылками из-под кефира шмякнулась о булыжники во дворе, подобно той двери, которая лоб ему подровняла. Бутылки, как кури-ные яйца, – в смятку!.. Юрик не сподобился стать на шпагат, раньше надо было этому учиться; он лишь предпринял попытку, но вышло совсем не так, как тому быть. Газета съехала вместе с ногой,

а Хомяк уместился задницей в ту самую кучу. Клава и Жорж-Капуста вначале с недоумением на лицах обернулись и замерли, пытаясь сообразить, – что же произошло на самом деле?!.. Кругом, значит – сухо, а отчего растянулся Хомяк, было не совсем понятно.

Продолжая сидеть на куче дерьма, Хомяк-Сундуков, наконец-таки, внюхавшись как и все остальные и осознав, во что он вляпался, дрожащим голосом прокричал:

– Я знаю, чьи это проделки и кто это насрал. Это его, сучья, работа!..

– Уже легче, – пренебрежительно сказала Клавдия, – теперь хоть будем знать, в чьё говно мы вступили, да прямо жопой твоею, дебил!..

– Чего там знать?!.. чего оскорблять?!.. – если это головастика работа, гамно-еда-баклана говно. Там ещё Шприц-бацилла с ними живёт, в том втором подъезде!.. Может, и он кучи кладёт где попало и куда даже собаки не ходят...

– Он хоть кладёт, но ходит не воняя. Из твоих слов, он – гамноед-баклан, а на деле вышло, что ты в него вляпался, вот тебе и придётся, походить и поводить... Это тот, который с Марусей, мохнатой, или брюхатой, живёт? – спросила Клава.

– Он!.. кто же ещё?!.. к ним пару дней назад ещё и зек подселился, его на днях из зоны, на Каменке, выпустили... Не знаю, кто он им такой, но, хоть и

засосанный, но, бычара, ещё тот, не моргнув глазом, зарежет!.. Теперь ходи и оглядывайся... их там трое, считая Бациллу-шприца, а Маруська брюхатая четвёртой будет, одна на троих...

– А чего это ты, расселся на том дерьме, как контуженный, дядя сарай?! Вставай, раздолбай, да пошли уже!..

Недовольно сказала Клава и отвернулась. Хомяк, подчиняясь, кряхтя и опершись меж колен на руки, поднялся. И первое, что он сделал, чего от него никто не ожидал, так это – немного прогнувшись вперёд всем туловищем, ладонью провёл по своей заднице, словно пытаясь пыль стряхнуть, разгладив тем самым по брюкам дерьмо. Выпрямившись и поднеся ладонь к носу, принался нюхать, чем оно пахнет. Второй – «субъект-экземпляр и урод» – из характеристики, устами Клавдии – товарищ его по колонии и скитаниям – Капуста – он в это время стоял, раскрыв рот и молчал, вероятно, не совсем понимая, что происходит. Клавдия, скривившись в лице, сказала:

– Ты ещё языком лизни, ублюдок!.. на вкус попробуй, узнаешь, что жрал на ужин тот, хмырь... Вот, придурок, до самого копчика конченный!.. И носит же земля таких, идиотов!.. С такими свяжись – и саму в дурдом отправляй... Хоть выгоняй из квартиры... Иди вон, балда, к водоразборной колонке да замывайся!.. В квартиру в говне не пушу! хрен потом до нового года выветрится...

Странная вещь! Клавдия спала с ними обоими и в тоже время – даже стороны понаблюдать – физически и всем своим существом ненавидела их.

Пока наши персонажи будут приводить в порядок своего товарища, разбившись вокруг водоразборной колонки, после чего они намерены двигаться снова намеченным маршрутом в путь... Да вон они!.. Теперь Клавдия семеня ногами еле поспевает за своим сопровождением, крича им в спину:

– Куда вы глаза вылупив летите?!.. как будто у вас понос открылся!..

– Куда мне ещё и понос?!.. – если и так вся задница в говне!.. преодолевая голосом посторонний шум движущегося транспорта, прокричал в ответ громко Юра-Хомяк.

Преодолев сплошной поток автотранспорта – кстати, в совсем непопулярном месте – тройка «блатарей», а быть может, просто растяпы и туповатые парни, сейчас переходят широкий проспект Ворошиловский. Вот они снова

вышмыгнули посреди улицы Станиславского: чем-то она им очень приглянулась, и, как нам кажется, они намерены держать свой путь по ней и дальше. Куда?.. – а хрен его знает, пока и мы не знаем. Тем временем пока они идут, расскажем о них немного поподробней.

Ещё с прошлого лета, а это уже больше года прошло, как Клавдия Максимова Сироткина, случайно повстречав на барахолке-толчке эту парочку, приютив, пригрела их, сделав из них постояльцев-сожителей, но не только в

своей однокомнатной квартирке по улице Седова, а и сама, каждую ночь, лёжа между ними и испытывая негу и страсть, бесстыдно согревалась ими в постели. Не будем, читатель, осуждать её – одинокую и в душе всё-таки

несчастную женщину, – кто же её ещё пожалеет, как не мы?! Человек – существо слабое перед пороками – «Не суди, не будешь и сам судим», ибо каждому хочется тепла и ласки, а женщине, да ещё, когда она в самом соку, к какому относилась и Клавдия: им ведь тем более, как воздух, это необходимо. Но спали оболтусы-племяннички с Клавдией Сироткиной вовсе не задаром. Задаром – говорил известный в своё время Остап Бендер – только кошки плодятся; а вот этим двоим, хмырям-бестолочам, вменялось в обязанность по городу собирать пустые бутылки из-под водки, а потом мыть их под краном.

Конечный процесс производства заключал в себе: разводить – бодяжить – водопроводной водой спирт-ректификат, доводя жидкость до сорока градусов... Ну и в заключительной части этой нехитрой манипуляции, оставалось

– разливать по бутылкам, после чего закупоривать пробкой из металлической фольги и наклеивать новенькую этикетку. Продукцию сбывали чуть ниже, чем цена в магазине; придраться не к чему. «... Не рассчитав, накупила на поминки мамы, и заодно своё день рождение наметила отметить, не скупясь... Не пропадать же добру и на помойку не выбросишь...». Спекуляцию не пришьёшь:

за что купила, за то и продала, даже немного дешевле. Да собственно, ковыряться в этом и дотошничать, никому до этого не было дела. Самогоном в

подъезде не воняло, с которым боролись, а контингент покупателей не жаловался – водка бьёт по шарам лучше, чем купленная в «гастрономе». Притом и взять её можно, не дожидаясь одиннадцати часов, а прямо с утра и круглые

сутки. В деятельности сбыта – разумеется, активное и посильное участие принимали и «племяши». Денег, правда, не кривя душой, за это не получали. Так

– мелочь всякую, на карманные расходы и на сигареты, по десять копеек за пачку – «Памир». Как сказала Клава: «Вам, обжорам, и так через всякие края!.. Я своим холёным телом и едой с вами расплачиваюсь... С телом – ладно бы ещё, как-то вроде бы не сильно и заметно, а вот насчёт хавки – вас хрен прокормишь! В-постели бы такими были, как глотать умеете!.. Жрёте, как за себя кидаете. Вон, и пузо: что у одного, что у второго, скоро в дверь не пролезете... И ликёры вам сладкие подавай, бормотуху пить хрен нагнёшь... Гнать вас в шею давно уже пора и, пожалуй, надо!..».

Но это всё, читатель, чисто семейные тяжбы, которые случаются в каждой семье, даже будь то семья моногамная, треугольная или ещё там какая, главное не забывать про советские рубли и как их добывать...

Спирт-ректификат – в 86 градусов по «цельсию» – привозился в двадцатилитровых алюминиевых канистрах откуда-то из окрестностей владычества воен-

ных – «Военведа». Канистры выгружались, а деньги забирались, что оставалось от навару – то всё хранилось в ридикюле и в тайниках у Жульеты-

Авоськи. Этикетки на водку и пробка-фольга неведомыми путями поступали из-за высокого кирпичного забора ликёроводочного завода, с переулка Гвардейского. Из прочно сложившейся постоянной клиентуры, многие приносили вещами. Клава брала тряпки, среди которых было немало и дорогих вещей, уценяя их до смешного, казалось она, всё это на помойке

нашла. К сведению особо любопытных, скажем: что на барахолке по субботам и воскресеньям она часто приторговывала, и вовсе не вещами безвременно почившего мужа, которого у неё отродясь не бывало, а теми самыми вещами, которые меняла на самопальную водку. В те времена – прочного и фундаментально развитого социализма – силовые структуры ещё не имели понятия, что нужно с этим бороться. С самогоноварением – по привычке, заимствованной ещё во времена нэпа – боролись, остальное: то всё чепуха...

Юрий Сундуков и Георгий Сидоров закончив с горем пополам восемь классов Азовской Средней школы и выпорхнув из стен детдома, собрались было с осени приступать к постижению наук токарно-фрезерного дела в Азовском ГПТУ (*Государственное профессионально-техническое училище*), чтобы потом после окончания его, стать ударниками и передовиками производства и заколачивать деньги на обильную жратву, а к ней и выпивку, где-нибудь на

заводе КПО или КПА (*Заводы кузнечнопрессового оборудования и автоматов*). Если со стороны посмотреть, то казалось: оба инвалиды и сироты, хотя хворобой и не обременены были, хоть в плуг запрягай... Но!.. – измятые, истерзанные сиротством и на этой самой почве эти бедолаги приобрели вредную привычку: врождённую страсть к сладостям, ну и к остальной вкусной еде – как пожрать вволю и от пуза. Но, на худой конец, могли употреблять и что под руку попадётся. И так это их обоих раньше времени к стенке при-

пёрло – этой самой едой, которой у них никогда нету, что так они и не дошли, тем более не дотерпели, до этого славного зачинания – науки токарных и фрезерных станков постигать. Творческая их биография – этого мастерства от металла – так и не начавшись, вначале было завяла, а затем и совсем оборвалась. И на удивление, у обоих сразу: как у Хомяка, так и у Капусты – прямо на самом корню, где-то возле самой подошвы. Кстати, мы чуть было не забыли: беспризорность и бездомность – по вокзалам и электричкам шнырять – мимо них тоже ведь проскользнула – как бы так. Хотя по всем правилам – после того, как выпустили из детдома, должно было бы это состояться. Покушать они очень любили, как мы уже вам сказали, с самого что ни наесть малства.

Вот на этой самой почве, после того, как не раз были пойманы в детдомовской столовой, дальнейшая жизнь у них не задалась. И впоследствии таких уже возможностей почти не представлялось, где они лакомились сахаром, черпая его ложками прямо с мешка, или бывало и сухофрукты приходилось

им поедать. Поедать и глотать торопливо, не пережёвывая как следует, те самые фрукты, предназначенные для компота. Сам детский приют, в городе

Азове, располагался недалеко от городского рынка, куда они тоже частенько заглядывали, чтобы чего-нибудь съестного спереть. За это, даже когда их ловили, сильно не били, а просто пинали носком ботинка под зад, или резиновым сапогом доставалось. Более гуманные граждане – в особенности, в лице продавщиц – с женской жалостью и со слезами на глазах, лишь в след им глядели, зная, кто они и откуда. Как-то, трезво подумав, ибо в те времена – эти

сироты ещё всякого говна на денатурах не пили, как это будет потом – подобные им – станут пить, запивать, нюхать и колотиться, но это случится в более

«просвещённые» времена: в эру сотовых телефонов, смартфонов и всяких там интернетов с компьютерами. А нашим героям, буквально через пару ношей пришла в голову иная светлая мысль, которая в те времена часто всеми

практиковалась. Пришла, и притом обоим и разом. В летний период всё это и случилось. В промежутке между школой и ГПТУ. Ни каникулы тебе, ни то – ни сё, а так, болтайся, как говно в колодце, а жрать-то хочется. Подумали друзья и вдруг решили, – надо брать магазин, и точка!.. Сколько можно голодным сидеть?!.. Совершить налёт и брать магазин, было решено, как можно подалее от дома.

– Чем дальше нагадим, тем меньше под носом будет вонять, – сказал сам продвинутый в этом вопросе Жорик-Капуста. Потому и не впадая в крайности и не страдая малодушием, выбор упал на посёлок Красногоровку. Не

повезло ей бедной – этой самой Красногоровке – по той причине, что она находилась на окраине и протянулась на выезде из города Азова, если направляться в сторону Ростова-на-Дону. Несколько дней ушло на то, чтобы тщательней присмотреться к объекту. Подготовиться, так сказать – основательно. После чего, в безлунную ночь, в мешок положили, бухнув при этом об пол, заблаговременно приготовленный булыжник-голыш, весом килограммов под десять, который обычно хозяйки применяют как гнёт на капусту и другие соленья. Следом за этим «банда» отправилась на операцию. Мешок с булыжником несли за спиной строго по очереди, считая шаги. Вот и «Продмаг», как привидение стоит на пути: под фонарём на столбе, возникнув

сквозь листья деревьев. Сторожей здесь не держали с тех самых пор, как внедрять стали новый метод охраны объектов, доверившись – «новизне» – более современной звуковой электрической сигнализации. Эта немаловажная

деталь была подельниками установлена точно и без всякой «булды». Рядом в кустах лежала уже приготовленная заранее проволока – диаметром в шесть миллиметров и состоявшая из звеньев, как цепь. Сию проволоку они ещё два дня тому назад приволокли в расположение объекта, позаимствовав её на железнодорожной разгрузочной площадке. К проволоке привязали бельевую верёвку, снятую по пути. Хомяк, раскрутив её над головой, будто бы решил огромного в Дону сома поймать, забросил устройство на электрические

провода. Вначале шарахнуло молнией – чего никак не могли они ожидать – электролиния оказалась высокого напряжения – отчего оба от страха присели, а глупые свои головы в плечи втянули. После, столь зверской рас-

правы над городским освещением, весь посёлок Красногоровка погрузился в кромешную тьму, а собаки во дворах принялись гавкать и выть, как будто бы свет с клином кончается. Эти, двое экспроприаторов-придурков, как ни в чём не бывало, к тому же довольно смело, как у себя во дворе, которого отродясь не имели, подошли к витринному окну магазина, рядом с входной дверью.

Хомяк-Юра, хотя и страдал глубоким и пожизненным пороком плоскостопия и размером ноги – в сорок восемь, но в руках был силён и крепок. Давно известно, что, если в ногах у человека изъян, значит, сила в руках компенсируется. Раскрутив над головой мешок с голышом – как до этого проделал он с

проволокой – косолапый Хомяк со всей дури долбанул голышом в витринное стекло. Второй раз бить голышом уже не потребовалось: образовалась дыра

– заезжай хоть трактором. За многолосьем гавканья цепных псов в соседних дворах и собачьего воя в округе: звука осыпавшихся стёкол, даже грабителям не очень слышно-то было, да они и не прислушивались. В голове совсем другие мысли витали, как побыстрее добраться до сладостей. Вытряхнув из мешка голыш прямо себе под ноги, Хомяк, скомкав мешок, сунул его себе

подмышку и теперь уже с пустой тарой первым полез в проём между разбитых стёкол. Посветив фонариком и определив, где и что лежит, а дальше, уже на тёмную, принялись между тем товар совать в свой мешок. Вначале занялись колбаской – она первой на пути оказалась – но чуть спустя во времени

сделали особый упор всё-таки на сладости. Мацая больше на тёмную: что к пальцам больше всего липло, то и кидали в мешок. Жорик, выдернув из мешка с сахаром совок, из ящика черпал им шоколадные конфеты и что-то мурлыкая, переполненным ртом, кидал конфеты всё в тот же мешок, словно грабаркой. Хомяк же тем временем тоже даром время не терял, а прямо с

прилавка, сгрёб квадратный брусок халвы, килограммов на восемь, и этот брусок вмиг исчез в провале мешка.

Когда в соседнем с магазином частном дворе сильно завывала собака, Сидор-Капуста сказал:

– Вот дохлятина, окаянная псина!.. на-воет она нам на нашу голову ментов... Хомяк, может, пойдёшь и голышом её приголубишь?..

– Ты чё?!.. с луны свалился?.. где я её в темноте-то найду?!.. Брось обращать внимания на всякую хрень! Домой прибудем, наедемся, так уже наедемся!

За все голодные годы и за весь долгий срок, что тянули в гадючем детдоме... Сказал Хомяк, еле ворочая языком переполненного рта, и продолжая запи-

хивать в рот какую-то попавшуюся под руку вкуснятину. Подойдя к витрине, где стояла ликёроводочная продукция: вновь пришлось посветить фонариком. Какое-то время выбирали ликёры: да чтобы были послаще. Напихали бутылки в карманы, а в мешок уже сверху набросали всяких консервов, не глядя. И так как мешок был уже под завязку, принялись его укнутывывать куском всё той же бельевой верёвки. Взяв по краям, перевалили мешок на ту

сторону окна, поочерёдно вылезли... И в эту минуту в глаза им ударил яркий луч света – прожектор. А вместе с ним затыкала овчарка, и в «матюгальник» – из мегафона прозвучал грубый, но требовательный голос: «Поднимите руки и повернитесь лицом к стене!.. При попытке сопротивления или попытке по-

бега, будет применено оружие. Стрелять будем на поражение!..». Операция по экспроприации сладостей и остальной всякой вкусной еды в стенах азовской кооперации, не дойдя до своего завершения, рухнула, вопреки всем

ожиданиям. Вскоре и суд состоялся: чего там тянуть?.. всего-то два, полумка. А после суда и ехать далеко не пришлось. Как раз, почти напротив, где магазин брали: через железнодорожные пути перейти, и вот она – и зона!..

исправительная колония для несовершеннолетних – «малолетка». Притом не где-нибудь, а рядышком с хим-складами: теперь два года вместо копчёной колбасы и ликёра, пришлось, нашим отмороженным персонажам, вдыхать с хим-складов аммиак. А если взобраться на второй этаж жилого корпуса колонии «малолетки» и посмотреть в окно, в сторону посёлка Красногоровка, то даже крышу вполне можно рассмотреть того злосчастливого магазина. Отсидев в колонии от звонка до звонка, ибо особыми талантами – эти хмыри – не блистали, чтобы выйти на волю по условно-досрочному, потопали они, куда их и направили. Не проявляя зла и не тая обиду, на кого бы то ни было в этом мире, как и на свою судьбу и на органы опеки в погонах: в общем зла ни на

кого не имели. Начав на всякое своё самолюбие и подсмывнув штаны на пушок, отправились эти два, придурка, на призывную комиссию в военкомат, намереваясь, честно отслужить где-нибудь в стройбате. В первом же кабинете врачебный консилиум принялся на обоих писать «досье» – притом с заглавной буквы: и что больше всего удивляет, – о чём писали-то?! Что, оказывается, эти два индивида, ни под каким соусом и при любом раскладе, не годятся даже в стройбат сторожами, кирпичи охранять. Призывник Сундуков

страдал таким плоскостопием, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Все сбежавшиеся в кабинет – коллеги – пристально стали глядеть на небывалое

зрелище. Все от медицины, все в белых халатах, стоя в кругу: шушу да шушу, а в центре умастив на табуретку, сидит этот, экспонат – Сундуков; а ноги,

ноги-то, как у гориллы, только что белые. А эти – эскулапы – будто бы впервые видят такое, да с открытыми ртами, и все ведь врачи-доктора, и так это долго разглядывают ножные ступни Хомяка, при этом осторожно шупают своими руками; приплямывая, будто из его копыт собираются вечером наварить холодца и пытаются определить, где тут перёд, а где зад у стопы. Что тут ва-

ритель?!.. – чесался язык, у них спросить, – а что ведь и выбросить придётся. Прямо-таки загвоздка вышла с этими ногами. А тут, как на грех – второй такой же, – не лучше!.. И тоже призывник, и выглядит не лучшим образом. При

этом, немного подумав, заглянули в личные их дела: с одной, оказывается, конторы и за одним забором «малолетки» сидели, можно сказать, – что вчера. И пока у его друга разглядывали клешни, этот, второй: всё стоял да

стоял, опёршись плечом о дверной косяк, и о чём-то, видимо, негодник, о похабном, о чём-то мечтал или думал, потому что смотрел он в окно, где на клумбе задрал задницу кверху, пропалывала травку, девица – «красное солнышко». А тут – прямо некстати – очередь дошла до него.

– Призывник Сидоров, будьте добры повернуть свою голову в сторону коммиссии... И нечего глазеть вам по окнам, когда у вас проверяют ваше здоровье!.. – строго сказала солидная дама, что-то уж больно похожая своими замашками на надзирательницу из Азовской колонии. В белом халате и колпаке, в квадратных очках, а когда постучала резиновым молоточком по

крышке стола, и видя, что её слова не дошли до адресата, вновь уже: сильнее стукнула тем резиновым молотком, и прокричала:

– Вас, что?!.. мои слова не касаются?!.. Или вам сразу выписать броню – направление в областной псих-диспансер, в Новочеркасск?!..

– У меня голова правильно повёрнута, – нагло сказал, проявляя хамство, призывник Сидоров-Капуста и добавил, – если я её поверну в вашу сторону, тогда я вас вообще видеть не буду...

– Что-то новое, – сказала задумчиво дама-психиатр, – вы у глазника ещё не были?

– Ещё не успел, – ответил Жоржик и вначале поник бородой себе на грудь, разглядывая зачем-то кисти рук, но одним глазом при этом косил куда-то в потолок.

– Ну, да... я не глазник, но и отсюда вижу, что у вас, Сидоров, косоглазие похлеще, чем у зайца любого бывает... Собственно, зачем и кто вас к нам при-

правил?!.. Кому вы такие нужны? Вас в собес отправлять надо и инвалидность вам оформлять, а не на медицинское освидетельствование по призыву на военную службу.

– Милиция их к нам направила, вот предписание от них, – сказала молоденькая барышня.

– Вот милиция пусть ими и дальше занимается, а нам они ни к чему. Выписывайте обоим белые билеты, чтобы и дальше не морочить людям головы...

Таким образом, бедолаг – инвалидов детства: один ногами страдает, только и годится, что хоть в виноделы в Цимлу или в Молдавию отправляй; виноград там будет, сорок восьмым своим размером ноги, топтать плоскими своими ластами-ступнями. А у второго, братка – по клоповникам – с головой, кажись, не совсем было всё в порядке, да такой непорядок просматривался... Сидорову-Капусте, чтобы увидеть что-то, надо было смотреть совсем в обратную

сторону, а то и голову положить себе на плечо и ставить глаза стоймя – вертикально к земле. В общем: обоих наших персонажей постиг очередной крах – а так мечталось, послужить на благо отчизны. С того коварного дня, погнало и покатило их, как смитё по дороге, пока в город Ростов не прибило. Хомяк, таща свои грязные штанины по асфальту, еле успевал переставлять клешни, а Капуста только головой вертел из одного угла Старого базара во

второй, ко

собоку вглядываясь, щури глаза и близоруко присматриваясь, – где бы что повкуснее спереть. И в таком вот мажоре-режиме, шастали они по закоулкам и помойкам ростовским, пока их Клава к себе под подол не подгрести. С тех пор и стали втроём они жить, поживать и добра на палёной водке наживать. По правде сказать, сама Клавдия вообще-то

почти не пила. Своим, оболтусам, отпускала всегда она норму: вечером на двоих по бутылке портвейна, а если ликёр, который был дорогой и который они любили, то только пол-литра, и только по воскресеньям. Начистив картошки пол ведра, жарили после на сале

или на шкварках, и когда остограмившись ликёром или портвейном, в который – для сладости – на стакан вина сыпали по две столовые ложки сахара, как в чай, и пили в прихлёбку, заедая картошкой. Насытившись до отвала, ложились все трое в одну постель, почивать. Перед тем, как улечься, заводили скандал, споря: кому очередь спать на краю, ибо частенько крайнего сталкивали и ночью он с грохотом падал на пол. Клавдия какое-то время обычно слушала, потом, пытаясь прекратить семейный спор, незлобно кричала:

– Эй, молочные братья, чего расквохтались?!.. Яйцо вам, ублюдкам, всё равно не снести. Сиську горазды сосать хоть всю ночь напролёт: один с одной стороны, второй с другой, а бутылок готовых к реализации, смотрю, кот заплакал... Чё за дела?!..

– В сиськах у вас, тётя Клава, всё равно молока нету... – сказал с укором и поддевкой Хомяк-косолапый.

– Чево-о-о?!.. – скривив свои красивые губки, спросила Клавдия и немного помолчав, добавила, – и правда, говорят, нахальство не имеет границ... Вам-то, обжорам, ещё и молока подавай?!.. Да если бы у меня ещё и молоко там было, вы бы, обормоты, меня в неделю до шкурки высосали... до-смерти бы засосали!.. Вот бестолочи! Им говоришь, что назавтра бутылок мало, а им в сиське молока подавай... Когда же я от вас уже избавлюсь?!..

Произносила Клавдия эти крамольные слова хотя и брезгливо, но без злости, а больше для понту; высказывание рассчитанное больше на публику, состоящую из этих двоих, деляг-недотёп. На самом же деле, как бы она не соглашалась или не противилась в душе той противоестественности – самой милоногамии – и крайне отрицательно не относилась к прочим научным терминам: в её положении – стремясь избежать одиночества – всем своим женским чутьём она понимала, что лучше иметь под боком двоих, хотя и придурковатых, и порой для неё ненавистных молодых особей-слуг, мужского пола, чем не иметь вообще живой души на кровати...

Но вернёмся в то непогожее утро, которое, оказывается, прямо с ранья не задалось не только этим троим, о которых мы рассказали, но и для нашего главного героя романа, Гендоша. Оно – это утро, было для него, пожалуй, очередным испытанием-пыткой. Со стороны азовского гнилого кутка, как мы уже обмолвились, со стороны мелководья, прозываемым почему-то морем, продолжал дуть порывистый ветер, срывая листы железа на крышах и тархтя

шиферами. Подталкиваемый ветром в спину, Гендош неторопливо брёл по трамвайным путям, всё по той же улице Станиславского, поглядывая вымученным взглядом на тротуары. Он умышленно шёл посреди трамвайной колеи, решив:

что, если он будет идти по тротуару, то на голову может упасть кусок шифера и тогда, если не прибьёт до-смерти, то сделает его придурком...

«А так, чем мучиться, – продолжая движение, думал Иван Ильич, – то пусть лучше трамваем задавит, как когда-то трамвай задавил Михаила Александровича Берлиоза, когда тот поскользнулся, переходя сквозь турникет. Правда,

это было очень давно, ещё в конце двадцатых годов, во времена, когда Нэп разогнали, притом и в Москве, на Патриарших прудах, а тут всё-таки Ростов... и давным-давно утвердилась советская власть. Но, Мишка-то, Булгаков, как помнится, сам всему этому способствовал!..

Переступая ямы в булыжной мостовой и поглядывая с опаской на крыши, продолжал размышлять Иван Ильич:

– Он ведь, не пожелав вовремя предупредить своего героя, взял, недотёпа, да на пару с дьяволом, с тем, Воландом, и в самом начале своего романа бросил бедного Берлиоза

прямо под трамвай. Да как бросил!.. Бросил так, что и голова покати́лась по мостовой!.. Сюжет невольной скорби, почти, как у меня на фабрике случилось, с разницей, что голову свою я сумел унести на плечах...».

Улица Станиславского, хотя уже и проснулась, глаза продрав: растянулась

– словно кишка – от самой Темернички, строго с Запада на Восток. Давно растянулась, ещё когда иное название таскала на себе. Да и располагалась она

пожизненно в старой черте города, а на эту минуту она была в ожидании того часа, когда по её булыжникам побежит народ за простоквашей и хлебом, а кто-то и за пузырьём палёной водки – в дом, где Клавдия сосуществовала. А вот, что касается до всяких там революций и инквизиторов из Чека, как мы уже сказали, скорее всего улица носила другое название. Мы, право, не

знаем какое, и лень в историю города заглянуть, но, говорят, что при старом режиме, вроде бы называлась – Почтовой, да это не столь и важно, ибо к театру и кино, как сейчас, вряд ли название улицы имело отношение. Будь она какая-нибудь – если не Почтовая, то Станиславская или Николаево-Семеновская; хотя, если судить именно сейчас, по её внешнему виду, стареть

она, даже при новом режиме, вовсе не собиралась. Улица продолжала сохранять себя такой же молодой и опрятно зачуханной, как последняя паскудная шалава с помойки, как будто бы ей и время не в прок. Как и тогда, полтора-два и больше лет назад, с времён ещё Николая-первого, когда он вначале тот самый Севастополь англо-французам сдал, а до этого, на Сенатской площади, в

Петербурге, принялся вешать своих дворян-декабристов, как гирлянды на ёлку. Но это было тоже давно; и на сей день, всем поголовно «советикус-товарищам», почему-то казалось, что это было неправда... В то, что коммунизм завтра наступит: одна половина граждан в стране верила, как и во второе

пришествие Христа, верила остальная часть населения, а то, что царь кого-то там из дворян вешал, – такого, быть не может, то пропаганда... Пугачёвцев вешал – это давно всем известно, а вот своих дворян... – видимо, бряхня!..

С того дня, как Гендош, рассчитавшись за квартиру, с Макаровой-трактористкой, покинул окрестности зоопарка, прошло больше недели. Последние эти дни у него погрязли в тщетных поисках места для дальнейшего существования – на предмет, как выжить. Ещё в тот день, когда он покидал старушечье подворье, провонявшееся затхлостью всякой рухляди: проходя мимо зоо-

парка, он с грустью и с сожалением в душе смотрел сквозь металлические

прутья забора на звериную обитель, а в голове появилась шальная мысль, и в душе непреодолимое, тоскливое желание: подселиться, хотя бы на время к

этим тварям, в какую-нибудь клетку и обрести в-уголку покой, а заодно и калорийную пайку...

Но в это паскудное время и в эту самую тошнотворную минуту, Гендош, вымотанный и выжатый, казалось до бесчувствия, находился почти на грани кондрашки или готовым совершить очередную глупость, к примеру, бро-

ситься под трамвай. Вопреки всему, ноги, налитые свинцовой тяжестью, продолжали сами по себе нести его в непонятную даль городских кварталов. И всё-таки, машинально и интуитивно, шагал он в расположение того самого

блошиного рынка-толчка. Выйдя на угол улицы Станиславского и переулка Семашко, он остановился в растерянности... Переулок, на удивление, был

пуст. Один только ветер гулял, гоняя на столбах провода, как качели и кружа на асфальте бумажки и прочий мусор. Штормовая погода спугнула постоянных участников ранее беспре-

ребойного процесса торговли. Какая-то, лахудра – пьянь подзаборная: худая, как жердь саксаула, в драповом пальто с про-

жжённой полой, в резиновых галошах на босу ногу, прошкандыляла мимо, спросив закурить. У Гендоша в эту минуту сигарет не имелось, как и самого настроения: с кем-либо вести разговор. Последнее время, экономя деньги,

он почти не курил. Потому со злобой и ответил, словно отбрил, – что не курит и ей не советует. «Шаболда», – сказал он последнее слово ей в след, и думал, на этом расстался. Но не тут-то было. Бродяжка, остановившись, вернулась: раззявила свой неопрятный сморщенный рот, и, по всей видимости, он ещё был у неё и вонючий, к тому же – беззубый и почему-то чёрный. Она при этом

ещё его и скривила – это уродство, после чего прошамкала: «Благодарствую вас, сударь, – а уходя, добавила, – шобы ты, выродок, подавился от жадно-

сти!..». После чего через плечо на бок сплюнула жёлтый комок слизи, величиной в половину кулака, и волоча подошвами галош по асфальту, проследовала дальше...

И снова – ветер, безлюдье и безмолвие. Казалось – пустота в самой пустоте, а дальше и жизни-то нету!.. В ста метрах от угла, перегородив весь проезд, лежит тополь, ветром сломленный. Бродячие собаки, которым деваться некуда: иные просто сидят, скучая и подмостив под задницу хвост, в ожидании чего-то своего, по собачьим понятиям; другие, худые и бока все в коростах – с повисшими ушами, дрожа и прижавшись к стене у подъезда, замерли, но

продолжали с любопытством смотреть на одинокого пешехода-странника, застрявшего на самом углу, на сквозняке. Улица, как и сам переулок, поменявшие лишь названия, оставались пустынными и без всяких на то изменений, как в том далёком двадцатом году, когда на второй день Рождества Христова в Ростов вошли «красные». И точно вот также, обыватели-горожане, хорошо

помня прошлое посещение этих самых «красных» ещё в восемнадцатом, и которое может разве только в кошмарном сне кому-то присниться, мигом попрятались в своих домах и квартирах. Для многих частный дом, будто крепость, где быстро закрыли ставни на окнах, перепоясав их железными прогонами, а двери изнутри подпёрли столбом, а то и придвинули шкаф. Город-

ской обыватель замер, и затаив дыхание, прислушивался к каждому шороху и звуку на улице...

Удивительная вещь, но именно сейчас, Ивану Ильичу, невольно пришла в голову мысль: он вдруг вспомнил, что как раз на этом углу он пытался догнать тех двоих «шакалов-азеров», которые обманным путём увели у него дорогие часы, подарок от жены и тёщи в честь его сорокалетия. «А вон там, у тех ворот с рюшечками, стояла тогда та женщина...», – подумал он, и уже было дёрнулся, повернуться и уйти, когда неожиданно из-за угла вышли трое. После он скажет себе, – что на ловца и зверь бежит, или мистика по пятам за ним

бродит. А в эту самую минуту он стоял растерявшийся, одолеваемый мрачными мыслями и, как неприкаянный зомби. Впереди шёл Сидоров-Капуста, в шаге за ним шлёпал ступнями, как ластами, Хомяк-косопалый, а позади, боком к ветру, Клавдия семенила ногами. Если бы не стильно одетая женщина, среди этих двоих бродяг, Гендош бы, не придавая им значения, повернулся

бы и ушёл. Но, какая-то непонятная сила, что-то внутри у него, заставила задерживать на ней взгляд и приковать всё своё внимание. На её лицо ветром забросило мохеровый пышный шарф и потому Иван Ильич не признал её сразу. А она, подойдя ближе, вдруг остановилась, и смеясь через шарфик, спросила:

– Молодой и интересный мужчина, видимо заблудился, коль у него хватает терпения стоять здесь на ветру, при невыносимой погоде?.. Вы у меня проявляете уважение и большой преобладающей интерес, случаем не меня ли вы тут поджидаете?.. Личность ваша мне что-то

до боли знакома, а припомнить ни- как не могу... Хотя, давайте, не будем лукавить... и времени нету стоять на ветру... Сразу перейдём к деловому разговору... Лады?!..

Сопровождающая её свита замерла посреди улицы и с интересом, оцени- вающе, принялась разглядывать Гендоша, который не знал, что ей ответить – этой, судя по голосу, вроде бы очень знакомой женщине, но, как на грех, на сию минуту всё вылетело из головы. Наконец, она закинула край лохматого своего шарфа за спину, и тут только Геннадий узнал свою случайную знако- мую, но растерянно продолжал и дальше молчать... Исправляя неловкость

положения, Клавдия, уже сама проявляя инициативу, сделала попытку завя- зать-таки разговор. Продолжая лукаво глядеть в лицо Ивана Ильича, сказала:

– Кстати, мы тогда так и не познакомились с вами... Я ведь не ошибаюсь, и вы – тот пострадавший... У вас тогда ещё, как мне помнится, наручные часы кавказцы спёрли, или отняли... Поверьте, я бы тогда, быть может, и помогла вам в чём-то, но у меня на ту минуту своих бед хватало, того и гляди, могли мусора замести... Так что не обессудьте, гражданин, и без обиды... Лады?.. А зовут меня Клавдия Максимовна, если вас и фамилия моя интере- сует... – Си- роткина я. Прямо неудобно... Какая-то – куда ни кинь – а выходит я, и правда, одинока, как сирота, и только... Разве премудростей всяких достигнёшь?!.. Это не для нас. Мы люди малообразованны... И как я предполагаю, в отличие от вас... Вот только двое племяшей мне проходу не дают и словно хвосты за мною по пятам ходят: боятся, чтобы их тётю не уволок кто-то... Ну, к примеру, типа вас, неизвестный и не желающий почему-то назваться... И я вас умоляю, бросьте, смотреть на меня, будто я кастрюля с борщом или с мясом...

– Зовут меня Геннадием, Куцанков Геннадий, можно без отчеств и титулов всяких, а проще – Гендошем зовите, если, конечно, хотите; так меня на ро-

стовском бану чаще всего погоняют... и вам разрешаю... – сказал Иван Ильич и снова потупился, не зная, о чём говорить с ней дальше.

– Вы, Геннадий, с тех пор как-то осунулись и не очень сейчас опрятно выгля- дите. В тот раз ваш имидж не затасканным был и сильно отличался от преж- него... шкетом поганым, как сейчас, вроде бы не были... Что-то случилось?..

Пьянством страдать начали или схоронили кого-то?..

– Не угадали, мадам Сироткина... Я вообще-то редко пью... и хоронить мне, пожалуй, некого; один я... Как перст один на земле...

– Почему тогда вид такой, как будто тебя из бомжатника выпустили?..

– Так уж сложилось... Некуда бедному крестьянину податься...

– Ну, насчёт крестьян, ваша светлость... Куцанков – кажется, так вы сказали? хочу сразу вам возразить и объявить, без бледности на зубах и на теле... Не мне это вам говорить, потому и темнить вам не стоит... Вас, Геннадий, речь выдаёт – диалект. Вы городской и с образова- нием. У вас это со всех дыр выпя- чивает... Скорее всего, вы откуда-то из Москвы или Ленин- града, но не мест- ный. Я ещё в тот раз хотела, вернее собиралась, вам кое-что сказать по этому поводу, но право, не сложилось тогда... – впрочем, глядя сейчас на вас... —

была не была!.. Не пропадать же вам и дальше, и всё на том же месте!.. Я то- гда с вами как-то не совсем по-людски обошлась, и чтобы загладить вину пе- ред вами... В общем так. Вернуться прямо сейчас домой, я не смогу, имеются ещё неотложные дела в городе. Хотите, адрес свой дам и к вечеру подхо-

дите, хотите, пошли за компанию с нами, если располагаете временем...

– Чего, чего, а этого добра у меня через край... – Сказал Иван Ильич, испыты- вая в душе в эту минуту нахлынувшую волну блаженства и радости. И в это мгновение в душе его буйной благодати, Гендошу вдруг показалось и даже

будто бы померещилось, что там, где-то вдали, в просвете переулка, в дымке тумана над Доном, которого в ветряную погоду никогда не бывает, что-то

происходит мистическое. На самом же деле – это была какая-то пелена на глазах, но ему почудилось, что его жизнь, Побрякушкина, жизнь бывшего директора крупной текстильной фабрики сделав замысловатую петлю, совершила новый восходящий виток к светлому и счастливому бытию челове-

скому. И дальше... – дальше ему уже не придётся прозябать в подворотнях, прячась в подъездах, дрожать, как в осеннюю, так и в зимнюю пору по свал-

кам – «грачам», а при затянувшемся холоде и ненастье, долгими и мерзкими ночами зябко стучать зубами, сидя в какой-нибудь норе, в крошечной темноте... В эту минуту голос Клавдии вывел его из раздумий.

– Ну вот и прекрасно... Мальчики!.. – повернувшись лицом к «племяшам», позвала она бестолковых своих слуг, будто своих непослушных детей, – берите в свою мужскую компанию – вот, Геннадия, и для вас он с этого часа будет – дядя Гена, уразумели, негодники?!.. Двое хорошо, а трое всё-таки

лучше. Бог троицу любит. Не так ли?!.. Кто не согласен, сегодня спать будет на голодный желудок...

– А где он спать у нас будет?.. лишнего места у нас нету, а под кроватью он не захочет, а?.. – спросил усмехаясь, по хамски, Хомяк-Сундуков.

– На толчке, в туалете, – с ехидством поддержал, подсказал Капуста, и закатив глаза, как ненормальный заржал.

– А ну прекратили, паясничать и падать в припадки, придурки!.. – а то я вам блокадный Ленинград сегодня устрою и самим под кроватью придётся вам ночь коротать, что, как я и предполагаю, так и случится.

Сказала Клавдия и взяв Гендоша под руку, и уже обращаясь к нему, подвела итог разговора:

– Не обращайтесь, Геннадий, на них внимания, что с недоделанных дураков взять... Притом конченные. Не внушают они у меня доверия, а в чердаке у каждого дыра, как прорубь на речке, нога провалится... И что с ними прикажете делать?.. В голове кроме глупостей всяких, одна солома... Забурели, шмаровозы. Разгонять давно пора... В ближайшие дни на Ростсельмаш определю работать, вот там, в «Бухенвальде», уже не пожируют...

Сделав длинную паузу, Клавдия обернувшись, из-за плеча глянула на своё сопровождение и крикнула:

– Эй, бестолочи, не забывайте по пути в урны заглядывать, тары дома кот наплакал... И потопали уже быстрее, время не ждёт...

Покрепче взяв под руку Геннадия, Клавдия уверенным шагом пошла против ветра, а вся компания двинулась следом. В тот день – нашего «чувака» – изгнанника и короля трикотажа, Гендоша: судьба-злодейка, будто бы слу-

чайню, прибив его к берегу до этой компании – как это иногда случается, когда бездомный кобель прибивается к бродячей сучьей свадьбе – и в течении всего дня он будет следовать у них по пятам, а по пути его покормят беяшами, и в кафетерии попоют несколько раз горячим кофе... Он же тем временем будет тщательно присматриваться, к поведению этих троих непонятных для него людей. И лишь только к вечеру Геннадий сделал для себя конкретный логический вывод, от которого на душе легче не стало, а даже – вопреки утреннему, в духовном плане – возвышенному настроению и ожиданию: мерзко и гадостно, словно на душу выльют ушат грязных помоев. То, что эти двое, с первого взгляда пустообрёхи и шалопаи и оба явно относятся к шущере, в этом вопросе не стоило ему ломать себе голову, но со стороны слушающих их грязные и откровенные разговоры меж собой, когда Клавдия, покинув их, уходила куда-то в очередное на их пути здание, Гендош, вдруг сделал для себя ещё одно немаловажное и сногшибательное открытие. Как он стал понимать, что никакие они ей не племянники и даже зазной Клавдия для них

не является, а всё довольно банально и до неприличия грязно: оба спят с нею, – по-скотски! И ко всему этому – сразу вдвоём. От такого открытия, Ген-надия тошнило, и он хотел сразу плюнуть и уйти, но немного подумав, решил повременить: «А вдруг я ошибаюсь, – мысленно сказал он себе, – и совсем не так обстоит всё на самом деле... Мало ли что этим, придуркам, взбредёт в голову болтать про неё. Может быть, всё то, о чём они языком мололи – их мечты. Или было рассчитано лишь на меня, чтобы меня отшить от Клавдии. Хотя, одиноко, ещё в самом начале сказал, что спать всем негде... Значит, из этого выходит... Да и куда мне идти?!.. Снова, к старухе проситься?!.. Или к

Бове Харитону на кладбище, могилы копать... Куда мне дёргаться, когда зима на носу?!..».

Вернувшись под вечер на улицу Седова, когда солнце было ещё высоко, в квартиру вошли уставшие и у каждого по две авоськи в руках. В одних авоськах лежали продукты и выпивка, в остальных – пустые бутылки из-под водки. Квартирка тесноватая, а ранее, вероятно, входила в число коммунальной. Потом переделали, отгородив туалет с душевой и миниатюрную кухню.

Прямо у входной двери, стоял – то ли топчанчик, то ли кушетка: ребёнку лишь на нём спать, но скорее всего переделанный старый диван. У стенки под персидским ковром стоит широкая деревянная кровать: достопримечательность всей этой квартиры. Кровать застелена нарядным из атласа покрывалом, а на ней горка подушек в накидках. Посреди комнаты круглый стол и рядом

трюмо с тремя зеркалами, за которым расположился, впритык к кровати, двух-дверный шкаф для одежды. Несколько стульев и телевизор на тумбочке, а на полу, рядом с ним, радиолы с проигрывателем и стопка пластинок. Вот и вся обстановка. На кухне, сквозь занавеску, виднелись на полу только пустые бутылки и угол кухонного стола. Рядом слышалось сопенье Капусты, а у порога возня с ботинком косолапого Хомяка.

– Хомяк!.. – крикнула Клава, снимая с себя верхнюю одежду, – чтобы ты

своим языком не блудил, тебе... да, пожалуй, и твоему другу, сегодня спать

под кроватью, как и договаривались ещё там, у базара... Будешь права качать и выступать не по делу, голодным оставлю, или на площадку в подъезд ночью вас отправлю... Тебя первого вышвырну... – как паршивого кота, так и

знай, недошлёпа!.. Потому, подлая твоя ненасытная утроба, быстро на кухню и всю тару заполнить на завтра и на вечер... Скоро стемнеет, попрут ходоки... Сидоркин!.. твою дивизию мать!.. давай, садись чистить картошку... Я, к вашему сведению, уже с ног валюсь!.. Точно, раньше времени в гроб меня уложите, потому тёте хотя бы чуть-чуть надо полежать... Гость наш тоже

устал... Раздевайся, Геннадий, на них не смотри, думай, что их здесь нету... От этих слов, произнесённых Клавой – насчёт кровати – в мыслях у Гендоша

вновь возникло подозрение: «Здесь что-то не так! – подумал он. – Неспроста она сказала, что Хомяку и его другу спать под кроватью, проговорилась!..». В эти минуты, по необъяснимой причине, его почему-то неумолимо и с садистской жесткостью пытки, душу истязая, всецело тянуло к этой сладкой женщине. И в то же время, она, являясь для него, как бы и никто: не давала повода и право излить эти чувства. Но, вопреки этому: у Ивана Ильича, всё

больше возникало и полыхало в душе та проклятая ревность и злость. Хоть пойдись и удавись в пролёте лестничного марша!.. В душе и мыслях полыхало желание, выбросить этих двоих, подонков-мерзавцев, с лестницы – да вниз головой! потом вернувшись в квартиру, набить – эту красивую мордашку са-

мой Клаве, а после затащить её в постель, раздеть до гола и надругаться над ней и собой до потери своего и её сознания, как, вероятно, надругались над нею, видимо, каждую ночь, эти два, ханурика-засранца!..

Пошлые, воинственные и в то же время скорбные мысли Гендоша были прерваны, протарахтевшим, как будильник, звонком у двери. Капуста-Жорик, до этого усевшись на пороге кухни, чтобы с этой позиции за всеми наблю- дать, заканчивал чистить картошку, а Хомяк в это время позванивал на кухне бутылками, разливая горячий «нектар» для реализации. В квартире царила атмосфера безмятежного бытия, и лишь лёгкие колебания воздуха под потолком, будто начадили под куполом церкви ладаном. В помещении стоял спиртной дух, и это лишь нарушало гармонию семейного бытия, но предре- кало скорую выпивку, под жаренную на сале и колбасе картошку.

– Что-то рановато первого клиента принесло...

Недовольно сказала Клавдия, продолжая лежать на кровати, подложив под голову руки. Задумчиво глядя в потолок, после паузы, продолжила:

– Жоржик, будь умницей, пойди и впусти, страждущего лыцаря-доходягу. Капу- ста-Сидоркин, со словами: «Не дадут за целый день, пидары-дятлы,

нормально еду приготовить и спокойно пожрать!..», со злостью бросил нож в кастрюлю с начищенной уже картошкой, и направился открывать дверь.

На пороге возник, с гримасой дебила на роже – зек – из соседнего дома, второго подъезда, о котором ещё утром вели разговор. Тюремная личность, подселившаяся недавно у Маруси, у дамки-брюхатой и её сожителя, а заодно и собутыльника полоумного Бациллы-шприца, какой-то ранее неожиданно-

стью для проживающих граждан не являлась. Сюда всегда ветром удачи надувало подобных типов часто и густо, и, этот, новенький, ничем, заслужи- вающим внимания, не выделялся. От порога глядело, этакое мурло-мурлом, и, кажется, сразу на всех, но больше косил глазом в сторону лежащей на кро- вати Клавы. Харя, напоминающая клино- видную мордочку суслика, а скорее всего огромную дулю. Ладно бы – на роже присутствует лишь только гримаса вырождения, а то ведь и признаки идиотизма, на фоне острейшего слабо- умия: и всё это даже несведущему человеку невооружённым глазом видать. И даже Клаве, с кровати, где она лежит, и без всяких на то напряжений, ду- мает, чёрт знает о чём, но ско- рее всего, как она будет сегодня спать сразу с троими. А если ещё и судить, глядя на зека, на его перекошенный рот с пеной в уголках синих губ – на мысль приходило, что уголовный тип явно находится на грани бешенства, как у собак в летнюю и жаркую пору. У самого носа, на щеке, бородавка торчит, словно гриб навозник; крысиные глазки, сведённые к узкой пере- носице почти что до кучи. И этот брак самой природы, глядел

сейчас на всех так, будто сию минуту, попросив извинения, незванный гость

побежит опорожняться до-ветру. Рожа-то, рожа!.. Давно не бритая и вся в ка- ких-то проплешинах, словно по всей его морде черти огород неумело пахали; или долго гулял и про- цветал стригущий лишай; или ещё хуже, когда ранней весной неожиданно морозом побьёт уже вылезшую из земли картофельную ботву и она превратилась в проплешины. Рот полуоткрыт и находится в

преддверии улыбки, правда, умалишённого. Если бы пред вами предстал

этот душевнобольной тип, вы бы ночи потом не спали. На нижней челюсти, во рту, две металлические фиксы торчат, словно клыки: мутные, железные фиксы и, вероятно, ни разу так и не чистились с того знаменательного дня, ко- гда их внедрили в эту перекошенную пасть; и случилось это, где-то ещё в рас- положении «зоны», на Каменке. Вопреки ожиданиям, на гла- зах присутствую- щих, нарисовалась та порода уголовника, с явными и отчётливыми призна- ками человеческого вырождения, а то, может быть, и бешенства, каких требу- ется пожизненно держать за кирпичным забором. Такие, типяры, на «зоне» являются самыми опасными для

окружающих, имеется в виду – для нормальных зеков, с мозгами. Прежде всего – эти недоноски – они, по своей природе немощны во всех отношениях и без исключения; из-за этого мстительны, коварны и злы. Сильный никогда слабого не обидит, а вот подобные субъекты, в любую секунду – ни с того, ни с чего – просто за нечаянно брошенное кем-то

слово: он может пырнуть в темноте и даже в строю, или к примеру, в столовой, заточкой под рёбра, а то и под лопатку, метя прямо под сердце. О таких говорят, – отморозенный не только на всю голову, но и на всю жопу. Минуты

три или четыре, этот экземпляр, недоразвитый суслик, под именем – «зек» и под неизвестной пока ещё кличкой, тем более, что интересоваться этим, желающих пока не находилось, стоял у порога и всё продолжал разглядывать комнату и самих жильцов. Затем он чахоточно в кулак откашлялся и этак ехидно – с явным и отчётливым презрением ко всем – перекосив свой слюнявый и неопрятный рот, с тонкими полосками растрескавшихся губ, с сарказмом, протягивал, будто дворовая собака:

– Привет честной, бластной компании!.. барыги и спекулянты богатяновские!.. Шо-то вас тут натолкали, будто в отстойник... в буре и то посвобод-

ней... И по чём сёдни у вас пойло?.. Держу мазу, и зырить долго мне за-подло и так правильные понятия имею, шо не ждали вы меня, босяки вы богатяновские... Ну, ничаво, щас разберёмся... Бацилла-шприц, базарил, что живёте вы тут, как сыр в масле катаетесь...

– Ты, гнида зековская, заходя, вначале разрешения спрашивай!.. – прерывая разглагольствования зека, прокричала Клавдия и продолжая лежать на кровати, – а не предьяву кидай, недоносок вонючий!.. Не вздумай ещё мне полы тут затоптать!.. Это – Богатяновка тебе, а не Каменка, где ты сидел на параше, иначе мордой твоей пол вытирать буду! У нас разуваяются, входя в храм веселья, а заодно и для кого-то – печали... тебе, например...

– Чё за базар, шмара вокзальная?!.. Ты, соска, лежи, где лежишь, пока я сверху на тебя не уместился и не отдрючил тебя, как шконку на зоне за червонец годов... Чё-то в тему не въеду, а, хмыри?!.. Чё за базар гнилой, в натуре?!.. Чё у вас тут за расклад и, какая-то баба ещё и синьку гонит?!.. В общем, будет ничтяк, если добазаримся... Прослышал, непонятной водярой вы тут торгуете...

Тем временем Клавдия уже повернулась на бок, подперев рукой голову и глядя на непрощенного гостя, прервав его возмущения, выпалила:

– Ты, ханыга-шпана, не строй тут из себя святого Луку!.. тем более автори-тета. Не бывал ты, видимо, ещё в настоящих ежовых рукавицах, придётся тебе их устроить. Чего ты, гнида, припёрся, спрашивается? Чего тебе надо от нас?! Геморрой подлечить?.. Так это в два счёта... Щас спущусь на низ, схожу до телефонной будки, звякну, куда надо... И снова: нас утро встречает рассветом... не спит уже наша страна... На Каменке, дебил, встречать утро будешь!.. Или, если повезёт, на Кировском, в карцере, на бетонном полу... Усёк, шакал?!.. Пойдёшь, по статье за грабёж, сука! Вон, свидетелей сколько!.. мамой клянусь!.. Так что лучше выйди и закрой дверь с обратной стороны...

– А я понты и не кидал, надёжу в душе всё таил, что добазаримся мы... Не уж-то всего пару пузырей водяры бедному зеку, откинулся токо, а вы пожалели... эх вы-ы! не обеднели бы...

– По человечески надо было начинать, а не так, как ты... Вот за это, хам, теперь свой конец соси, если дотянешься, чего мы тебе от души и желаем, и проваливай нахрен!.. – сказала Клава с усмешкой и приклацнула языком.

– Чево?!.. ты чё это, шалава казённая, понты гонишь и мусоров сюда ещё приплела, будто я на стрёме стою у тебя, а ты собрав в хате шобло, шнырей этих, права решила качать... Да век мне свободы не видать и падлой буду!.. напишу, суки!..

Поняв, что планы его срываются, зек решил пойти ва-банк. Раскинув руки веером: на левой растопырив лишь пальцы, а в правой блеснуло короткое лезвие финки; голову, как

гусак, выпер вперёд, ноги полусогнуты в коленях, медленным шагом двинулся в сторону кровати. Иван Ильич сидел на кушетке у самого входа, и сейчас он метался в душе, глазами отыскивая поблизости предмет: что ему поскорее взять в руки. Но, как на грех, кроме в углу совка и веника под рукой не было даже табуретки. В эту минуту из кухни, зайдя зеку со спины, вышел Хомяк-Сундуков с двумя бутылками в руках, держа их за горлышки, наполненные водкой. Подняв над головой уголовника бутылки, и как когда-то мешком с голышом саданул он в витринное окно магазина, сей- час со словами: «Ах ты, собака!.. я тебе покажу, как наезжать и оскорблять нашу тётю Клаву!..» – одновременно шарахнул по темени зека бутылками сзади. «Рэкетир» – с копыток, а бутылки – вдребезги. Распластался зек на полу, лежит раскинув руки, в одной из которых зажат нож, а Хомяк стоит и улыбается. Сидоров-Капуста подбежал к кастрюле с картошкой и выхватил нож. Клава крикнула, подумав, что тот решил зека дорезать:

– А ну угомонись!.. не хватало мне ещё тут кровищи, вон и так с головы у него течёт!..

Она уже стояла над зеком, думая, что с ним делать дальше, а Капуста ска- зал:

– Тётя Клава, я вовсе не резать его собрался... Надо бельевую верёвку на кухне обрезать и его крепко связать, пока этот волчара не очухался...

– Связывайте. На всякий случай вяжите покрепче, а если лапти откинёт, вы- бросим, как мусор – в окно, вниз головой, а после скажем, что так оно и

было... Сам выпал... Параличный!.. потому и выпал... По-пьяне выпал, неиз- вестно с какого окна, а может, на крышу залез... Засуньте ему в горло бутылку и водку залейте... Если захлебнётся – туда ему и дорога, собаке и собачья

смерть... Да... карманы у него проверьте, а то не ровен час, успел какую-ни- будь нашу вещицу спереть, а это против нас будет улика...

Вскоре зек со связанными руками и ногами лежал уже посреди комнаты, почти под столом, и тяжело с прихлёбом сопел. Изо-рта, когда он икал, вместе с пеной и водкой сочилась тягучая струйка. Клава присела на присядки, раз- двинув у «пленника» на голове жиденькие волоса, стала рассматривать рану, сказав успокаивающе:

– Кепка спасла, на толстой подбивке, в рубашке, гад, родился!.. Хотя бы уже своей блевотиной захлебнулся...

Взяв в руки кепку, которая рядом лежала и повертев её в руках, Клава швырнула её пострадавшему прямо на грудь, будто уже покойнику, после чего, оценивая, сказала:

– Добротная кепка, и работа тюремная... Там халтуру не гонят... Эту, воню- чую падаль, не то, что убить, его не добьёшь! Голова, как черепаший пан-

цирь, только одни царапины... Нормальный человек бывает на гололёде по- скользнулся, упал, и убился, а такую нечисть, и на том свете не принимают!..

– А, может, пойти и с трубы волюну достать, и шлёпнуть его, гада?.. – спро- сил на полном серьёзе Юра Хомяк, – а то, если до Дона тянуть, то не близко; и орать будет, если очнётся... Там у них во втором подъезде я видел детская

бесхозная коляска стоит. На ней старуха, что недавно подохла, всё по свалкам ездила и всякую хрень к себе свозила. Шлёпнем с волюны, падлу такую – туда ему и дорога... Можно прямо в глаз, а дырку тряпкой заткнём, чтобы мозги на дорогу не капали... Погрузим в коляску, он небольшой... Потом я его выкачу на Кировский, и я его так с Богатынковского спуска катну, прямо с бугра в сто- рону Дона, что он на середине речки у меня из коляски выпорхнет, даже буи перескочит. И дело, считай, просрал этот, гондон, как в буру проиграл... Пусть его рыбы и раки в Дону доедают... О!.. идея пришла! Шас... одну минутку...

подождите пока...

Торопливо сказал Хомяк-Сундуков, засуетился, и, не одевшись, выскочил из квартиры. Прошло чуть более пяти минут. Заходит Хомяк и впереди себя за- таскивает цинковое корыто, в котором хозяйки обычно стирают, а в тех квар- тирах которые ещё старой постройки, подобие

коммуналок, где до сих пор отсутствует душевая и ванная комната, в таких корытах жильцам приходилось купаться.

– Зачем ты его притянул? Покойника собрался купать, так, что ли? Так он же ещё вроде бы живой. Или ещё что-то придумал?!.. – спросила Клава.

– Как зачем?.. пригодится. На детской коляске его отсюда не спустишь, ко- лёса там болтаются, я раньше ещё видел. Мы его – этого урку, вначале в ко- рыто положим и в нём на низ спускать будем. На себе я его не понесу!.. у меня ноги калечные и блевать от него, мне охота!.. Капуста – он косоглазый, может мимо ступеньки промазать, а в корыте удобно; спустим, как на салазках, только бы в двери попасть. А дальше, на улице, видно уже будет: или в коляске на Богатынский спуск покачу, или можно его и в канализационный люк вниз головой опустить... Или давайте его под порог соседям подбросим... А если с квартиры прямо на улицу, то вначале тогда, надо его в окно на верёвке спустить, привязав урку за шею...

– Сообразительный, я смотрю... И где ты только этому научился!.. Ты тут столько вариантов выложил, как будто и впрямь участие в подобном не раз принимал... – сказала Клавдия и задумалась.

В эту минуту послышался стон, и зек, открыв закисшие глаза и уставившись на Ивана Ильича, вероятно, принялся слушать, что и о чём говорят в комнате. Клава заметив, что «жертва оборта» – выражение Клавы – пришла уже в себя, стала подыгрывать, затеянной Хомяком теме.

– Нет... стрелять, всё-таки... людей пугать... – пожалуй, не будем, – сказала

Клавдия спокойным рассудительным тоном, делая в своей речи упор, на постановку дальнейших действий по отношению к жертве.

– Дождёмся, когда совсем ночь наступит, схожу на угол и с автомата позвоню, чтобы срочно прислали нам машину... На свиноферму, Военвед, его отправим... Свиным кормим; с косточками похрумают, что даже следа не останется, и польза хоть какая-то будет...

Зек тем временем продолжал лежать и думать, как бы ему улизнуть отсюда восвояси. Но как улизнёшь, если спутан по рукам и ногам от пяток до самых ушей. Услышав из уст хозяйки последние её устрашающие слова: заключительный приговор его персоне, вначале поёрзал задницей по полу, сказал для приличия пару раз – ой!.. и принялся скундявить:

– Говорил мне Бацилла-шприц, – не ходи без меня, прибьют!.. Не послушался, идиот!.. Решил, сам справлюсь... Вот и результат на лицо, хоть в кино снимай...

Сделав длинную паузу, крикнул:

– Развяжите, суки, волей клянусь! иначе головой буду об пол биться, кровью сойду, а вам зона светит...

– Бейся!.. Чем быстрее лапти отбросишь, тем меньше нам голову ломать, как тебя прикончить, – сказала Клава и подойдя, со всего маха пнула ногой

зека в рёбра, приговаривая:

– Это тебе, пидар бацильный, за шалаву и соску!..

– Не надо меня бить и свиным кормить, я больше к вам не приду, отпустите меня, – жалобно заныл, не состоявшийся «экспроприатор».

– Лежи, гад, и не гавкай под руку!.. Участь твою будем ещё решать, а то разнесёшь, как поганая старуха, на весь квартал, вонючка ты ходячая, а нам потом выправляйся... Ментов на хвосте приволокёшь... Нет, всё-таки лучше тебя свиным кормить, жирнее будут...

– Допрыгался, волчара позорный!.. – ядовито сказал Сидоров-Капуста, – хряки тебя враз в базу, как тряпку на лоскуты порвут! Хана тебе, фраерок, настала, хана... уже даже Шприц твой, Бацилла, не поможет.

– Прямо жуть какая-то сейчас у нас в квартире происходит, – сказала Клава, закуривая папиросу и усаживаясь на кушетку рядом с Иваном Ильичом, – что

о нас гость может подумать, а он подумает, – куда я попал?! в вертеп каких-то убийц, садистов и людоедов... Разве не так, Геннадий?..

– Вы, знаете... Извините меня, но я не хочу обсуждать эту тему, мне, вероятней всего, лучше уйти, ибо, как я предполагаю и делаю вывод из всего этого, что скоро здесь и милиция появится, а я бы не желал с ними встречаться...

– Ну, на этот счёт не только у вас подобное желание, нам они тоже как-бы, ни к чему... – сказала Клавдия, стряхивая с папиросы щелчком ногтя пепел на пол, и помолчав, уже упавшим голосом, с раздражением, дополнила:

– Не могём задерживать, ваше сиятельство... А я-то вначале обрадовалась, дура!.. Подумала, подругой жизни, вашей светлости, да вдруг и подойду... А, оно вишь, как складывается?!.. Всё, да норовит тебе, не сколько поперёд дороги, сколько поперёк горла встать, всё сикись да на-кись! Всё, как не у добрых людей!.. А этих, пустобрёхов, моих племяшей... да стоит ли обращать на них внимания... – хотя, как я уже думаю, оно вам уже и без надобности... По- чеишт языки, шалопай, да на той жопе и сядут... А этого, засосанного и чахо-

точного, строящего тут из себя уголовного авторитета, а попросту он – тварь! – отпустим. Пусть чешет, куда хочет... как, впрочем, и вы, Гендош?.. так кажись, вы говорили, кличут вас на ростовском бану?..

Договорив последние слова гнева, уже с признаками в голосе слёз, она, вдруг умолкнув, отвернулась к стене и принялась плакать. Глядела на то са- мое место, где стояла та самая широкая кровать, причина несчастий и страданий в душе Ивана Ильича, на данный этап его жизни. Он не стал её успокаивать, ибо это означало и грозило ему втянуться в новый виток разговора, а по-

сле и остаться, чего он крайне уже не желал; хотя его и тянуло к этой женщине, но не зная и не предвидя дальнейших последствий, решил, уйти. Оставаться в этих стенах, равносильно было тому, что наплевать себе в душу. Поэтому, не теряя ни минуты, Иван Ильич поднялся с кушетки, застегнулся на все пуговицы, на так и не снятом в этот вечер пальто; надел головной убор – свою незаменимую фетровую шляпу – закинул лямку рюкзака на плечо и направился, молча, к двери...

Над Ростовом полыхал закат, предвещая на завтра такую же ветреную погоду. С высоты Богатынского спуска в ярких всполохах вечерней зари хорошо смотрелась вся западная часть города, где вдали вздымался за Темерничкой бугор – «Стачки», на котором в поднебесье взметнулась телевышка, мерцающая уже зажжёнными огоньками. Иван Ильич стоял на тротуаре и долго ещё любовался на небе панорамой причудливого и фантастического пейзажа, изобразить который не смог бы и талантливый художник, а когда закат уже превратился в узкую полоску, он, тяжело вздохнув, неторопливо побрёл по пологому спуску в ту же сторону. Идя уже по ночному городу, откуда весь день дул сильный ветер, а в это вечернее время он уже стих, Гендош, спотыкаясь в потёмках, душевно сам с собой разговаривал: «Вот, оказывается, какие сюрпризы может преподнести наша жизнь... да прямо тебя об землю сопаткой! А я, дурак, столько о ней думал, страдал, не спя ночами; пытался её

искать, после той первой встречи... Жаль... и пожрать на халяву – и то не удалось... и спать снова придётся на трубе с горячей водой... Говорят, что дорога в ад вымощена благими намерениями. Впрочем... – наверное, это как раз про меня и меня касается... У меня они – эти, благие, точно уж были... Такова диалектика жизни, Гендош!.. Правда, жизни ничтожной!.. По крайней мере на сегодняшний день и на ближайшее будущее... А вот лично для тебя – это уже точно... И всё-таки, она – эта Клава, подлая дрянь и сучка!.. Спать с этими панами?!..

искать, после той первой встречи... Жаль... и пожрать на халяву – и то не удалось... и спать снова придётся на трубе с горячей водой... Говорят, что дорога в ад вымощена благими намерениями. Впрочем... – наверное, это как раз про меня и меня касается... У меня они – эти, благие, точно уж были... Такова диалектика жизни, Гендош!.. Правда, жизни ничтожной!.. По крайней мере на сегодняшний день и на ближайшее будущее... А вот лично для тебя – это уже точно... И всё-таки, она – эта Клава, подлая дрянь и сучка!.. Спать с этими панами?!..

Мерзко и грязно!.. Могла бы себе и мужика-то найти... Да хотя бы и меня... Но, сейчас, после всего... Нет – увольте, господа-товарищи!.. Как-ни- будь без меня... Потёмки, потёмки, суета из сует, а там и край могилы видать, как говаривал Бова-Харитон: и канул ты в бездну, землёю присыпанный...».

Над городом, после штормового дня, стоял тихий святой вечер. На соседней улице Станиславского будильником трезвонили трамваи, клацая и скрегоча колёсами на стрелках. Отчётливо слышались голоса и смех молодых влюблённых парочек во дворах и подъездах, а в очередном тёмном дворе, мимо которого проходил Геннадий, в подворотне мяукали и дрались коты,

один из которых, проскакивая у Гендоша под ногами, вдруг зашипел, оборачиваясь и принимая боевую стойку от погони. И в эту минуту, кто-то, в том самом дворе, матерясь и разъярившись, бросил пустое ведро, которое покотившись по неровностям булыжного покрытия, долго тарыхтело, а кошачий концерт от этого сразу утих...

Иван Ильич, продолжая свой путь в неизвестность, прикидывал в уме, – что до Пригородного вокзала ему ещё топтать и топтать. Там в расположении нефтеперегонного завода имелась берлога, где его ждёт горячая и даже

слишком горячая труба большого диаметра, по которой гонят кипяток, а может быть, пар. «Не исключено, – подумал он, – пока дошкандыляю, то и тесниться придётся, подвигая собратьев, таких же как я...». Впереди всё та же неизвестность, безнадёга и позор унижений, грязь и полуголодное существование...

Прошло три дня с описанных нами событий. В доме на улице Седова, не смотря на все предыдущие неурядицы, жизнь продолжалась своим чередом, как и во всей Богатынвке, будто бы снова войдя в свою привычную колею.

По-прежнему процветала торговля разведённым – с точностью до сорока двух градусов – не очищенным, а может быть, и техническим спиртом. Хомяк и Капуста с того дня стали спать по очереди на кушетке, а один на полу. Клава их к себе уже не подпускала: страдая в душе и тоскуя по Гендошу. Что-то уж

больно ей в душу он влез: удержать не хватило ума и вырвать из души никак не могла. «Племяши» глядели на неё прожорливым взглядом, ходили напыжинные, а работали, спустя рукава. Юра-хомяк, как самый неудовлетворённый, всё время грозился, что уедут снова в Азов, на свою малую родину.

Днём Клавдия отмалчивалась, а вечером отmaterив обоих, вкривь и вкось, уклавшись на кровать лицом к стенке, долго всхлипывала, а то и рыдала, пока и раздолбаи не уснут у порога квартиры. И как на грех, в соседнем доме, в квартире под номером тринадцать – чёртова дюжина – на целый квартал разразился скандал, где несколько дней тому назад корыто пропало. И только

сейчас, хозяйева тринадцатой квартиры, собравшись помыться, вдруг обнаружили пропажу. По этому скорбному случаю срочно состоялось расширенное разбирательство всех жильцов дома, с привлечением управдома и со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Ситуация в соседнем доме, в квартире №-13 повторилась, как это случилось и у Клавы, когда к ним тот зек безымянный ворвался. Мало того, что ненормальным он был, так ещё к тому же и уголовно-чахоточная тварь, прямо

тюремная и неистребимая гнида! Вот и сейчас, подобно тому случаю: в квартире под номером тринадцать, вломилась пронырливая и этакая щупленькая тля, но уже из категории всякой пьяни-рвани: дружок и сосед по подъезду, квартирного хозяина Василь Палыча и его жены Марии Андроновны, у которых то самое корыто пропало. Дружок и сосед по подъезду был под именем

– Михай, который являлся интеллигентно-пролетарской личностью, но, разумеется, было это уже в его далёком прошлом, а в настоящее время был он давно уже пропащим забул-

дыгой, от каких свет, навидавшись, отворачивал морду. Однако удивительно было то, что, оказывается, воровать, – боже

упаси!.. Лучше он сходит принарядившись в лохмотья на Старый базар, на воскресную службу, до храма, и постояв там на паперти, наскребёт пожертво- вание – за ради Христа, – а потом напрямиком в парк имени Горького, в район

пивзавода, в пивнушку...

– Большое вам здравье!.. и привет вам, богатынским вора и тунеяд- цам!.. снимаю шляпу, и решительно заявляю, принимайте гостя!.. – вломив- шись в неза- пертую дверь, прокричал Михай, почти, как ненормальный, а мо- жет, полоумный.

– Будь ты неладен!.. Напугал. Думала, уже опять в квартиру воры к нам ле- зут. Пере- лякал ты нас, Михай, что даже душа моя расставаясь было с телом: затрепыхалась, как пау- тина на ветру!.. Не разыгрывай, шут ты гороховый, ко- медию!.. Где ты тут, алкаш недобитый, видишь воров, если нас самих обо- крали?! – прокричала недовольно в ответ, перекрестившись и стоя на пороге кухни хозяйка квартиры Мария Андроновна.

– Простите, Машенька, я бесконечно, пожизненно и, видимо, уже безна- дёжно в вас влюблён... И вот уже пятый год и две недели доказываю вашему мужу, что это так и есть на самом деле, а он, представляете, не верит!.. Фома неверующий! Не верит и говорит, что вы ему никогда и ни разу за всю жизнь не изменяли...

– Ох!.. Оставьте вы свою затасканную, как половая тряпка, тему! Сейчас нам не до неё, ибо, как выяснилось сегодня утром, нас-то обокрали!.. Творец, не может смотреть на всё это безобразиие и беззаконие сквозь растопыренные пальцы... – а вам в глазах всё мерещатся какие- то измены!..

– И что у вас пропало, хочу я у вас спросить?.. жемчуга или и золотишко имелось?..

– Дурак!.. какое золото?!.. откуда оно может у нас взяться, когда его боль- шевики ещё в двадцатом под метёлку со всего города повыскребли, даже под ногтями ни у кого не застряло, а после попрятали в своих загашниках и

подземельях!.. Но, говорят, что большую его часть за кордон отправили, со- вершать мировую революцию... А у нас тем временем корыто украли!..

– Корыто?!..

– Да, да!.. корыто!.. не кастрюлю же с борщом... В следующий раз и ка- стрюлю сопрут, а там, гляди, и до меня очередь дойдёт... Хотя, стой!.. вряд ли, я вспом- нила сколько мне уже лет, а в эту пору таких уже не воруют...

В эту минуту из комнаты вышел муж хозяйки, Василь Палыч; натягивая очки на нос и закрепляя их резинками за ушами, поглядев на жену и почему-то не замечая гостя, сказал:

– Машенька, что за сарказм прослеживается в твоей речи?.. и так, ду- шенька, просле- живается, что я даже проснулся, испугавшись... подумал, что

опять ты с домоуправом скандалишь. И, скажи на милость, кому адресованы все эти твои упрёки?..

– Ты, Василь, как с дуба будто упал, и уже, видимо, про корыто забыл, по- тому как не стал отличать и часто путать сарказм с оргазмом, и это для тебя может плохо кончиться... Одна девица, ещё в мою былую молодость, перепу- тала член... И с чем бы ты думал?.. С членом правительства... или суда, народ- ного, кажется... Но это не столь важно... И знаешь, чем это для неё закончи- лось?.. Десятью годами лагерей!.. Можешь себе представить?.. – отстегнули, как выдали зарплату за месяц... Приговор зачитали, не посмотрев даже ей в глаза и не поинте- ресовавшись, куда её девственность делась, а про возраст и не думали спрашивать, а ей, потом говорили, только на днях исполнилось... – кажется, восемнадцать... Девственность потеряла, а десять лет лагерей в по- дарок взяла, и всего лишь за то, что не знала, что тот член, который у неё вы- потрошил девственность и её засудил, как раз тем членом и был... Выписали ей бед- ненькой путёвку в жизнь и поехала она под Магадан руду добывать.

Да что тебе рассказывать, бестолочи, всё равно, смотрю, что барану про но- вые ворота!..

Марья Андроновна махнув рукой удалилась. Василь Палыч, из-под лоба по- глядев на Михея, который всё продолжал стоять у порога, в ожидании при- глашения, сказал:

– И ты уже, смотрю, здесь!.. явился не запылился, как приведение... Без тебя ни один разговор не состоится, даже с собственной женой не могу наедине поговорить... Здраваться и лобызаться с вами, Михей Поликарпо- вич, не буду, не до этого шас... Слышал?!.. У меня не сѣдни, так завтра, от всего этого удар может случиться; а кровь, как раньше это делали, пускать не- кому, хоть плач. Того и гляди, помирать придѣтся... Вы, Михей Поликарпович,

если что-либо со мною случится, не оставляйте Машеньку одну... И обяза- тельно помо- гите ей пережить эту утрату, но уже без меня... А лучше сразу пе- ребирайтесь сюда... Хотя погодите, а если я ещё не помру, тогда – как?.. Вы то- гда, лучше наше корыто постарайтесь найти... Ноги, ноги ей, ну и заодно то,

что выше колен, по вечерам подмывать не забывайте... А там, гляди, и ко мне разом пожалуете...

– Да что ж это такое?! Чего это вы, из-за какого-то дырявого корыта, бучу тут подняли?!..

– Ты, злыдень, москаль вонючий, лучше помолчи!.. Пролетариат, из Красной Пресни, нашѣлся мне!.. Тебе-то откуда знать за то корыто?!.. Шоб ты сдох зав- тра, на несколько лет раньше меня, прежде, чем произносить подобное ко- шунство и высказываться, хихикая в рукав... И вовсе оно никакое не дырявое, скажу я вам без всякого на то секрета, а почти что – наша реликвия, ибо мы с Машенькой в нём купались, как только мы поженились... Бес- форменное без- образие! натуральное безобразие! скажу я вам... Хоть собак по следу пускай! Не просто воруют, господа-товарищи, всё что на глаза попадѣтся и что плохо лежит... Всѣ тянут! Скоро тянуть нечего будет... Вы можете себе представить такое?.. Намедни, прямо из- под носа, у нас из коридора, на гвозде ведь

сколько лет висело и никому не нужно было... А тут, видите ли, вдруг кому-то понадо- билось... Спѣрли, как будто бы это хрусталь или персидский ковѣр!.. Сволочи! Скоты безро- гие!.. Теперь нам с Марьей Андроновной не в чем даже подмыться!.. Хоть в общественную баню ходи, где можно прихватить не только насекомых, а и пострашнее там водятся вещички – болячки... Потом-то хворью изойдѣшь и даже не поверят!.. И что, прикажите, нам делать?!.. В чём мыться? Бедной Маше приходится залазить в тазик, а она не в состоянии нагнуться, у неё радикулит от сидячей работы в билетной кассе... Конечно, я тоже принимаю непосредственное участие: нагнувшись, мою ей ноги и между ними... то, что выше находится, тоже приходится мыть, а как вы хо- тели?!.. Но так не может продолжаться до бесконечности!.. Можно подумать, что конец света уже не за горами, а его ещё попробуй дождись!.. И не дождѣ- тесь!.. а корыто своё я так или иначе всё равно найду!.. Его дворник наш, Налым или Охрым, чѣрт его знает, как его правильно зовут, но он пропил наше корыто, больше некому. Надо участкового звать... Управдом тут не по- может... он с ним заодно, вместе водку лакают. Но попробуй ещё узнать, кому он его, сволочь, пропил!.. А сейчас, по этому поводу, уважаемый Михей Поликарпович, будьте любезны пройти к нам на кухню, и мы этот случай, от- метим... Нет, печальный случай не отмечают, а водкой заливают, что мы с

вами, наверное, и сделаем сейчас...

Спустя время на кухню заходит Мария Андроновна: застряв на пороге и по- ложив ладони на бѣдра, сощурила близорукие глазки, стрельнув ими обез- оруживающим взгля- дом, и словно пытаясь до конца осмыслить всю пагуб- ность пьянства, наполняясь из-нутри и поверхностно злостью и раздувая щѣки, будто их накачивают воздухом, сказала, как плюнула всем в душу:

– Замечательно!.. Блаженный ублажит идиота, а идиот в прожигателей жизни подастся; останется вызвать только вытрезвитель к нам на дом, как

скорую помощь. Прохлаждаемся!.. алкаши вы несчастные... в то время, когда корыто, неизвестно, где пропадает!.. И искать его надо, кровь из носа, и- кать!.. – а они согревают себя из-нутри!..

– Больно на вас смотреть, мадам-брошкина... Прошу прощения, Машенька,

– сказал гость, Михай Поликарпович, уже заплетающимся языком, – но вы, до- рогая, прямо на глазах у меня стареете... Бю-бю-з-галтер... вон у вас бюзгал- тер выг-г-лядаеть... Раз-зрешите мне, вам его на сисички подправить... и поце- ловать вас в плечико, намедни вы мне голой почему-то приснились, гадом

буду!..

– Чего, чего?.. Кто это там квакает?.. может, у вас в голове, Михай Поликар- пович, ваши мозги там надумали стареть?!.. И у вас ещё и язык поворачива- ется мне такое заявлять?!.. Прямо какое-то скотство, слушать подобное в соб- ственных стенах квартиры!.. Который день хожу не купанная, как мокрая ку- рица: всё кругом провонялось и липнет теперь; осталось ещё вшей завести и ходить с утра и до вечера, а то и ночами, чесаться... А у него хватает наглости заявлять, что я уже старая!.. и голой ему сниться стала...

– Так я это... – Марья Андроновна, однако не посчитайте мои слова за под- лость, пусть я завтра голодным останусь и до вечера на выпивон не найду, я хотел просто заметить, что вы постарели вчера, а может, когда у вас то ко- рыто пропало...

– Так тебе молодых подавай?!.. как будто бы ты с ними справишься... Вот, что я думаю, бабники вы этакие, – то, что в ваших глазах в розовом свете, то

пусть останется на вашей давно уже пропащей и пропитой совести. Интимная вещь у жен- щины, скажу вам, как на-духу, для общего, так сказать, кругозора, она никогда не стареет. Это не то, что у вас там висит, где-то внизу и болта- ется, а то, гляди, одна шкурка уже осталась, хоть ливерную колбасу, бери, да начиняй... И не надо мне тут говорить и пальцем тыкать, что я уже старая!.. не надо!.. Я ещё и вас переживу и раза три, а может, и больше, выскочу замуж и не за таких, шалопаев, как вы... А вам, вижу, труба!.. вон мешки под глазами,

того и гляди кондрашка за шиворот схватит... Романтиками вы были когда- то... Да и то: столкнёшься с таким, идиётом, на узком пути, и некуда бедной девице деваться, хоть в монастырь уходи... На душу опустошение ляжет, а в кровати... опять никого!.. Кому это нужно, скажите?.. – вы, обормоты!.. Я вас спрашиваю!.. Чего языки проглотили? или уже спите на ходу?!..

Прокричав свой монолог, Марья Андроновна, умолкла. Не дождавшись оправданий, спросила:

– А вообще-то, чем вы тут занимаетесь?.. словесным онанизмом?.. Огляни- тесь вокруг, кругом убогость и нищета, как и была прежде, а страна наша в

очередную пропасть катится!.. – а у вас на уме и языке одни бабы, до которых вам уже и дела-то нету... Терпеть и ждать я не буду, корыто ищите!..

– Марья Андроновна, да успокойтесь вы, ради бога!.. Худшее уже давно по- зади и стало быть, если судить по телевизору, экзотика лиц там поменялась, того и гляди, ума наберёмся... А нам много не надо... Вечерком бы в ресто- ранчик на пути заскочить, потом гульнуть за коньячком и балычком и в но- мера отправляться...

– Куда, куда?! – слепив до кучи глаза, спросила Мария Андроновна.

– Оговорился, простите. Я хотел сказать: в свой номер квартиры, куда же ещё...

Вот с этого памятного дня и почти что до самого Нового года, на Богатынов- ских буграх и в ближайших к ним городских кварталах, продолжались поиски

собственности и «реликвии» – корыта, которое ранее принадлежало супругам Василь Палычу и Марии Андроновне, фамилию которых мы так и не узнали,

по причине, что соседи её тоже запамятовали, а у самих потерпевших спро- сить мы постеснялись, ибо им было не до нас, когда подмыться им не в чём. Супруги, кряхтя и ругаясь

с жильцами всего квартала, продолжали обитать в той самой тринадцатой квартире, по улице Седова. И как рассказывают, жи-

вут они там, ещё с двенадцатого года, прошлого века, когда по соседству оба пешком под стол ходили. Результатов поисков мы так и не узнали, но говорят, что корыто – то самое, что Хомяк утянул, – до сих пор стоит в углу, в коридоре, справа от двери, если с площадки зайти, в квартире у Клавдии Сироткиной, которая о нём попросту забыла. Живёт сейчас она сама, объявив на всю Бога-тяновку себя вдовушкой: влачит одинокое существование и не до корыта ей в эту пору. Со своей легкомысленностью она распрощалась и теперь приводит домой только по одному «кобелю», перейдя на более старший возраст. Хвосту не страдает, а лишь пополнела, на почве наступившей спокойной жизни и мудрой профессии – бодяжить и продавать водку. А её «племяши», будто

бы сидят в колонии строго режима, на той самой Каменке, за кирпичным забором, который по самому верху так опутан колючей проволокой, да ещё к тому же под током. Оттуда уже не сбежишь, и что-либо увидеть можно, если на крышу залезешь... Но прошёл слух – на самой Каменке и в соседнем военном госпитале, который раскинулся своими владениями как раз напротив, через Темерничку, что скоро «зону» сносить будут, а вот, куда её переселят вместе с Юрой Сундуковым и Сидоркиным-капустой, об этом мы уже вряд ли узнаем.

Спрашиваете, за что сидят?.. Право, не знаем, но думаем, что не за добрые и благотворительные дела. Опять, вероятно, голышом в мешке, куда-то саданули, а может быть, досталось кому-то и по голове... О дальнейших похождениях Гендоша Куцанкова, который в недалёком прошлом припеваючи жил поживал под фамилией Побрякушкина Ивана Ильича, занимая должность директора крупной трикотажно-текстильной фабрики, где он фабричным народом, как горохом в том уворованном корыте, будто в лото шурудя, игрался не глядя, и даже не подозревал, что в то счастливое для него время, где его беда ожидает. Тем более не думал тогда, что вскоре превратится он в обычного ростовского бомжа, а попросту – бродягу. Впрочем, читатель, вам об этом самим предстоит прочесть в романе. А для сведения, скажем: никому не нужными станут ни его знания, ни его интеллект, тем более его интеллигентность. Бомж – он и в Африке – бомж, а в СССР и в Ростове – подавно; самой жизнью в этой стране предопределено для большей части населения, жить в нищете и в горе горемычном, каждую копейку всю жизнь считая... И

если ты даже не бродишь по помойкам, а живёшь в своей собственной хате-халупе или в коммунальной квартирке-конуре, то это ещё не означает, что ты далеко ускакал от того самого бомжа. Разница между вами невелика, а многие граждане, ещё с самой войны, после которой минуло уже 75-ть лет, до

сих пор продолжают жить в подвальных помещениях, но зато в городе. За сельскую местность можно только со слезами на глазах, про себя побурчав, перекрестив, прочитать молитву за упокой. Семьдесят лет коммунисты разоряли сельскую местность всей центральной России: от северных поморских

земель и до окраин Воронежской твердыни-острога. И дальше... – на Юг, срывая мужиков и баб с насиженных мест, уничтожая их деревни и хутора; стирая в пыль и превращая в пахоту залежные земли. Последствия были кошмарные: пыльные бури, гонимые калмыцким ветром, понесут чернозём над просторами прикубанских степей, – белого света не станет видать!.. Да и там, на просторах Среднерусской возвышенности и дальше на север: среди лесистых и болотистых дебрей, не мёдом намазано было. И будто бы кто-то

умышленно и по указке непримиримого и откуда-то взявшегося, давно затаившегося, злейшего врага всех русских людей: толпами и целыми деревнями продолжал отправлять крестьян в бродяжничество на все стороны света. Великой – в географическом масштабе – России, но маленькой и тесной для

идиотизма самой чиновничьей власти... превращая народ в бесправных бом- жей, они упивались своею властью...

Вот, на этой самой, что ни на есть скорбной и печальной ноте, о дальнейших приключе- ниях Гендоша, мы и остановимся. И как мы уже сказали, – чтобы по- подробнее узнать обо всём, придётся вам, всего лишь прочитать роман «На

закате». А мы, простившись с художественной прозой и с нашими персона- жами, среди которых, можно прямо сказать, не кривя душой и не стесняясь:

что с личностями нам не совсем повезло, с которыми мы сейчас случайно по- знакоми- лись, – прямо-таки не подарок!.. Поэтому отправимся-ка мы вновь:

по жизненным стопам и путям-дорогам самого автора... И коль уж мы остано- вились на книгах, то о них и продолжим.

* * *

Увы, но на дворе действительность такова, что книга и впрямь покидает не только руки человека, но и – как предмет существования – разум его. Писа- тель – последние два, а то и все три десятилетия – у нас давно уже не профес- сия, а сама книга стала недоступна в цене как раз для тех, кто их читает, а у кого много денег, она им и даром не нужна. Читают-то книги больше люди

бедные; они умнее, но бедные!.. и не потому, что у них не хватило ума стать богатыми... Как раз наоборот, – совесть и интеллект не позволили им соваться туда, в ту помойную яму. Ибо заработать честным путём в нашей стране и

стать в какой-то мере, если и не богатым, то хотя бы состоятельным, фактиче- ски невоз- можно. Грабить и воровать у ближнего – это можно, всегда пожа- луйста, не говоря уже за само государство, которое с простого гражданина

последние штаны всегда готово снять. Тебе остаётся или беспардонно врать и пресмы- каться, с бельмом на обеих глазах, но – это не для совестливых и ум- ных людей занятие, или тогда влачи жизнь в крайней нужде, нищете. Так как наша страна, к нашему всеобщему несча- стью, вот на этом постаменте и

жиждется. Ну а для самых бедных и бесправных лишь пропаганда и преду- смотрена... «...Пусть продолжают ждть манны небесной и светлого буду-

щего, а наше дело им обещать...». Потому-то, чтобы честным путём зарабаты- вать боль- шие деньги, в нашей стране требуются особые, чаще криминальные таланты. В России можно только воровать по-крупному, чтобы в тюрьму не

попасть. А книги, – это успокоение и баловство для дебилов, – так они гово- рят: «... Пусть холопы почитывают, вместо того, как мы умеем культурно за ко- ньячком посидеть, от пуза пожрать, да с „тёлками“ в сауне попариться...».

Вот эти воры, жулики и так называемые – «царёвы» слуги и живут в своём мирку удо- вольствий, попутно впрыскивая в свою забубенную голову адрена- лин, при этом не забывая употреблять и нюхать кокаин. Ну а для того, чтобы делать «бабки», читать книги вовсе не обя- зательно, а тем более мудрёно пи- сать, там совсем иные подручные средства необходимы. Но!.. – как бы там худо и чудовищно ни обстояли дела для писателей, и как бы катастрофи- чески для них ни складывались в дальнейшем остальные материальные и духовные ценности, как и сами обстоятельства: писатели были и будут во все времена! И на сегодняшний день их масса имеется. Просто о них никто не знает, ибо они не на слуху; то, на чём заработать можно деньги – это сейчас на слуху...

Многие сейчас пишут – «в стол», как к примеру, и я; а то, что я печатаю за свой счёт, то капля в океане или снежинка на Северном полюсе, и можно это в рас- чёт вовсе не брать. Про- сто – лично я, не совсем в душе доверяю электронике: жёстким там дискам всяким, компью-

терным папкам на файлах, как и флеш-кам. Бумага – на мой взгляд – и сама книга, намного надёжней!.. На хорошей

бумаге – сто и триста лет, а то и больше, для книги не срок. В мире имеется масса книг, которым более тысячи лет, а вот электроника – это пока под во-просом. У человека потребность такая – писать! Как пить или есть. Другие, к примеру, песни поют, или без музыки жить не могут; картины пишут: рисуя, малюя, изображая. И как я уже сказал не единожды, о писателях сейчас не говорят и тем более не пишут о них – словно их и нет на свете! На телеэкра-нах сейчас не до них, когда на кону стоит «бабло» рядом с твоим благополу-чием, а то и с самой жизнью. Всё делят и делят, да разделить никак всё не могут. Вообще-то, – каждому в этом мире своё... и по заслугам воздастся...

Поговорили было о последних «из-могикан» – писателях... В «Роман-га-зете» напечатали последние их литературные вещи, а потом и забывать вдруг стали. Вот только по памяти, чтобы долго не рыться в уме, хочу напомнить

имена, правда, не тех известных идеологических «геббельсов» и заезженных в прошлом «классиков» советско-коммунистической прозы, типа Александра

Проханова, а больше их идеологических противников: Сергей Алексеев с од-ним из луч-ших своих романов «Крамола», за который в «эру ярого комму-низма», гляди, и расстрелять спокойно могли. Евгений Шишкин, с его «Прав-дой и блаженством» и с «Распятой душой» – это близко и к моим взглядам и жанру, и довольно-таки остро режущая проза, на нашу дей-ствительность.

Хотя, как сделал я вывод, что в финале его произведений присутствует но-стальгия по коммунизму, и автора пересиливает идеология прошлого: того

вонючего идеологического вранья. Видимо, ему ещё в школьные годы эта за-раза напрочь привитая и приколоченная глубоко в душе гвоздями, как при-вивка от оспы, после чего, автора, не броско и осторожно, к этому комму-

низму опять потянуло. Между прочим, как и товарищ от криминальных сюже-тов, гос-подин В. Пронин, написавший «Ворошиловского стрелка», который

был экранизирован с таким колоритным успехом, и где этого самого

«стрелка» сыграл знаменитый и неповторимый в актёрских ролях Михаил Ульянов. При-держиваясь своего детективного жанра, Пронин на сей раз со-творял психологическую тра-гедию, наглядно показав, прогнившую внутрен-ность всей системы режима, как и самих, вурдалаков – стражей порядка и их последышей-выродков. Попранная и втоптанная в грязь законность, которая, как и предрекали, в конечном счёте срослась своими щупальцами с кри-мина-лом, способствовала краху и развалу страны. И как я уже сказал и повторюсь, сейчас-то больше говорят совсем о другом, а литературы, как таковой: будь то поэзия или проза, её будто бы и на белом свете и не существует. Но я

лично думаю, что это временное явление и я в этом больше, чем уверен.

Книга вечна! Она самое удивительное творение человека на свете, и, если бы он не сотво-рил её, вполне возможно, что мы бы ещё прозябали где-то на окраинах Древнего мира. Неко-торые спросят, – почему это вдруг? Прогресс – есть прогресс! Отвечаю, как давно и широко всем известную истину. Потому что книга, при её чтении, развивает мышление, воображение, прививает по-нятия; к тому же попутно присутствуют и личные домыслы, как и личная фан-тазия, заставляя работать мозг. Как тренер упорно принуждает спортсмена тренировать его мышцы, готовящегося к соревнованиям, так книга – трени-рует человеческий мозг. Смартфон и компьютер – со своим интернетом и многочисленными сайтами – вам мгновенно преподно-сит кучу готовой ин-формации, к тому же – потоком, не давая и доли секунды на размыш-ления, вбивая кусками вам – в вашу глупую голову – ту информацию, которая прежде всего нужна самой власти. Это одно и то же, если вы будете питаться всю

жизнь из тубика калорийной пастой, вместо обычной еды. Со временем ваш

желудок, съжившись до напёрстка, атрофируется и не способен будет пере- работать даже не очень грубую пищу, к примеру, тот же хлеб. Так что, потом – без «тюбика с пастой», которую вам как соску младенцу предоставляет регу- лярно власть – жить вы уже, вряд ли сможете. А вот, что касается книг: то со- всем недавно, на одном из телеканалов, я просто слу- чайно услышал слова ведущего передачи: «...Европа смартфонами и интернетом уже объелась и вновь зашелестела страницами книг...». Дай-то бог! Если не внуки мои, то

правнуки не станут круглыми идиотами и не полезут снова на дерево. К нам, к великому нашему сожалению, всё хорошее обычно доходит с большим

опозданием: в среднем лет этак на пятьдесят. Потому и «чёртиков» гонять на дисплеях в смартфонах и на мониторах компьютеров долго ещё будут. До- вольно часто можно наблюдать подобную картину: сидит за компьютером взрослый «бычара» – на стройке бы такому пахать, строить дороги, страну возрождая и избавляя от халуп и бараков, а он в детские «стрелялки» играет.

Рядом с ним сидит такой же «орангутанг-мартышка» и при этом ржёт, как ме- рин, и вся- кую ахинею друг другу несут. Со стороны посмотреть – с жёлтого дома сбежали. А иногда можно и со стороны пронаблюдать, когда это дей-

ствие происходит в общественном туалете. Сидят рядышком два придурка на дырках, держат в руках смартфоны и по ним переговариваются – о чём-то

своём, или в ту же «стрелялку» играют... У нас, видимо, долго ещё будет эта

«холера» перед нашими мордами своими мощами трусить, добираясь к моз- гам, про- никая в душу и бродя по сознанию, усиленно его деградировать. Нам ещё предстоит дорасти до того Запада. Не успеем, а тем более, если не возь- мём в руки книгу – точно на дерево вскарабкаемся!.. Какие уж тут литератур- ные классики могут быть?.. тут в пору алфавит бы не забыть!.. Кто-то сказал:

«Любовный роман человека и книги вечен!». Вот это действительно правда! Но тогда, требуется ответить и на свою, мою – личную правду. С чего это вдруг, да ещё и на старо- сти лет я решил стать писателем, или потребность та- кая возникла, а может, что-то ещё?.. Вдруг найдётся такой, который всё-таки спросит. А ведь этих опубликованных книг могло ведь и не быть...

Я уже говорил, что мечта эта давняя, ещё со школьной скамьи. Но то было давно и путь к написанию первой цельной вещи был тернист и попросту ра- нее не осуществим. А что отно- сится к сегодняшним дням, то началось всё ещё в начале 2014-го года. Нежданно и негаданно вдруг выстрелил у меня позвоночник. Проблема с ним у меня была ещё с времён воинской службы.

Случилась тогда у меня травма позвоночника: смещение то ли самого диска,

то ли позвонка, отчего хрен не слаще редьки... Служа в армии, когда появля- лись боли, старался по сильнее утягиваться ремнём португепи, ибо при этом было относительно терпимо. В последующие годы, интенсивно и регулярно занимаясь по утрам гимнастикой, избавился от этой проблемы. А дело было

так. Как-то увидев по телевизору передачу с участием экстрасенса Кашпиров- ского – во времена его популярности и моды на всю эту мистическую дребе- день, но в тот раз, можно сказать ему – спасибо. Он рассказывал о том, как из- бавиться от болей и всяких проблем с позвоночником способом гимнастиче- ских упражнений, при этом демонстрировал колесо: с двумя по бокам руч- ками и показывал, как его надо катать по полу. Стоя на пальцах ступ- ней ног и не касаясь животом и коленями пола, требуется это колесо выкатить вперёд головы на вытянутые руки, а вслед за этим втянуть его под себя. Упражнение чрезвычайно сложное, и вначале, и только на коленях, требует долгих трени- ровок и сильных мышц. Многим, чтобы сделать это упражнение на полную выкладку и несколько раз подряд, потребуется, возможно, не один год заня- тий, в которых ни в коем случае нельзя торопиться, иначе можно вообще

ка- легкой стать, разорвав мышцы брюшной полости. Лично я, года через полтора тренировок, стал делать это упражнение на полную выкладку доведя его до двенадцати раз, что в общем то, в корне – не рекомендуется; да оно и лиш- нее. Максимальное количество раз должно быть не велико. Это прежде всего полезно для позвоночника, когда не перегружаешь его, и делать это упраж- нение следует всего два три раза, но регулярно. После того, как я каждое утро стал выполнять это упражнение: лет тридцать я понятия не имел, где нахо-

дится сам позвоночник, и, что он имеет способность ещё иногда и побали- вать. Но, однажды, в одно неудачное утро, я банально проспал, что ранее очень редко бывало, ибо у меня армейский режим, ещё начиная с восемна- дцати лет. В то утро времени на гимнастику у меня уже не оставалось.

Обычно в подобных случаях – как я уже сказал, за редким исключением – я, быстро, в течении нескольких минут выполнял силовые упражнения, после чего шёл в ванную комнату, чистил зубы, брился, а в конце залезал в ванну

под струю холодной водопроводной воды. Покатав колесо – не зная ещё на ту минуту, что я это делаю последний раз в своей жизни!.. Где-то около пятна- дцати раз я его тогда кат- нул, – с дуру, конечно!.. День прошёл, как и обычно: бодрость, сила в руках и ногах, отличное не только самочувствие, но и настроение. Вечером же, чёрт меня дёрнул, напариться в ванне!.. Если бы я

этого не сделал... хотя тому, вероятно, суждено было быть! Как после показал МРТ – позвоночного пятого диска-то уже и не существовало!.. а там, на том

месте, и грыжа ещё до десяти миллиметров была, так что рано или поздно всё равно бы выстрелила вся эта напасть. И все эти годы: лишь сильные и ре- гулярно тренированные мышцы до поры до времени держали позвонки в нужном положении. И вот, когда я напарившись выле- зал из ванны: утром пе- регруженные, а вечером распаренные мышцы расслабились и не выпол- нили свою прежнюю силовую функцию. В следствии чего в позвоночнике произо- шёл ружей- ный выстрел дуплетом... В то же мгновение у меня в глазах потем- nello, и я еле до кровати дошкандылял: на карачках, по обезьяньи, ибо в доме я на тот момент был один... Как ещё из ванны успел вовремя вылезть, а то бы мог и утопиться...

И повезли меня после этого сыновья... – как того Иванушку-дурачка печка

по деревням и лесам всё возила, а меня на автомоиле «Фольцваген-поло» по городам и весям. Ну а раз повезли сыновья не на печке, а разложив сиденье в машине и вымостив подушки, то и комфорт был в портал иного измерения неопиcуем, особенно учитывая те боли, которые я испытывал в дороге. Да как поехали мы по всяким знахарям, костоправам, ману- альщикам и экстра-

сенсам, а больше всего почему-то на нашем бесконечном и тернистом пути встречались обычные шарлатаны и жулики, которых как говна или гною в навозной куче: плодятся везде по стране, даже там, где и не подумаешь. Ра- зумеется, задаром только кошки родятся, а с меня уйму денег содрали. На каждом новом месте, нас в очередной раз, как лохов разводили, а мы, лишь платя деньги, как будто бы их даром – на дороге нашли. Считаю, дарили, и фа- милий не спрашивали... Одно и тоже, что на ту дорогу их выбросить, и не мало ведь, не менее 150- ти тысяч рублей развезли, как будто по церковным приходам. А пенсию-то, пенсию!.. – Хоть не вспоминай!.. Вспомнишь и жить не хочется: опять ведь невезуха! Деду Саше, назначили – за общий трудовой стаж – в сорок четыре года – «громадную», аж – 3970 рублей в месяц, что рав- нялось тогда, в 2010-м году, недельному прожиточному минимуму, – и кого

бы подумали?.. – бомжа на городской свалке или в подъезде многоквартир- ного дома. Получалось, что средне-статический городской бомж, живя на

свалке или в подъезде, в четыре раза превышал меня по жизненному соци- альному уровню.

Но вернёмся к «специалистам» и к «потомственным знахарям». Где-то там, в пятом колене, а в третьем, если на пальцах ноги посчитать, то почти получается близкая родня: через дорогу на-вприсядки, той самой Евангелине Ванге и прочим, и прочим... Утверждали также, что через десятого деда уж точно,

ибо он был троюродным братом, где-то там на Полтавщине, о чём ещё Гоголь писал: и сватом заодно доводился, известному колдуну и магу, который сидел сейчас перед нами, готовясь меня излечить. И как показали дальнейшие его действия, уже в последующие минуты его понесло. Оказывается, только ему одному и никому другому – ведуну там или знахарю, а то и известному экстрасенсу: по кумовству – Чумаку и его племяннику Кашпиров-

скому. Имен и фамилий – для истории – мы, на удивление, не запомнили, по причине запутанности и множественности этой «родни», да к тому же мне на тот момент было не до этого. Пусть хоть самому чёрту и демону поклоняются, а заодно и к сатане, как к родне, ходят в гости, лишь бы меня от болей избавили! Но, обещая скорое выздоровление – после стольких-то процедур – и гонимая при этом, что, если, – упаси вас господь!.. – да вы согласитесь на операцию!.. Инвалидное кресло вам на все сто процентов обеспечено на веки вечные...

Но с каждым днём боли только усиливались и обезболивающие уже приходилось принимать всё чаще и чаще. Вскоре, обычные обезболивающие,

что продаются без специального рецепта, действовать перестали. Невролог

стал выписывать мне препараты на основе траммадола. Самым эффективным и щадящим был зарубежный аналог – «Золдиар». Дороговатый при моей пенсии: упаковка более чем в полторы тысячи рублей, но и он до конца боли не

снял, а от побочного действия, произошло увеличение печени, гастрит желудка и прочие отрицательные явления. Ходить я почти перестал и выходов было только два. Первый – это лежать, продолжая мучиться: спя в сутки не

более часа и ожидая своего конца, от тех самых траммадолов; и второй – это операция. Но учитывая, что я почти год сидел на сильно действующих обезболивающих и тем самым угробил желудок и подорвал уже своё – не хилое до этого случая – здоровье: надежда, на то, что всё пройдёт благополучно, лично у меня, была призрачной. И, если честно сказать, я почти не верил и

старался не думать об этом, что вернусь живым из Краснодара. Потому,

прежде чем ехать туда, я нанял риелтора, заплатил ей двадцать тысяч, чтобы она быстро переделала всё имущество на моих детей; имущество которое на мне и которое было всё-таки не совсем маленьким. Что и выполнено было в короткий срок. Со спокойной душой, я отправился умирать в Краснодар, зная, что теперь мои дети, ради которых я все эти годы жил и пахал без разгиба, не станут таскаться по судам, деля меж собой моё имущество и не окажутся в конце концов у разбитого корыта: ободранные до нитки адвокатами и судьями...

Когда человеку долго на его пути встречаются одни только жулики и паразиты, со временем появляется большая вероятность, что может всё-таки, в конце концов, возьмёт, и погода изменится для твоей судьбы, и тебе повезёт хотя бы в чём-то. Вот так и у меня случилось, во что я уже почти не верил.

Прежде всего повезло на нейрохирурга, который блестяще справился с моим позвоночником. Операция шла целых шесть с половиной часов. Удалив негодный позвоночный диск вместе с грыжей, выбросили в окно, пробегавшим мимо собакам. (*изволю, шутить*) Вместо него воткнули титановый диск, закрепили его металлической пластиной, на которой он держится: взяли в руки шуруповёрт, и четырьмя винтами присобачили к позвоночнику. Долговечно, прочно и надёжно: и диск к тому же вечный и хрен когда соржавеет: лет этак на пару тысяч вполне хватит. Всё это шутки, а вот на самом деле, ходить мне пришлось учиться заново. Но зато, я плотно засел за творчество написания книг...

Клиент не всегда бывает прав.

Как-то моя внучка, Вика, которая на тот момент училась в первом классе, додумалась, у меня спросить: «Дедушка, а кем ты ещё хочешь стать?..». А я у неё и спрашиваю, – в каком это смысле?

«Ну ты же до этого был строителем, а сейчас стал писателем, а потом... – кем ещё будешь?..».

Потом – говорю ей – скорее всего уже покойником, и отнесёте вы меня на кладбище, потому что за свою жизнь, я кем только не был и эта, если можно назвать писательство – специальностью, то у меня она последняя будет... Вот, слушай, кем был твой дед. Ну, то что в школе учился об этом и так понятно,

потом служил в армии, к тому же и не один год, пока не сбежал. Шучу, ко- нечно. Ушёл, написав рапорт, не обошлось, правда, без скандала, даже три- буналом грозили, что учили меня. Но потом всё-таки уволили. Иначе, по тем временам, из армии не уйдёшь. А мне на тот момент уже почему-то расхоте- лось дальше служить, хотя, говоря по правде, были тому осно- вания, о кото- рых я не хочу говорить, да и сама тема не для тебя, рано ещё. Далее последо- вало времечко, когда я за тридцать лет смог построить, примерно, в пределах 150-ти, а то и более двухсот жилых частных домов, то есть – целую длинную улицу с обеих сторон... На этом наш с ней разговор был закончен.

Для остальных читателей я продолжу, а для особо интересующихся прошу это учесть – что всё то, о чём я сказал выше, построил я всего лишь вот этими

своими двумя руками и с одним подсобником. А если посчитать и все мелкие объекты: всякие кухоньки, гаражи, цоколя под дома, сараи, боксы и обкладка кирпичом старых хат, то получится – все триста объектов, а может, и больше. В редких случаях, когда приходилось строить большие особняки, подсобни- ков было больше. Но для того, чтобы у меня появилась возможность и право их строить, попутно следовало где-то работать – на другой работе, чтобы иметь на руках справку. СССР – начиная с её рождения в 1922-м году – всегда была страной справок! Требовалось работать где-нибудь официально, иначе будешь признан туне- ядцем, живущим на «нетрудовые» доходы, и могут в тюрьму посадить, но чаще отправляли на принудительные работы: годика на два – на стройку коммунизма. А тунеядцем – лично я был, примерно, вот та- ким. Рассказываю без всякой похвальбы, преувеличений, и как гово- рят, – без булды.

Сутки отпахал в степи, не вылезая с седла – пас отару овец в пять тысяч го- лов. Не сам конечно, а с напарником, и лошадь всего одна на двоих. Последу- ющие двое суток посвя- щаются лично себе, когда требуется уже зарабатывать на семью деньги. Утром я сменился на «чабарне» или на полевом стане, а ча- сиков в девять утра, я уже с мастерком в руках, стою на рештовке и кладу кир- пичи. После целых суток общенья с баранами, настроение и само- чувствие не то, что не в дугу! но и похвалиться нечем... Уже много дней подряд над голо- вой стоит антициклон – знойная погода. Жара – под-сорок!.. Как я уже сказал,

– стою на рештовке, (подмостях) спиной к проезжей части улицы и веду кир- пичную кладку фасадной стены. На голове выгоревшая сатиновая кепка от

солнца, до пояса голый, и кожа не светлее, чем у негра из Сомали или с Ан- голы. Потел я очень редко, обычно, когда парит на дождь, а так всегда кожа сухая, только шкура на спине, поскрипывая, скворчит на жару. Напротив, меня, за моей спиной – слышу, остановилась про- езжающая легковушка. Я не смотрю, не до этого, и продолжаю работать. Слышу, со стороны дороги, воз- глас: «Санёк!.. мать перемать!.. А я еду, смотрю, какой-то армян, новый кла- дий появился у нас в Кушёвке... И кладёт же ещё, как хорошо... А, это, оказы- вается, – ты!.. Вот, как загорел, что уже и от армяна не отличить!.. Ладно, по- ехал я, нахрен, а то тут у вас, как на сковороде... Слухай, як вы, в такую сякую мать, по такой жарюке работаете?! Я бы через

час уже сдох... Бувайте, поеду до дому, до хаты, в холодок...». Вот это, читатель, и были – те самые мои «не- трудовые» доходы!.. Взял по весне – в первых числах апреля – мастерок в руки, вздохнул глубоко и радость в душе воспылала, что работа, наконец-то, привалила к тебе и в семье дырки заткнём; нагнулся и приступил с восторгом

и любовью к работе. Ведёшь это кладку: дни – будто водопад, не считая и не замечая, мелькают. Разогнулся, чтобы оглядеть окрестности и поясницу раз-мять, а на голову уже белые мухи полетели. Когда промелькнуло лето: убей, – не пойму!.. – а за ним и осень?!.. а следом-то! и все три десятка лет?!.. Про-мелькнуло времечко с мастерком в руках, что даже не видел и не успел заме-

тить, как и все четверо моих детей стали взрослыми. Работа – убивает время!.. Это аксиома, о которой многие знают, но, правда, те, кто вплотную знаком с настоящей работой. Но опять же – только лишь в том случае, если она плодотворная, творческая и, разумеется, хорошо оплачиваемая, в противном слу-

чае – это будет уже каторга, на которой день годом покажется. Ибо, когда труд твой бесплатный, тем более, если к тому же ещё и работа бестолковая, тогда вообще пиши, – пропало! Работа, как таковая, ко всему прочему ещё и даёт человеку полное удовлетворение жизнью. Это, что касается строитель-ства, а вот насчёт своих книг, которые я написал... Я вовсе не обо-льщаюсь, насчёт популярности своих произведений, пишу сейчас, совсем не преследуя иных целей, как только ради своего удовольствия, для своих внуков и буду-

щих правнуков. Примерно, так я и на стройке работал, ибо работать только за деньги – это уже сущая каторга. В самом начале своей строительной «кар-еры»: именно ради этих самых денег, я первое время и работал. На тот мо-мент не было у меня, как говорят: ни кола, ни двора, ни жилья, ни лишней ко-пейки за душой, как и толковой одежды-прикида, а о каких-то там – библио-теках, а тем более машинах, даже мечтать боязно было. А тут ещё и дети

стали появляться на свет. Надо было срочно искать выход из кризиса финан-совой без-надёги. А где его найдёшь?.. На дороге такие вещи не валяются и для начала требовалось иметь хотя бы какую-нибудь ходовую специальность. Как я «старательно и прилежно» учился целых два года в строительном учи-лище, об этом я правдиво и красочно рассказал, описывая этот отрезок своей жизни в романе «Не потеряй себя». И если, кто-то из вас всё-таки его прочи-тал, то, вероятно, сделал для себя вывод: что за два года – меня там, так и не

смогли чему-нибудь толковому научить. Правда, после уже, когда ушёл из ар-мии, посту-пил заочно учиться в сельскохозяйственный техникум, в городе

Анапа. Учился на отделении – сельскохозяйственное и гражданское строи-тельство, но где-то на середине обучения, требовалось на семью деньги зара-батывать и к тому же, надо-ело на сессии ездить: бросил к едрёной фене, так и не дотянув до финала; и после, так ни разу не пожалев об этом...

Поначалу, как я уже сказал, работал за деньги. Гнал без-передыху и не мор-гая глазом – кирпич за кирпичом, ряд за рядом, а там уже и стенка другую

подпирает стенку, и вот она уже готова, а за ними и весь дом. Качество кладки явно хромало – сам это видел – но, так как брал за работу не дорого, клиент радовался и хвалил; говорил с восторгом, а может и врал, что ему очень нравится и лучше не бывает. Но, я-то не дурак! – было с чем сравни-вать: свою работу с чужой. Уходишь с тяжёлым таким осадком на душе,

словно сам себя обидел или обосрался... Извиняюсь, за вульгарность, но на самом-то деле – чувство не выбросишь за спину, уходя с объекта, когда тошно на душе и где напортачил. И деньги, лежащие в кармане, как таковые не со-всем при этом радовали. К тому же, каждый раз приходил уставший, как дво-ровый кобель после собачьей свадьбы. Тогда я подумал, – так дело дальше не пойдёт, и надолго меня не хватит. Сбавил обороты,

нажав на тормоза, и уделил внимание качеству работы. Когда достиг того мастерства, по тем временам и учитывая качество самого кирпича, из которого только перегородки

было класть, поднял расценки за работу; меньше стал уставать, и в душе полагать удовольствие от конечного результата работы.

Работать мастерком я научился, без всякой на то похвальбы: виртуозно, как и кнутом сбивать по лепестку, сидя в седле на лошади. И сравнить это можно, разве что с теми ковбоями, которых мы любили смотреть в моей далёкой молодости на экранах кинотеатров ещё в конце шестидесятых и начала семидесятых годов. Когда, где-то посреди Большого каньона, штата Колорадо, коварный, как гремучая змея кобра, Акула Додсон, по прикиду, вроде бы какает под профессию – ковбоя, а хобби у него – разбойник и убийца. С молниеносной скоростью, выдернув кольт из кобуры, он, вначале, как крылья ветряной мельницы вращал его на одном своём пальце, а в последующую секунду, уже серией – «пах-пах-пах...», без промаха убивал кучу индейцев, а то и шерифа заодно с его шоблом. Однажды, говорят, пришёл своего друга-подельника, после того, как ограбили они почтовый поезд, завладев при этом кучей денег, а после другу сказал: что Боливар двоих не вывезет. После чего, пришлось, и друга прикончить. Вместо почтовых поездов и Боливаров, лично я – продолжал класть кирпичи, и в суеверия не верил. Не ведая о том, который дом уже идёт по счёту, ну и попутно тренировался с мастерком, как Акула с наганом... Когда пас баранов, как я уже сказал, тренировался батоном, сбивая по одному лепестку на полевой ромашке: любит, не любит... На-спор, мог положить спичку на табуретку, чтобы лишь головка её свисала, после отходил метров на семь и с одного удара попадал кнутом по спичечной головке. На

стройке же, обычно я вёл кирпичную кладку – не торопясь и для души. Однако выпадали и были случаи, когда кто-то: то ли совсем посторонний, к примеру – сосед, или сам хозяин-заказчик умасливался где-нибудь за моею спиной и начинал наблюдать, как я работаю. В такие минуты в меня вселялся

бес, а вместе с ним и нечистая сила, а если в это время я клал к тому же ещё и длинную стенку или перегородку, да ещё и в пол кирпича... Мне почему-то хотелось показать любопытному – мастер класс: как нужно и как умеют работать настоящие каменщики. Немного сконцентрировавшись, внутри собравшись – волю в кулак – но в общей своей, физически составляющей, требуется немного расслабиться – это, как на спортивных соревнованиях, а что касается меня, то сравниваю, перед марш-броском: в полном боевом и на шесть километров, по пересечённой и заражённой местности, и в противогазе. Движения должны быть подконтрольны сознанию, ничего лишнего и всё в отработанном ритме, иначе в норматив не уложишься. Набрал темп, начинаю представление кладки кирпича. Прежде, чем нагнуться и мастерком зачерпнуть точный и давно уже выверенный объём раствора, на указательном

правой руки крутнул мастерок, как Акула Додсон крутил свой кольт. Зачерпнув порцию раствора, в мгновение ока, в секунду, словно ленточку, расстелил его по версте кладки (*версты в кирпичной кладке – это количество рядов в одном ряду на толщину стены. Их может быть от одной версты, если стена в пол кирпича, а чаще две, три или четыре, если стена в два кирпича*)

Расправив раствор, молниеносно подрезал его острым носиком мастерка; нагнувшись взял левой рукой кирпич и тоже крутнул его в воздухе, чтобы он повертевшись перед моей мордой, оказался в руке лицевой своей стороной наружу, а тот раствор, что я подрезал, с ювелирной точностью набросил на тычок кирпича, и мгновенно его положил под шнур, всего один два раза при-стукнув, подрезал раствор...

Вы читали, а я писал этот процесс кирпичной кладки в десятки раз дольше, чем занимало на самом деле его действие. Сидящий в стороне наблюдатель, о котором уже было заявлено выше, спустя время, мне говорил: «Санёк, твою дивизию мать!.. вот уже, наверно, скоро час,

как я наблюдаю за твоими руками и как ты работаешь... В глазах у меня всё мельтешит: твой мастерок и

кирпичи мелькают, а уследить, как ты их кладёшь, не могу, хоть убей!.. Где ты так научился их класть?..».

– Жить захочешь, – говорю, – по-человечески жить, или около этого, – всему научишься, даже тому, чего ранее за собой не замечал и не подозревал... Ко-

гда-то, ещё в годы своей юности, я два года учился на каменщика-монтажника железобетонных конструкций и все эти два года я всем громогласно заявлял, что в жизнь никогда не буду работать на стройке... А вышло, как видишь, всё наоборот...

Нет, были и иные отзывы, но это обычно были люди недалёкие в области созидательного, тем более физического труда. Личности, которые относятся чаще всего к жлобам или переучившиеся в высших учебных заведениях – типы, у которых на этой почве выработался иммунитет ко всему творческому и стоящему, на что поглядеть не стыдно. К тому же, на роже у такого дятла-деляги всегда был написан волчий оскал и стойкая аллергия к подобным людям, как я... Ибо, находясь на определённой должности, воруя у государства,

а значит, и у самого народа: всё кругом для него бесплатно, а тут – ну, никак в его гнилом нутре не укладывается, что какому-то захудалому и никчёмному

«каменюшнику», почти что недочеловеку, и придётся платить такие большие деньги!.. Хотя порой, эти самые – «деньжищи» – копейки ведь для

«Оно», по сравнению с тем баблом, что каждый день «Оно» умудряется – и ума же на это у него хватает, за совесть уже помолчим – воровать. Но гнилая его душонка не желает, даже и с этим мириться. Бубнит по ночам, лёжа рядом с женой на кровати:

«...Хоть до прокурора иди, да ищи на этого, кладея-каменюшника, управу!.. Ведь явный тунеядец!.. И живёт, сволочная антисоветчина, на нетрудовые доходы... Кладёт кирпичи, обдирая народ!.. Надо в райком сигнал на него дать, чего они с ним нянчатся!.. Пусть возьмут его за жопу!..». Выплеснул не только горечь жене, но и продолжая думать об этом, на следующий день, из-под

лобья глянув недобро на «каменюшника», из-за которого почти ночь не спал, и пройдя к куче песка, нагнулся и взял в руки кусок доски, чтобы под задницу себе подместить. При этом подумал: что иначе летом простудишь, и от этого может случиться ранняя – «простатита», а следом и импотенция, пожалуй, может, прийти... Возьмёт, и прибредёт невзначайно. (*Хотя он уже и так импотент.*)

Кусок доски «Оно» долго рассматривало со всех сторон, опасаясь от неё кого-нибудь каверзного подвоха: хоть и задница большая – как у порядочной бабы, а вдруг, где-то незаметно гвоздь в ней торчит, тогда и до импотенции вряд ли дотянешь, без надобности она явится, подлая!.. Доску «Оно» поло-

жило на кучу песка и уселось. Долго молчало, переваривая в душе «несправедливость», что придётся этому «тунеядцу» за работу «деньжищи» со дня на

день платить. Дом-то уже больше чем до половины готов. С подленькой ухмылкой наблюдая, как я кладу кирпичи, какое-то время продолжало мол-

чать. Наконец, видимо, в его головной «заумной» коробке созрели какие-то мыслишки, но скорее всего: в мелкой и ничтожной душонке, грудная жаба

жадности стала ещё сильнее душить, опять червячок подначивал, что совсем недалёк тот день, когда всё-таки придётся, расплачиваться за работу...

– И чё там такого сложного!.. – сказала «Оно», с пренебрежением в голосе и кривя свой похабный рот, продолжило: – Кирпич на кирпич, гони бабка магарыч, я бы и сам так склав!.. Да и кирпича сюда меньше пойдёт, чем планировали, и в цене договаривались... Когда дом доложишь, – сказала дальше

«Оно», – пересчитаем кирпич, то и будет цена...

– Так в чём же дело?! – сказал я, бросая мастерок, как штык в землю, в ведро с раствором, ибо в душе появилась ненависть к этому чинодралу, а

следом непреодолимое и огромное желание: бросить нахрен всё и уйти подальше от этой гниды.

– Ещё не поздно, – говорю, глядя ему в глаза, – флаг тебе в руки и вперёд на баррикаду!.. а мне и без твоего дома работы хватает – очередь, до зимы не управиться... А, то, что я уже сложил, дарю!.. детишкам на молочишко, а то, не дай бог, ещё разоришься совсем... Коля!.. – кричу своему подсобнику, —

сколько там у нас раствору осталось?..

– Пару ведёр, а чё? – отвечает, спрашивая, подсобник.

– И у меня пол ведра. Забирай и выбрасывай его нахрен под стенку, на от- мостку, собирай инструмент и сваливаем!

Направляясь к машине, в спину слышу голос:

– Да чего ты взъерепенился?!.. и пошутить уже нельзя... Продолжайте рабо- тать...

Я оборачиваюсь и говорю:

– Шутить будешь со своими подчинёнными!.. Пусть они тебе и дом достраивают, по осени буду мимо проезжать, одним глазком гляну, что из этого вы- шло... *(В-те времена, в Кущёвке, было незыблемое правило и его неукоснительно выполняли все каменщики-профессионалы. Брошенный дом ни за какие деньги никто не брался достраивать. В одном только случае – это по просьбе самого каменщика, если ему, какие-то непредвиденные причины, не позволяют самому достроить дом.)*

Уже в машине, Коля, подсобник, сказал:

– Санёк, много же уже сложили, как-то жалко...

– Не переживай, Колян, за отработанные дни я тебе со своих заплачу, а этих, козлов, хотя бы изредка проучивать надо. Да к тому же, достроив дом, он нам пока отдаст те деньги, крови немало попьёт!.. Это я наперёд знаю. Завтра поедем другой объект начинать...

В тот раз другой объект начинать раньше времени не пришлось. Вечером приехало «Оно», прямо ко мне ко двору, и всё-таки уговорило закончить дом под крышу... Заплатив при этом деньги вперёд.

Не нудно, читатель?.. Если нет, расскажем ещё пару тройку сюжетов.

Кстати, для справки: лично я – с власть предержащими – разговаривал на равных и не пресмыкался, как последний холуй перед ними, а когда кто-либо из них начинал права качать, я отвечал: «Будешь у себя на работе подчинёнными командовать, а здесь объект, за который я отвечаю, а для твоего кругозора, хочу внести кое-какую ясность. К примеру, лично ты, думаешь, что этот дом – твой! – который я сейчас тебе строю. Ты, заблуждаясь, глубоко ошибаешься. Доказать?.. Пожалуйста!.. Во-первых, у тебя этот дом могут, нехрен делать, конфисковать, что нередко бывает в последнее время, – это раз! Может так случиться, что ты его подаришь кому-то или продашь, а то и в карты проиграешь, после чего он пойдёт по рукам, как та испорченная подлым мужиком девка, и за его долгую жизнь – этого дома – здесь хозяев может десятки

смениться. Но, он всегда будет оставаться моим!.. даже, когда меня не будет уже на этом свете!.. Потому что я его построил!.. В каждой уложенной мною кирпичине, я оставил частичку себя и своей души, и тебе этого не понять! Для меня ты – клиент-заказчик, как и все остальные, будь ты хоть министром обороны... Не нравится, могу хоть сейчас, сию минуту, собрать инструмент в

сумку, ноги в руки, и гуляй с кем хочешь свой сабантуй, если ещё удастся достроить, а то придётся твоим подчинённым его и докладывать, но уже с божьей помощью...». Монолог мой всегда обычно срабатывал, и «Оно» утягивало свой язык... – в общем не совсем, куда надо...

Не лебезил я перед ними, как некоторые, не пресмыкался и для меня его высокая должность была, что мёртвому припарка или банный лист до места. Ибо я знал наперёд, что в его подчинении, работать мне никогда не придётся. Людей я привык ценить не по статусу его высокого ранга, а за умственные и душевные его качества, как и за профессионализм в каком-то деле.

Так, по крайней мере, когда-то меня учили бывшие фронтовики: вначале в школе, а после в армии, и глубоко в душе я всегда оставался военным. Балаболами, к великому нашему сожалению, ими у нас вся правящая верхушка

страны пестрит и ещё несколько этажей вниз, а результат тому – вечный бардак в стране, вечная разруха и отсталость развития от цивилизованных стран.

На-словах они носятся, как дурень со ступой, со своими утопическими идеями, вешая лапшу на уши доверчивому народу, а на деле – они: мерзкие стяжатели, казнокрады, то есть – обычные воры, но – при законе! Не путать – с ворами в законе, до которых им далеко, как глухонемому до песен. Ибо последние не скрывают, что он вор в законе, а даже гордятся этим и признают это в открытую. А вот, казнокрады, святых из себя корчат. Во всей его каби-

нетно-чиновничьей угловатой фигуре – в костюме и при галстукке – выпячивает необразованность, некомпетентность и полное отсутствие профессионализма в своей сфере руководства, как и в отдельно взятом вопросе. Чуть ниже, на

примерах, я вам это докажу. На первом плане – у них на уме – не какая-то там экономика и социальный жизненный уровень простых работяг, или хотя бы: как-нибудь построить, или «отрыгать» подобие тротуара, чтобы детишки в школу по нему ходили, а не по дороге, по проезжей части, где несутся машины. Не-ет, им не до тротуаров, если они его и будут строить, то только для себя, а чаще там, где и дети-то редко ходят, деньги надо отмыть. Тут – как бы

самому удержаться в этом кресле, а то и повыше вскарабкаться; пускать пыль в глаза и очковтирательством заниматься, и показуху вовремя поддерживать, основанную на вранье и дутых показателях, как и выпендрёж перед такими же, но только вышестоящими начальниками, – это фишка и высший пилотаж их работы. Потому лично у меня к ним не только не было никогда уважения, а с каждым годом нарастала ненависть за тот бардак, что творился вокруг.

В канун Нового 2021-го года на канале «Россия-24» несколько дней подряд вели репортажи всяких разоблачений по теме катастрофической вырубке

леса в стране и заведение Уголовных дел на высокопоставленных чиновников, которые погрязли в воровстве и взяточничестве. Там приводились примеры из прошлых разоблачений и чем это для – нувориш – закончилось.

Лучше бы молчали уже, и не злили народ, чем рассказывать подобное, за что, к примеру, в том же Китае, вывели бы на стадион и прилюдно, разов десять подряд, расстреляли. А у нас, чинуша-казнокрад и взяточник, украл у государства всего навсего миллиард рублей, а сколько спрятал по зарубежным банкам, одному богу известно. И что бы вы думали?.. Получил всего-то

несчастных четыре с половиной года, и то – условно!.. Будто пальчиком ему погрозили, сказав, чтобы больше он так не делал. В дополнение к условному сроку, приговор обязывал, этого чинодрала, выплатить государству 75-ть миллионов рублей, которые, скорее всего, он уже им отдал, ибо, лишившись должности, на обычной работе – и козлу понятно, – что подобную сумму не

выплатить ему и за тысячу лет, если даже всей роднёй будут работать на это...

Кто ж себя посадит?!.. Он же памятник!.. А тот, который должен и обязан его посадить, сам не лучше его, а то и во сто крат преступней, ибо на страже закона стоит и исполняет его.

В один из супермаркетов зашёл молодой человек: двадцати двух лет и одетый не бедно. Он долго ходил между стеллажами прилавков, вероятно, тем самым и привлёк внимание охран-

ников, которые следят за видеонаблюдением, что в дальнейшем и погубило парня. Ходил он, ходил, но потом-таки на короткое время остановился в отделе алкогольной продукции. Взял с полки импортный коньяк, упакованный в красочную металлическую коробку, и быстрыми движениями рук вскрыл её, вынув оттуда ту самую злосчастную бутылку французского коньяка, стоимостью в четыре с половиной тысячи рублей, запихнул её себе под куртку, за брючный ремень. После чего, закрыв

плотно коробку, поставил её на место. Что побудило парня на этот поступок, нам доподлинно неизвестно. Возможно, он хотел перед своими товарищами блеснуть сим коньяком, или со своей девушкой приятно вечер провести: за рюмкой коньяка и с шоколадкой, кто его знает. Но суд на всё это ложил большую кучу дерьма, и посмотрел на эпизод со своей колокольни: кто-то же должен в тюрьмах российских сидеть, коль чиновникам там категорически

нельзя и не-можно. Парню дали три года общего режима!.. В первом случае – там, чиновдрал, миллиард у государства украл – то ерунда! Поделится, как-то. Здесь – всего-то!.. какая-то несчастная пол-литра бормотухи, и за неё три года тюрьмы!..

Небезызвестный вам «герой», из сериала «Бандитский Петербург», авторитетный товарищ, под кличкой Антибиотик, выходит правду матку там говорит: «...Можно, Серёжа, украсть велосипед, и всё здоровье в тюрьме оставить, а можно, воровать вагонами и эшелонами, и при этом припеваючи

жить...». Страну угробил не сам Горбачёв, хотя его и удавить мало, а с подачи, вот как раз таких «поддувал», которым место под шконкой, а лучше у парашаи

– секретарей всяких, начиная с верхушки ЦК и Политбюро, секретарей крайкомов, обкомов и райкомов... и так до самого низу – партторгов и всяких шавок партийных, сексотов. Когда рухнула вся эта «не загнивающая», неповторимая и вечно живая ленинская партия, угробившая за семь десятилетий, как раз те самые семьдесят, а то и все сто миллионов народу, отправив их на тот свет, за здорово живёшь. Это они и так долго продержались у власти, из-за покорности и глупости большей части народов в России. В другой бы стране враз бы смели и следа бы не осталось. Чувствуя это, потому и уничтожали народ, более чем по миллиону в год, – не так уж и много. Но так не могло

продолжаться вечно, а результат – как карточный домик, рассыпалось всё в прах. А, где же вы были, коммунисты?!.. Вы!.. – шививый авангард и «железобетонный» фундамент ленинизма?!.. Вы не стоите даже того паршивого грошика, на том самом базаре... И войну не вы выиграли, а лишь к Победе примазались. Вам бы усрать, и в первый год войны вы это ярко и через край

показали, пока сам народ не понял, что надо спасать не вас – а своё потомство и свою землю родную! После чего закатав рукава, и не жалея жизней

своих, сделал то, что делал он веками... Так что, сопли утрите, – «партия – наш рулявой!..».

Да никуда они в общем-то не делись, а всё там и здесь, на тех же значных местах сидят и страну обдирают до нитки, вместе с её населением. Тому есть масса примеров из сегодняшней жизни. Но, бог им судья, а мы спустимся на низ, к простому народу, где вроде бы и тупая покорность, но всё-таки мир не без добрых людей и самыми приятными – за все три десятка лет, клиентами-застройщиками, были у меня – это простые работяги, которые расплачиваясь со мной за построенный дом, часто отдавая последние деньги, и не признавались мне в этом, хотя я это всем нутром своим чувствовал. Но при этом, в конце строительства дома, ещё и накрывали почти свадебный стол, и со всей открытой душой, в дальнейшем, оставались со мной в дружеских отноше-

ниях. Я вам ещё больше скажу, хотя не каждый это поймёт и тем более в это поверит. Читатель, прошу, сконцентрируй внимание!

Даже непосильным трудом заработанные деньги, беря их из рук заказ-

чика, я всегда чувствовал тяжесть в душе, и радости особой ни разу при этом я не испытывал!.. На душе осадок после остаётся, как будто незаслуженно деньги я взял и тем самым обидел человека. А вот радостно на душе и на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.